

Небеса ручной работы

Расписные потолки и иконы
из храмов Кенозерского
национального парка

**КЕНОЗЕРСКИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПАРК**

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации
Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное учреждение «Национальный парк “Кенозерский”»
Федеральное государственное учреждение культуры «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря»
Издательская программа «Интерроса»

Небеса ручной работы. Расписные потолки и иконы из храмов Кенозерского национального парка: каталог-альбом/сост. доктор искусствоведения Т.М. Кольцова, М.Н. Мелютина. М.: Издательская программа «Интерроса», 2010. 144 с.: ил.

Выставка экспонируется в залах ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Впервые представлено художественное наследие Кенозерья: уникальные «небеса», иконы, храмовая утварь. В научный оборот вводятся 102 не известных ранее произведения искусства. Открыто имя иконописца Федора Захарова Иока и демонстрируются его работы. Впервые публикуются документы Первой (1958) и Второй (1962) Онежских экспедиций ГЦХРМ из фонда Н.Н. Померанцева архива ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Каталог-альбом адресован широкому кругу специалистов: искусствоведам, историкам, архитекторам, музейным сотрудникам, а также читателям, которые не равнодушны к художественному наследию Русского Севера.

Публикуется по решению редакционного совета ФГУК «ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря»:
А.П. Владимиров – председатель
С.Ф. Вигасина
Е.Н. Хрущева
Г.В. Цируль
М.С. Трубачева

Над изданием работали:
Редакторы Е.Н. Хрущева, Е.И. Проханова
Корректор Т.Н. Михайлова
Дизайн: Е.В. Ахтырская
Группа верстки и цветокоррекции:
П.М. Ермаков (руководитель),
Н.В. Веселова, И.Л. Кочергин, Ф.Н. Хориков.
Фотографы А. Анциферова, Л. Боголепова,
Й. Бушт (Германия), Ю. Веденин, Н. Дельвин,
Ю. Кавер, И. Коваленко, А. Козыкин,
К. Кокешкин, Ю. Колосова, М. Кудрявцев,
Н. Лебедева, А. Липницкая, Ю. Ломаков,
С. Никольский, В. Новиков, А. Плехов,
Г. Приходько, Э. Смирнова, В. Триханин,
Д. Федотов, Б. Францен (Норвегия),
Н. Чесноков, Е. Шатковская, В. Шевелев,
Е. Шевелева, И. Шпиленок (к статье Е.Ф. Шатковской);
Т. Кольцова, Н. Кулебякин,
М. Луговской (к статье Н.М. Мелютиной,
Т.М. Кольцовой и каталогу);
М. Скутте (к статье М.А. Скутте)

Участники выставки:
Федеральное государственное учреждение «Национальный парк “Кенозерский”»
Директор Е.Ф. Шатковская
Федеральное государственное учреждение культуры «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря»
Директор А.П. Владимиров
Архангельский филиал ФГУК «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря»
Заведующая А.Н. Селезнева

Руководители проекта:
Е.Ф. Шатковская, директор ФГУ «Национальный парк “Кенозерский”»
А.П. Владимиров, директор ФГУК «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря»

Кураторы выставки:
М.Н. Мелютина, заместитель директора по научной работе ФГУ «Национальный парк “Кенозерский”»
С.Ф. Вигасина, заместитель директора по научной работе ФГУК «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря»
Т.А. Юдкевич, выпускающий редактор Издательской программы «Интерроса»

Художественное оформление выставки:
Ю.И. Аввакумов
Над каталогом работали:
Авторы-составители
Доктор искусствоведения Т.М. Кольцова,
М.Н. Мелютина
Авторы вступительных статей
Е.Ф. Шатковская, М.Н. Мелютина,
Т.М. Кольцова, М.А. Скутте
Авторы каталожных описаний
Т.М. Кольцова (кат. 1–82), Р.А. Дунаева,
Е.Н. Роймуева, Е.В. Цапаева (кат. 83–102)

© Кенозерский государственный национальный парк, 2009
© ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря, 2009
© Издательская программа «Интерроса», 2009
© Авторы статей и каталожных описаний, 2009

Содержание

Епископ Архангельский и Холмогорский Тихон. Вступительное слово к каталогу выставки «Благословенное Кенозерье»

Е.Ф. Шатковская. Кенозерский национальный парк

Кенозерье по материалам Первой Онежской экспедиции ГЦХРМ 1958 года в архиве ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря

М.Н. Мелютина. По следам старых фотографий (Иконы из Свято-Троицкой церкви Хергозерского прихода в коллекции музейного фонда Кенозерского национального парка)

Т.М. Кольцова. Живопись Кенозерья

М.А. Скутте. Реставрация расписного «неба» работы Федора Захарова Иока из часовни Николая Чудотворца в пос. Усть-Поча

Каталог

Список принятых сокращений

Вступительное слово к каталогу выставки «Благословенное Кенозерье»

Выставка «Небеса ручной работы», организованная Кенозерским национальным парком, посвящена духовному возрождению Русского Севера. Основу выставки составили религиозные памятники, вывезенные сотрудниками Парка из разрушенных часовен в начале 1990-х гг. с целью сохранения местных реликвий, поскольку многие из них находились в плохом состоянии и требовали срочных противоаварийных работ. За последующие годы многолетнего сотрудничества Кенозерского национального парка с ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря было отреставрировано и возрождено значительное количество произведений.

Впервые в экспозиции будут представлены 102 отреставрированных неизвестных ранее памятника монументальной живописи («небеса») и иконописи, старопечатные книги, предметы церковного культа из музейного фонда Парка.

Уникальное явление Кенозерья – это сохранные в интерьерах действующих часовен иконостасы, предметы внутреннего убранства, «небеса» XVIII–XIX вв. «Небеса» – это памятники культовой монументальной живописи, получившие распространение в деревянных храмах Русского Севера с XVII в. Редчайшее явление в монументальной живописи Русского Севера – наличие двух «небес» в одном памятнике: алтаре и молельном помещении. В Кенозерье известны памятники с двойным «небом» в Георгиевской церкви XVIII в. в д. Порженское и церкви Происхождения Честных древ Христовых XVIII в. в д. Филиповская. В композиции «неба» часовни Николая Чудотворца XVIII в. (пос. Усть-Поча) на всех 12 гранях

помещены клейма жития Николы. Это единственное «подписное небо», автором которого является иконописец Федор Захаров Иок. После реставрации этот комплекс, наряду с другими «небесами» Кенозерья, впервые будет представлен на выставке и впоследствии вновь возвратится в Никольскую часовню.

Созидание духовной жизни на территории Кенозерья стало возможным благодаря сотрудничеству Парка с Архангельской епархией. Символ возвращения людей к своим духовным истокам – завершение в 1998 г. сложных реставрационных работ в Никольской часовне (XVIII в.) в д. Вершинино. После многолетнего забвения Никольская часовня, призванная служить местом молитвы для православных христиан, была нами освящена. Это знаковое событие для местных жителей, российских и зарубежных гостей Парка. Архангельская епархия и в дальнейшем призвана осуществлять возрождение церковной жизни в Кенозерье. В последующие годы Кенозерским национальным парком были отреставрированы и освящены священниками епархии часовни Св. апостола Иоанна Богослова (XVIII в.) в д. Зехново, Сошествия Святого Духа на апостолов (XVIII в.) в д. Глазово, Св. Иоанна Крестителя (XIX в.) в д. Горбачиха. Вновь построенны и освящены часовни Св. Александра Невского в д. Мыза, Св. Ксении Петербургской в д. Морщихинская. В 2004 г. в здании Архангельской епархии открылась выставка «Возрожденные святыни Кенозерья», представляющая результаты неутомимого труда реставраторов во благо воссоздания церковных памятников.

Выставка «Небеса ручной работы», открытая в залах Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. акад. И.Э. Грабаря, предоставляет нам возможность и впредь участвовать в важной духовно-просветительской работе.

Призываю Божие благословение на тружеников Кенозерского национального парка, радеющих о духовном возрождении Русского Севера!

**Епископ Архангельский
и Холмогорский Тихон**

Кенозерский национальный парк

Елена Шатковская,
директор Национального парка «Кенозерский»

Кенозерский национальный парк

Введение

В России осталось исключительно мало территорий, где культурное и природное наследие сохранилось бы наиболее полно и многогранно. В их числе Кенозерский национальный парк – один из последних островков исконно русского жизненного уклада, культуры, традиций, сохранивший богатство и чистоту своего внутреннего мира, обращенного к истокам... И совсем не случайно идея создания национального парка в районе Кенозера, выдвинутая еще в 1960-х гг. историками, географами, искусствоведами, архитекторами, биологами, лесоводами, лесоустроителями, благодаря активной поддержке общественности, многочисленных почитателей культуры и природы Кенозерья обрела свое воплощение 17 лет назад.

Во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации 28 декабря 1991 г. на площади 139 663 га был образован Кенозерский национальный парк. Он расположен в юго-западной части Архангельской области на стыке Плесецкого и Каргопольского административных районов, его западная граница проходит по границе с Республикой Карелия. По конфигурации территория Парка – вытянутый в меридиональном направлении многоугольник. Максимальное расстояние с юга на север – 72 км, с запада на восток – 27 км.

Кенозерский национальный парк, особо охраняемая природная территория, является эталонной системой исторической среды обитания человека, объектом, сохранившим многовековую историю и культуру Русского Севера. Свидетельство этому – природные

комплексы и объекты, многочисленные памятники материальной и духовной культуры, архитектуры, монументальной живописи, иконописи, археологии, богатый этнографический материал.

Долгое время спасительная уединенность, мало зависящая от внешних факторов, способствовала сохранению здесь древних черт в языке и культуре. Традиции, закрепленные обычаями, до сих пор чтятся жителями кенозерских деревень, соблюдать обычаи – значит жить в согласии с окружающим и с самим собой. Легенды освещают родные места, предания высвечивают историю деревни. Рассказы придают особую значимость окружающему, наделяя все окрестности именами, особыми историями. Кенозерский героический эпос вошел в сокровищницу фольклористики огромным наследием, здесь русскими и советскими учеными-фольклористами и этнографами было записано свыше 300 текстов былин, сказок и других произведений устного народного творчества. Историческая память населения придает этим местам глубокое духовное содержание.

Парк привлекает людей результатами удивительного сотворчества человека и природы. Качественный состав объектов культурного наследия не имеет аналогов. Это территория, наиболее ярко сохранившая в памятниках и укладе жизни населения органичное взаимодействие дохристианской и христианской культур.

И именно здесь многовековые культурные традиции бережно хранятся местными жителями, получая право на дальнейшую жизнь. Природно-культурный комплекс Кенозерья существенно обогащает представление о культуре

Русского Севера. Кенозерский национальный парк – поразительный пример сбалансированного и гармоничного сосуществования человека и природы, взаимовлияния и взаимопроникновения природы и культуры, где просматриваются черты русского мироустройства XVII–XIX вв. В 2004 г. он включен во Всемирную сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО.

Уникальное расположение Парка на границе Русской платформы и Балтийского кристаллического щита, водораздел между бассейнами Белого и Балтийского морей, природные характеристики обусловили разнообразие видового состава растений и животных. На его территории обнаружено более 700 видов высших сосудистых растений, выявлены 322 вида наземных позвоночных, в том числе 50 видов млекопитающих, 263 вида птиц, 4 вида рептилий, 5 видов земноводных. В почти 300 озерах и реках Парка обитают 28 видов рыб и 2 вида миног. 14 видов растений и животных занесены в Красные книги России и Архангельской области. Кенозерье играет важную роль в сохранении орнитофауны Северной Европы и поэтому внесено в каталог «Ключевые орнитологические территории международного значения в Европейской России (Important Bird Areas)» (2000).

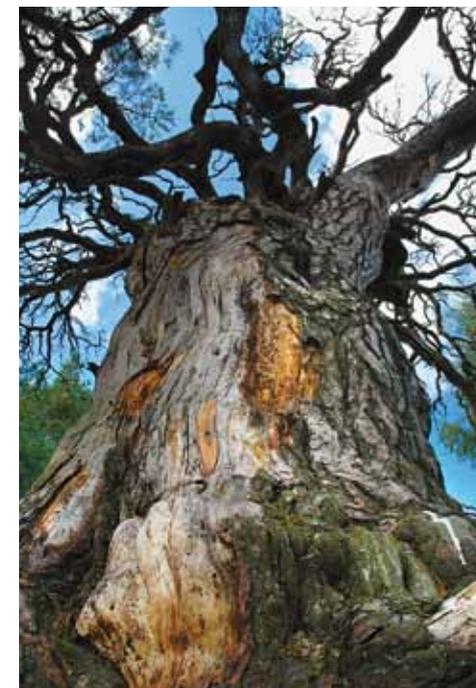
Кенозерский национальный парк – выдающийся образец североевропейского культурного ландшафта, сохранившего на своей территории традиции и реликтовые формы народного творчества, хозяйствования и природопользования. В границах культурных ландшафтов продолжают жить люди – носители традиционной культуры, потомки тех, кто когда-то создавал это

природно-культурное разнообразие. Историко-культурные элементы культурных ландшафтов Парка («святые» рощи, часовни, поклонные кресты, жилые и хозяйственные постройки и т. д.) являются объектами высокой ценности, своеобразной визитной карточкой Парка, важнейшими составляющими образа территории. Высокая степень сохранности культурных ландшафтов и концентрация их ценных элементов делает Кенозерский национальный парк уникальным регионом, аналога которому нет на территории России и других стран мира.

В отличие от многих других мест еще до организации национального парка Кенозерье сохраняло значительную часть своего историко-культурного и природного наследия. Можно предположить, что этому способствовала красота кенозерских мест и следование традициям на глубинном, эмоциональном уровне, удержавшее людей от непродуманных действий и решений. Жизнь по заветам предков была для этой территории способом сохранения национального самосознания. Культурное и природное наследие Кенозерья, пройдя многовековые исторические этапы развития, избежало периодов глобального разрушения, сохранило историческую основу, цельность, самобытность.

История создания

Более столетия назад культурная общественность России впервые услышала о былинном, сказочном крае и познакомилась с этим удивительным миром. Первооткрывателями его стали

известные русские ученые П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг, собравшие в приозерных деревнях прекрасные образцы северорусского фольклора. Многие из записанных А.Ф. Гильфердингом произведений устного народного творчества вошли в его сборник «Онежские былины» (1873), который до сих пор является настольной книгой каждого фольклориста. Кенозерье второй половины XIX – начала XX в. заинтересовывает не только собирателей фольклора, но и ученых, исследователей других отраслей знаний. Известны работы А.Я. и П.С. Ефименко (1877) в области народного права, И.С. Полякова – археологии (1872), А.К. Гинтер – флоры и фауны (1880), В.В. Сусллова и М.А. Ильина – архитектуры (1889, 1925). М.А. Ильин рассматривал кенозерские избы как яркое явление национальной культуры. В 1887 г. этнографы брат и сестра Н.Н. и В.Н. Харузины провели обширные исследования народных обычаев, изучили особенности дохристианских верований на Кенозере и формирование сложного религиозного сознания кенозерского крестьянина. В 1853 г. по заданию Российской Академии наук было начато изучение особенностей гидрологии Кенозера и Лекшмозера, в конце 1850-х гг. оно заняло свое место в сводном труде П.И. Кеппена «Озера и лиманы Российской империи». В 1870-х гг. геология Кенозерья изучалась А.А. Иностранцевым, основателем школы карельских геологов. В 1876 г. под руководством горного инженера С.Д. Мысловского начались работы по включению Кенозерья в проект системы каналов Онежского сообщения. С этой целью подробно обследо-

ваны Кенозеро (от устья реки Тамбицы до Першлахты), реки Кена и Тамбица на всем протяжении, озеро Долгое. Работы продолжались и в начале XX в. В 1918 г. Ю. Верещагин по поручению Зоологического музея Российской Академии наук подробно исследовал озеро Свиное. С 1890-х гг. велись топографические и геологические съемки. В 1932 г. были составлены карты съемок Кенозера и реки Кены. В 1903 г. художник И.Я. Билибин побывал на Кенозере с фотоаппаратом. Сделанные им снимки кенозерских часовен, образцов резьбы по дереву и вышивок проиллюстрировали его статью о Кенозерье в «Мире искусства», а затем и в «Известиях Археологической комиссии». Опубликованный материал вызвал в кругах общественности огромный интерес.

Качественно новым этапом в изучении памятников Кенозерья стал период с конца 1950-х до середины 1980-х гг. В 1948 г. известный архитектор А.В. Ополовников обследовал один из шедевров деревянного зодчества – храмовый ансамбль Почозерского погоста и разработал проект его реставрации. В 1973 г. архитектор Центрального научно-исследовательского института теории и истории архитектуры Г.В. Алферова опубликовала результаты полевых исследований в монографии «Каргополь и Каргополье». Возглавляемая ею группа специалистов выявила в районе Кенозера более 70 объектов, в том числе целые деревни, представляющие собой историко-культурную ценность. В 1982 г. архитектор Ю.С. Ушаков изложил новые взгляды на крестьянскую архитектуру, композиционные особенности организации

жизненной среды поселений Кенозерья в монографии «Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера».

В 1974 г. московские ученые, архитекторы, художники, побывав в этих местах, забили тревогу: гибнут памятники, вырубаются леса, заболачиваются озера, и при этом никаких мер по охране территории не принимается. О реальном положении дел на Кенозере были поставлены в известность Министерство культуры РСФСР, Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Совет министров РСФСР, после чего в Кенозерье были направлены представители этих ведомств, которые еще раз подтвердили необходимость создания в районе Кенозера заповедника культурно-ландшафтного профиля. 2 сентября 1975 г. Министерство культуры РСФСР и ЦС ВООПИиК обратились в Архангельский облисполком с рекомендацией организовать на Кенозере природный и архитектурный музей-заповедник. Одновременно Совет министров РСФСР поручил Архангельскому облисполкому совместно с Министерством культуры РСФСР рассмотреть вопрос о создании в 1978–1983 гг. на территории Кенозера природного и архитектурного музея-заповедника. Началась кропотливая работа по детальному обследованию Кенозерья и разработке всей необходимой для организации музея-заповедника документации. Этой работой занялись десятки организаций при участии археологов, архитекторов, реставраторов, музейных работников, биологов, географов и т. д.

В 1977 г. известные специалисты в области культуры и искусства, в том числе член Президиума ЦС ВООПИиК

Б.А. Рыбаков, секретарь правления Союза художников РСФСР академик А.А. Пластов, писатель О.В. Волков, кандидаты архитектуры Г.В. Алферова и А.В. Ополовников, вновь побывавшие на берегах Кенозера, обратились в Совет министров РСФСР с письмом о необходимости принятия срочных мер по сохранению культурного наследия Русского Севера. В письме говорилось и о необходимости организации на территориях, таких как Кенозерье, новой для России и прогрессивной формы организации территорий – национальных парков, в основе которых заложен принцип территориальной охраны. Это письмо было зачитано и одобрено на состоявшемся в Суздале III съезде ВООПИиК и опубликовано в ряде центральных газет. Проблема получила огромный общественный резонанс. Начиная с 1980 г., о Кенозерье заговорили уже как о будущем национальном парке. Продолжилась работа по обследованию территории, в которой приняли участие специалисты многих музеев Архангельской области (Архангельского областного краеведческого музея, Архангельского музея изобразительных искусств, Соловецкого историко-архитектурного и природного музея-заповедника, Архангельского музея деревянного зодчества «Малые Корелы»), преподаватели и студенты старших курсов Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, специалисты из Москвы и Ленинграда.

Решением Архангельского облисполкома в 1989 г. образованы два ландшафтных заказника (Кенозерский и Лекшмозерский), в декабре 1990 г. создана объединенная дирекция

Кенозерского национального парка. Последнюю точку в многолетней борьбе за сохранение Кенозерья поставил П. Н. Балакшин, глава администрации Архангельской области в 1990–1996 гг. Без преувеличения, это стало мужественным поступком, совершенным вопреки противодействию лесопромышленного комплекса области и Министерства обороны в связи с выведением из их ведения огромных запасов лесных ресурсов. А ровно через год, в декабре 1991 г., вышло Постановление Правительства РФ № 84 «О создании государственного природного национального парка “Кенозерский” Министерства экологии и природных ресурсов РСФСР в Архангельской области».

Природа

Кенозерский национальный парк имеет поистине уникальное расположение на границе Русской платформы и Балтийского кристаллического щита, что наложило неповторимый отпечаток на его природу и историю освоения человеком. Здесь проходит водораздел между бассейнами Белого и Балтийского морей, зона контакта сразу нескольких флористических и фаунистических комплексов, что обеспечивает высокое ландшафтное и биотопическое разнообразие. Природой и человеком здесь созданы условия для широкого спектра местообитаний животных, растений, птиц, многие из которых находятся на границах своих ареалов.

Географические координаты: с. ш. $12^{\circ}36' - 12^{\circ}15'$; в. д. $12^{\circ}47' - 12^{\circ}33'$.

Рельеф

В пределах Парка можно наблюдать несколько геологических структур, сформировавшихся в дочетвертичное время. Наиболее широко распространены отложения каменноугольной системы, представленные известняками и песчано-глинистыми породами. В четвертичный период движение ледников, потоки талых вод в значительной степени сгладили неровности древнего рельефа, перераспределили обломочный материал, сформировали флювиогляциальные формы рельефа: вытянутые крутосклонные гряды – озы, округлые холмы – камы, зандровые равнины.

В южной части Парка, недалеко от Лекшмозера, расположена длинная озовая гряда, заросшая лесом и зажатая между двумя разноуровненными озерами – Масельгским и Вильно. Склоны гряды – крутые, вершина – узкая гребневидная, длина – около 2 км, высота – до 30 м. Она сложена из песчано-каменных отложений древней речки, протекавшей в толще ледника. Во время его таяния, около 10–12 тысяч лет назад, эти отложения осели на поверхность земли в виде гряды, местами повторяющей меандры (изгибы, повороты) потока. Рядом, у озера Кобылье, находятся высокие камы правильной конусообразной формы.

Гидрографическая сеть

Кенозерье недаром называют озерным краем: территория Парка имеет развитую гидрографическую сеть и насчитывает 67 ручьев и речек, 251 озеро, что нетипично для территорий водораз-

делов. Название территория получила от самого большого и глубокого озера – Кенозера.

По величине водосборной площади 90% территории района относится к бассейну Белого моря и лишь 10% – к бассейну Балтийского моря. Граница водораздела проходит вблизи западной границы Парка. Наиболее четко он выражен в районе Лекшмозера, где поросшая лесом гряда Масельга разделяет оба бассейна.

Густота речной сети составляет 0,3–0,38 км/кв. км. Суммарная протяженность сети ручьев и речек – 532 км. Общая площадь водоемов – 20 381 га, что составляет 14,4% земельного баланса Парка. Несмотря на довольно развитую речную сеть, часть территории Парка дренирована недостаточно. Замедленные процессы стока, а также близкие от поверхности залегания грунтовые воды обусловили развитие болот (7 тысяч га) и заболоченных земель (26 тысяч га).

Каждый из многочисленных водоемов Парка открывает свою неповторимую красоту в изгибах берегов, плеске волн, цвете воды. Но наиболее впечатляющими являются Кенозеро, Лекшмозеро, озеро Масельгское, река Порженка.

Стержень Парка – причудливое по форме Кенозеро площадью 99,4 кв. км, сформировавшееся в древнейшем разломе земной коры (протерозойская эра). Большая часть остальных озер имеет ледниковое происхождение. Глубина Кенозера местами достигает больше 100 м, протяженность сильно изрезанной береговой линии – 350 км. Вот как описала его более ста лет назад этнограф Вера Николаевна Харузина:

«Светлыми струями капризно и грациозно разлилось Кенозеро в мягких, низменных и зеленых берегах. Тут большой залив, там узкий наволок. Вот оно пропадает совсем и вдруг с другой стороны поля покажется снова, светлое, смеющееся. Вот опять забежит за большой зеленый остров и снова блеснет уже в третьей стороне. Вот на горизонте мелькнет едва заметная, светлая полоска... и это Кенозеро».

Кенозеро состоит из трех озер разных по площади и форме: Кенозера, Свиного, Долгого. Озеро и его острова, а их здесь множество, окутаны многочисленными легендами. Здесь и таинственный остров Мамонов (назван по имени злобного языческого существа Мамона, обитавшего, вероятно, на этом острове), и крупнейший остров Медвежий с уникальной аллеей можжевельников и великолепными дикими песчаными пляжами. Острова Собачий, Кобылий, Овечий, Межной... Каждый из них имеет свою историю, свою судьбу. Озеро и человек в этом месте составляют единое целое. Не случайно кенозеры трепетно относятся к озеру, оно для них имеет особое, священное значение. На протяжении многих веков озеро поило и кормило кенозерского крестьянина.

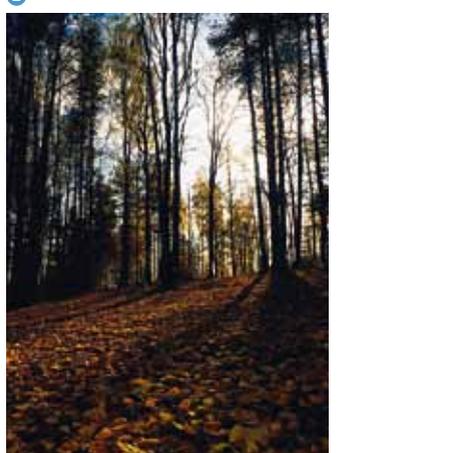
Лекшмозеро – второй по величине водоем на территории Кенозерского национального парка. Оно ледникового происхождения, имеет простую овальную форму, площадь – 54,4 кв. км. Берега, заросшие хвойными лесами, уходят бесконечной лентой и едва просматриваются на юго-востоке – там, где некогда стоял Кирилло-Челмогорский монастырь. На озере совсем нет островов. Оно мелководно, и только в цент-

1

2

3

4

5

6

1 Озовая гряда

2 Озеро Масельгское и д. Масельга

3 Водораздел

4 Кенозеро. Закат

5 Кенозеро

6 Лекшмозеро

ральной части по дну проходит борозда глубиной до 30 м. Озеро это всегда изобиловало рыбой, а знаменитые лекшозерский сиг и ряпушка издавна приносили доход местным жителям. Заросли тростника (по местному – *тресты*), покрывшие прибрежную полосу и совершенно непроходимые, обеспечили прекрасные условия для гнездования многих видов уток, гагар, крохалей, выпи, чомги.

Река Порженка вытекает из Большого Порженского озера и впадает в Кен-озеро. При длине всего 8 км она имеет несколько метров падения. Река разрезает пояс карбонатных холмов, сформировавшихся около 60 млн лет назад, пробив себе глубокий каньон, глубина которого местами достигает 100 м. В карбонатных обнажениях по его обрывам встречаются окаменевшие остатки и отпечатки древних морских обитателей. Из-за многочисленных порогов река имеет облик бурного горного потока, труднопроходима, особенно в период весеннего половодья. На реке Порженке замечательная рыбалка, а если повезет, то можно выловить и хариуса.

Система двенадцати озер, начинающаяся с озера Масельского, является частью водной системы, питающей реку Водлу, впадающую в Онежское озеро. На территории Парка располагаются шесть озер этой системы, соединенных между собой красивейшими лабиринтами протоков, каналов и волоков. Озера типично ледникового происхождения – глубокие понижения между моренными грядами, оставленные некогда ледником при таянии. В июле и августе они украшаются белыми лилиями, невзрачными кубышками, горцами. Здесь можно

встретить чернозобую гагару, уточек-гоголей, рыбацкую скопу, ястребов-тетеревятников. Иногда в поисках рыбы залетает орлан-белохвост, самый крупный пернатый хищник нашей страны. Система в древние времена использовалась для освоения новых территорий и развития хозяйственной деятельности.

Растительный мир

В границах Парка из каждых четырех гектаров три покрыты лесом. Лесная таежная растительность одела освободившиеся от ледника и талых вод кенозерские холмы около 10 тысяч лет назад. Леса занимают площадь около 106 тысяч га, или 76% территории Парка. За тысячи лет эволюции и смен климатических эпох на этой территории сформировались смешанные сосново-еловые леса. Хозяйственное освоение территории значительно изменило их облик. В современных лесах Парка преобладают смешанные по составу и сложные по строению древостои, в основном сосновые и еловые насаждения, возраст которых не превышает 120 лет. Вероятно, именно подсечно-огневое земледелие, прекратившееся в 1920–1930 гг., оказало решительное воздействие на природу Кенозерья и стало главным фактором антропогенной трансформации таежных лесов. Результат этого – их высокая фрагментарность, выраженная в присутствии насаждений, находящихся на различных стадиях сукцессий, обильные вкрапления небольших полей в лесную среду. Такое искусственное поддержание природных комплексов в неустойчивом состоянии в течение нескольких

столетий создавало дополнительное разнообразие экологических условий, невозможное для мало нарушенных лесных территорий. «Опушечный» эффект вместе с высокой мозаичностью подсечных участков приводил к усилению плодоношения деревьев и кустарников (ели, сосны, рябины, черемухи, можжевельника, смородины, брусники, черники) по их границам, что создавало хорошие кормовые условия для многих видов животных: глухаря, тетерева, рябчика, клестов, свиристелей, дроздов, белки, зайца, мышевидных. А обилие осины и ольхи – хорошие условия для жизни лося. Благодаря сохраняющемуся длительное время почвенному плодородию вследствие использования подсечного и других видов земледелия, леса Парка по темпам прироста древесного запаса и среднему запасу как хвойных, так и лиственных насаждений значительно превосходят леса окружающих территорий.

До начала масштабного сельскохозяйственного освоения около 600 лет назад территория Кенозерского национального парка была покрыта нетронутыми таежными хвойными лесами. В дальнейшем происходило сведение лесов на суходольных участках под сельскохозяйственные угодья и рубка деревьев на строительство. Коренные таежные леса, некогда покрывавшие всю территорию национального парка, сохранились сегодня в виде разрозненных фрагментов, занимающих около 5,2 тысяч га, или 4,7% лесопокрытой площади. Этим лесам, в основном на низинных, заболоченных участках, свойственно преобладание сосны и ели, имеющих возраст от 160–180 до 350 лет. Фрагменты коренных лесов Парка остаются

резерватами биологического разнообразия таежных лесоболотных комплексов, ныне повсеместно утрачиваемых.

Но не только леса формируют растительный покров Кенозерья. Болотные массивы, луга, озера прерывают таежный покров, создавая удивительно разнообразные комбинации жизненных условий.

Великолепны болота – бескрайние моховые поля с вкраплениями небольших озер-лабужек. Болотные массивы (7,3 тысячи га) Парка весьма интересны, так как представлены практически всеми типами. Они различны по характеру водного питания и соответственно по разнообразию населяющих их видов растений и животных. Здесь в изобилии произрастают полезные, полные природной жизненной силы Севера ягоды: морошка, клюква, брусника, черника, голубика и водяника.

Флора Кенозерья имеет специфический облик средней тайги, ее особенность – присутствие западносибирских и европейских видов. Всего на территории Парка отмечено более 700 видов высших сосудистых растений из 77 семейств, из которых 53 относятся к категории редких и исчезающих. Наибольшее количество видов приходится на следующие семейства: сложноцветные, злаки, осоковые, розоцветные и норичниковые.

Редкие виды растений

Из растений, помещенных в Красную книгу Международного союза охраны природы, на территории Парка встречается Башмачок настоящий, а в Красную книгу РФ занесены – он же, Полушник

1

2

3

4

5

6

1 Река Порженка
2 Лесные дали
3 Уникальная аллея можжевельников на острове Медвежий
4 Ягоды брусники. Архив КНП

5 Кувшинка желтая
6 Башмачок настоящий (Венерин башмачок)

тончайший, Полушник озерный и Пальчатокоренник Траунштейнера.

Животный мир

Расположение Парка у северной границы среднетаежной подзоны, разнообразие ландшафтов наряду с историческими особенностями формирования природных комплексов определяют смешанный состав фауны. На территории Парка обитают как типичные среднетаежные виды (в частности, рыжая полевка, лесная мышовка, белка, заяц-беляк, медведь, лось, рябчик, глухарь), так и виды, более характерные для широколиственно-лесной и даже степной природных зон (мышь-малютка, обыкновенная полевка, перепел, серая куропатка, коростель, пустельга), а также животные северной тайги и тундры (лесной лемминг, красная полевка, россомаха, белая куропатка и др.). До 40% видов обитают у северной или южной границ своего ареала.

На территории Парка зарегистрированы 263 вида птиц, 50 видов млекопитающих, 5 видов земноводных и 4 вида рептилий.

Для ихтиофауны водоемов Парка также характерен смешанный состав. Здесь обитают 28 видов рыб из 7 отрядов, в том числе лещ, сиг, ряпушка европейская, налим, окунь, язь, щука обыкновенная, ерш. В Кенозере обитают два вида миног.

Редкие виды животных

Из видов животных, занесенных в Красную книгу Международного союза охраны природы, на территории Парка

встречаются орлан-белохвост, сапсан, жемчужница обыкновенная и бокоплав панцирный. Одиннадцать видов животных занесены в Красную книгу России, в том числе белоклювая гагара, гусь-пискулька, беркут и кречет.

Охраняемые экосистемы

К охраняемым экосистемам относятся:

- фрагменты коренных хвойных среднетаежных лесов, не измененных традиционной хозяйственной деятельностью, – около 5 тысяч га;
- участки лесоболотных комплексов – 7,3 тысячи га.

Феномены

Феномены Кенозерья – это:

- озовая гряда Масельга – фрагмент водораздела Ледовитого и Атлантического океанов;
- Кенозерская впадина – древнейший разлом земной коры (более 600 млн. лет), с глубиной свыше 100 м;
- каньон реки Порженки в древних меловых отложениях, с разницей высот до 120 м;
- озерно-канальная система с древними волоками.

Историко-культурное наследие

Среди исторически освоенных территорий Русского Севера Кенозерье отличается гармоничным единством природной среды и культурного наследия, в котором отражены не только типичные черты всего региона, но в зна-

чительной степени его индивидуальные особенности. Природно-культурный комплекс Кенозерья создает незабываемый художественно-поэтический образ и существенно обогащает представление о культуре Русского Севера.

История освоения Кенозерья

История освоения края уходит в глубокую древность. Результаты археологических исследований 1860–1870 – начала 2000-х гг. (В.Ф. Миллер, И.С. Поляков, К.В. Марков, М.Е. Фосс, А.А. Куратов, А.Я. Мартынов, С.В. Ошибкина, В.С. Бузин, А.Г. Едовин и др.) свидетельствуют о том, что первые люди появились в этих лесных местах в IV тысячелетии до н. э. Обнаруженные кремневые стрелы и топоры, скребки для выделки шкур и другие орудия быта могли принадлежать людям высокой материальной культуры. Скорее всего, человек познакомился с этими местами значительно раньше, в эпоху мезолита, в VII–VI тысячелетиях до н. э. Движение северной группы волго-окских племен в «озерный край», где сформировались каргопольская, карельская и беломорская культуры, продолжалось в течение II–I тысячелетий до н. э.¹ Набор найденных предметов характерен для племен ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, что, по мнению археологов, связано с появлением здесь населения из Волго-Окского междуречья. Племена каргопольской культуры – охотники и рыболовы – в еще большей степени, чем пришедшие им на смену славяне, зависели от природных условий освоенного региона и прежде всего от рек².

Основные занятия древнего населения – таежная охота, озерное и речное рыболовство. Основными животными, на которых охотились жители каргопольских стоянок, были бобер, мясо которого употребляли в пищу, лось, северный олень, медведь, куница и выдра.

Для этого уровня развития характерна «включенность» в природную среду и отсутствие тенденций к активному изменению ландшафта.

В VI–VIII вв. заселявшие эти земли протосаамы были вытеснены финно-угорскими племенами. Чудь – так называли финно-угорские племена пришедшие позже славяне. До сих пор финно-угорская речь слышна во многих названиях: Чаженга, Майлахта, Тамбич-Лахта, Челма. До сих пор здесь поминают «чудские ямы» и «чудские могильники». Финно-угорские племена были немногочисленны. Они не строили больших поселений, природопользование ориентировалось на охоту, речное и озерное рыболовство.

Особый период в истории Русского Севера связан с включением в состав Древнерусского государства в XI–XII вв. огромных северных территорий и первым славянским заселением. В сложных процессах миграционного движения на Север из Новгородских земель вместе со славянами участвовали неоднородные этнические группы – славянизированные и аборигенные балтийские и финно-угорские группы.

Первоначально расселение, имевшее низкую плотность, было привязано к основным гидрографическим сетям, поэтому на первом этапе закладывалась сеть водно-волоковых путей, связывающая Новгород и Ростов Великий с северной периферией Восточ-

1

2

- 1 Медведь
2 Серая неясыть
3 Орудия труда древнего человека.
Остров Медвежий. Находка М.Е. Фосс. 1930-е. ГИМ
4 Наконечники стрел эпохи бронзы. Находка В.Ф. Миллера. XIX в. ГИМ

- 5 Керамика из д. Косицыно. Соловецкий музей-заповедник
6 Топор из д. Бор. Кенозеро. Каргопольский музей-заповедник

1 Гравюра из книги Олауса Магнуса «История северных народов». 1536

2 Сельскохозяйственный инвентарь – сохо, сучковатая борона, подсанки, колеса, вилы, грабли

ной Европы. Местное финно-угорское население не истреблялось и не изгонялось – происходил постепенный процесс ассимиляции. Финно-угорская и славянская культуры в то время начали активно взаимодействовать. В целом на территории Кенозерья в XI–XII вв. коренное население уже восприняло русский язык, культуру производства и быта. В редких случаях оно отступало в глубинные районы, где сохраняло дохристианский образ жизни³. Состав русского населения, конечно же, менялся неоднократно, и пока об этом приходится выдвигать одни предположения. Как бы там ни было, но время появления русских на Кенозере не совпадает со временем сложения там устойчивого населения. Только с устойчивостью населения складываются местный говор и местная фольклорная традиция⁴.

Поток славян направлялся со стороны Новгорода. Один путь шел по Водле, Кенозеру, Кене, верхней Онеге, Емце; другой – по Вытегре, Важозеру, Лачеозеру, верхней Онеге; третий – по северному побережью Онежского озера, Выгу, Выгоозеру, Белому морю, Двине. Здесь новгородцы встретились с колонизационным потоком других групп славянства, исходящим из Ростова, Владимиро-Суздальской Руси и прилегающих к ней земель. Этот второй поток поначалу был менее интенсивен, но со временем поставил преграду новгородскому проникновению⁵. Новгородцам приходилось *волочь*, т. е. тащить, деревянные суда, ушкуи, на небольших участках водоразделов между озерами и реками. В лесу прорубались просеки, под днища лодок укладывались деревянные лаги. Подоб-

ный участок пути носит название *волок*. Новгородцы, продвигаясь вглубь северных территорий, преследовали преимущественно промысловые цели, ориентировались на внешнюю и внутреннюю пушную торговлю. Поэтому особое развитие получила охота на белку, куницу, выдру, бобра, норку, горностая, рысь, росомаху. Начавшийся приход с юга славянских поселенцев («ростово-суздальская колонизация»), владевших ремеслами и техникой земледелия, отличался по значению и смыслу от новгородского освоения. На берегах озер в этот период появились селения с рублеными деревянными домами. Так постепенно на побережьях Кенозера, Лекшмозера и других, меньших, озер формировалась сеть поселений. Она была призвана обслуживать пути и будущие погосты.

Древние народы, приходившие и уходившие, оставляли после себя обряды, традиции, ремесла, орудия труда и быта, а еще названия озер, речек, ручьев, островов. Происходило наложение мировоззрений, обрядовой символики и еще многих вещей, реальный смысл и назначение которых нам еще только предстоит узнать... Безусловно, переход от язычества к Православию был далеко не простым и не одновременным. Можно согласиться с Б.А. Рыбаковым, который считал, что «эволюция религиозных представлений происходила не путем полной их смены, а путем напластования нового на сохраняющееся старое»⁶.

На усиление миграционных процессов в ранней стадии могло повлиять крещение языческой Руси и продолжительный период адаптации населения к новой религии.

Огромную роль средневековой коммуникации для освоения Севера сыграл Кенский волок – первый волок на магистральном пути из Новгорода в Поморье, соединивший речные системы бассейнов Белого и Балтийского морей. Кенский волок – уникальный историко-археологический памятник. Как магистральный путь колонизации Русского Севера он заслуживает особой охраны и включения в состав национального парка.

«Волочок Кенский», ведущий с Водлозера, впервые описан в XV в. в Писцовой книге Обонежской пятины, хотя возник намного раньше. «Да в Водлозерском же погосте, на Настасьиной земле, на Мышьих Черевах волочок Кенский, а через тот волочок торговые люди из Новгородские земли ходят с товаром в Заволоцкую землю, а из Заволоцкой земли в Новгородские земли – водяным путем в судах, а великого князя крестьяне Настасьинские волости на Мышьих Черевах через тот волочок товар волочат, а найму емлют с берететь по деньгу»⁷.

Среди известных волоков Кенский выделяется исключительной сохранностью исторического ландшафта. Старая волоковая дорога длиной 6 км от д. Заволочье до д. Яблонь-Горка с тремя маркирующими волок часовнями сохранилась до настоящего времени. Здесь зафиксированы селища XIII в., но анализ находок XI–XII вв. на Водлозере и Мошинском озере в общем историко-археологическом контексте говорит о более раннем использовании волока. Об этом пишет Ю.И. Смирнов: «Общеизвестно упоминание Кенского волочка в уставной грамоте князя Святослава Ольговича, отца князя Игоря,

главного героя «Слова о полку Игореве». Он недолго княжил в Новгороде, но в числе прочих дел успел в 1137 г. подписать эту грамоту, где довольно бегло перечисляются места на европейском севере, которые к тому времени освоили новгородцы. Неизвестно, как долго новгородцы шли к тому, чтобы открыть Кенский волочок. Неизвестно также, сколько долго новгородцы пользовались Кенским волочком, прежде чем упоминание о нем попало в уставную грамоту. Использование Кенского волочка к 1137 г., видимо, было весьма важным, поскольку в той же грамоте упоминания о других волоках, кроме волока «в Моши», отсутствуют»⁸. На это обстоятельство ссылается и Ю.М. Критский: «В научной литературе, рассказывая об освоении новгородцами восточных территорий Севера, обычно ссылаются на Устав Святослава Ольговича (1137 г.). При этом не всегда учитывается, что Устав всего лишь закреплял, фиксировал давно сложившееся положение. Для того чтобы новгородский епископ получал в составе десятины «соли на море от чрева», необходим был высокий уровень развития солеварения, технология которого разрабатывалась новгородцами, пришедшими на восток не менее, чем за сто лет до появления Устава»⁹.

В XIV–XVI вв. в связи с истреблением ценного пушного зверя охотничий промысел переместился на Северо-Восток Европейского Севера и в Сибирь. Экономическая роль местной охоты резко снизилась. Началось активное освоение Севера новгородцами и «низовиками», которые шли главным образом через Белоозеро. Среди причин, обусловивших этот процесс, были стремление уйти из мест, захваченных

1

2

1 На сельскохозяйственных работах

2 Жилища

3 Икона «Кирилл Челмогорский с панорамой монастыря». Первая половина XIX в. Частное собрание

4 Церковь Боговояления Господня на территории Кирилло-Челмогорской пустыни. 1912. Архив Каргопольского музея-заповедника

монголо-татарами, бегство от боярской неволи, рассказы бывалых людей о свободных землях к востоку от Новгорода. Новгородского жителя, уроженца Северо-Запада, влекло к лесу, реке и озеру. Привычка к лесному и рыболовному промыслам во многом определяла выбор новых мест при организации постоянных поселений. Кенозерье и Лекшмозерье с их озерными, речными и лесными богатствами не могли не привлечь внимание новгородцев¹⁰.

В это время освоение края направлялось вглубь территорий на водоразделы и приобрело выраженный земледельческий характер. Среди леса расчищались подсеки, со временем превращаясь в постоянно используемые пашни и выгоны для скота. Через подсечное земледелие и пользование лесными ресурсами значительно менялся ландшафт.

Закладывались основы земледельческого крестьянского хозяйства, начали активно развиваться рыболовный и сельскохозяйственный промыслы, кузнечное, гончарное, плотничье и столярное ремесла, прядение и ткачество. Они были ориентированы преимущественно на собственное потребление.

Укреплялось и распространялось новое мировоззрение – христианство, в «святых» рощах стали появляться православные часовни и поклонные кресты. Этот период был важным для становления традиций общинного природопользования. Тогда оформилась сохранившаяся к настоящему времени система сельского расселения. Исходя из многих финно-угорских топонимов, перешедших в названия населенных мест Кенозерья, можно утверждать, что смена финно-угорского

населения славянским к XV–XVI вв. завершилась.

В 1478 г. Москва окончательно включила северные новгородские земли в состав единого Русского государства, и экономическая ориентация для края изменилась. Возросло значение вначале Каргопольско-Онежского, а с XVI в. Сухоно-Двинского торговых путей. Последующее развитие международного торгового по царскому указу 1585 г. в низовьях Северной Двины и основание Архангельска значительно понизили роль Онежского пути, а в особенности Кенского волока. Изменение ситуации содействовало консервации культуры отдаленного Кенозерья и его хозяйственного уклада. По сути, на длительный период эта локальная территория в экономическом отношении была предоставлена сама себе, край оказался в какой-то степени изолированным, замкнутым.

Произошло формирование своеобразной культуры Русского Севера, создание самобытного хозяйственно-культурного уклада жизни и этико-эстетической системы мировоззрения в результате взаимодействия элементов финно-угорской культуры леса и славянской культуры поля.

В наследии Кенозерского национального парка это своеобразие представлено наиболее ярко. Часовни с заветами, «святыи» рожи с поклонными крестами и ансамбли погостов – примеры и сейчас живущих культурных традиций. В хозяйственной организации территории и промыслово-хозяйственном природопользовании четко прослеживается экологическое и рациональное мышление населения. Бережное отношение к природе закреплялось и сохранялось

в обрядах, поверьях и других элементах культуры, берущих начало в дохристианских языческих временах.

Археологические памятники древней истории, и особенно Средневековья, на Кенозерье еще мало изучены, но аккумулируют огромную историческую информацию и претендуют на важное место в общем контексте культурного наследия Русского Севера.

Монастыри и пустыни

Освоение края велось одновременно монахами, крестьянами, посадскими людьми. В «незнакомые земли» инок приходил раньше пахаря¹¹. По данным В.О. Ключевского, до конца XIII в. известные монастыри располагались главным образом в городах («пустыней не насчитываем и десятка»), «зато с XIV в. движение в лесную пустынь развивается среди северного русского монашества быстро и сильно»¹².

Это способствовало укреплению христианства на Русском Севере и развитию сельских приходов. При этом отношения местного населения с официальной Православной Церковью на раннем этапе освоения территории были не однозначными. Наряду с положительным фактом прихода в эти места монашествующих, существовало недовольство местных крестьян действиями основателей монастырей и пустыней, претендующих на часть их земельных владений и промысловых угодий. Например, по скудным сведениям от Жития Дамиана, будущего основателя Юрьевского монастыря, он с несколькими спутниками около 1609 г. посетил Соловки и, «преодолев пучину морскую»,

высадился в устье реки Онеги, откуда перешел в Кенозерские пределы – сначала на Тырनावолок, а затем на Кенозеро¹³. Однако окрестные жители не пустили монахов к изобилующим рыбой рекам и озерам, и вскоре Дамиан (он принял схиму с именем Диодора в конце 1620-х) покинул Кенозерье и отправился к Водлозеру. У горы Юрьевой он нашел «место сего креста» – «[к] общему житию вельми пригодно же»¹⁴. Еще один пример связан с преп. Кириллом Челмогорским, основателем Кирилло-Челмогорского монастыря. В Житии упоминается о ссорах из-за лесных деревьев: крестьяне «начаша на горе той лес сеци». Кирилл стыдил крестьян, вырубивших весь лес под пашню. Тем не менее тактическая гибкость заставляла духовенство снисходительно относиться к пережиткам языческих верований и, более того, узаконивать многие из них (пример тому – обряды годового цикла, возникшие задолго до крещения Руси и лишь позднее приуроченные к святым)¹⁵.

Подвижничество православных монахов и возникновение монастырей – Кирилло-Челмогорского, Кенского, Макарьевского и Аглимозерской пустыни – стало свидетельством завершения культурного и духовного освоения территории.

Старейший из монастырей на территории Кенозерья, Кирилло-Челмогорский, располагался у Челмы-Горы, он был основан Кириллом, постриженником новгородского Антониева монастыря. В устье реки Челмы у Лекшмозера в 1316 г. преп. Кирилл поставил «келию малу так же храм молитвенный аже есмь часовню»¹⁶. Согласно Житию часть своей жизни святой провел среди насе-

3

4

1

2

3

1 Макарьевская Хергозерская пустынь. Архив КНП
2 «Макарий». Личный архив Н.М. Смолко

3 Геометрический план упраздненной Хергозерской пустыни. 1889. ГААО

ления, имевшего «чудской язык и веру». Однако, как считает Ю.М. Критский, изложение жизни преп. Кирилла в основной им пустыни противоречиво. Следуя традиции, составитель Жития упоминает и о дьявольских соблазнах, и о «чуди белоглазой». Между тем именно чудских племен, не обрусевших и не затронутых христианизацией, на Лекшмозерье уже не было. А если рассматривать только течение реки Лекшмы с «лядинскими» течениями, то по нему, кроме названия реки Лекшмы, нет ни одного чудского или финского названия – все селения русские, основанные поселенцами из ранних колонизационных потоков. Преп. Кирилл умер в 1367 г., но предсказал грядущие бедствия, пожары и польскую интервенцию в крае. Чудеса и пророчества способствовали известности святого и Челмогорской пустыни не только в окрестностях Каргополя, но и в Новгороде и Москве¹⁷. Цари неоднократно использовали монастырь как место ссылки неугодных лиц. В 1563 г. сюда был сослан князь Дмитрий Курлятев с семьей, в 1584–1587 гг. – князь Андрей Шуйский. За монастырем числились погосты и деревни по реке Лекшма и вокруг Лекшмозера, пахотная земля «на усть реки Челмы».

В начале XVII в., в Смутное время, Кирилло-Челмогорский монастырь был разорен набегами «людей литовских» и «черкасами», в 1721 г. его определили в ведение Каргопольской Спасо-Строкиной пустыни, а в 1764 г. по указу императрицы Екатерины II он был упразднен. В 1899 г. в истории монастыря произошло важное событие: обитель вновь приобрела самостоятельность, и церковная жизнь не замирала здесь

до революции. К сожалению, до нашего времени не сохранилась ни одна из монастырских построек.

В верхнем течении реки Кены в XV в. Пахомием, происходившим, вероятно, из новгородских пределов, была основана Пахомиева Спасо-Преображенская Кенская пустынь. Через несколько лет, в 1495 г., обитель расцвела и превратилась в Спасо-Преображенский монастырь, получивший жалованную грамоту от царя Ивана IV Грозного. В 1508 г. в монастырь на послушание пришел выходец из поморской деревни Кехта Андрей, постригшийся в монахи под именем Антоний – будущий известный иконописец и основатель крупного на Севере Антониево-Сийского монастыря. В начале XVIII в. Пахомиева пустынь перешла в ведение Каргопольского Спасского монастыря, но тем не менее сохранила самостоятельное хозяйство: подворье в Каргополе, свыше 30 десятин пахотной земли, сенные покосы «за рекою Кеною против монастыря и на острове Поромском озера Кенского на 100 копен», рыбные ловли в озере и на реке Кене, мельницу. Накануне секуляризации (1764) монастырь пришел в полный упадок, а в 1800 г. пожар уничтожил его древние строения. После упразднения монастыря в 1764 г. образовался приход.

В 1630-е гг. было положено начало Макарьевского монастыря на Хергозере иноками Ошевенского монастыря Сергием и Логгином. Пустынь посвятили преп. Макарию Желтоводскому и Унженскому, известному церковному деятелю начала XVII в., прославившемуся в Центральной Руси своими подвигами. В монастыре находилась

чудотворная икона преп. Макария, от которой происходило много чудес и исцелений, а в начале XX в. хранилась рукопись «Сказание о преславных чудесех чудотворного образа преподобнаго и чудоноснаго отца нашего Макария Желтоводского и Унженского чудотворца, в Каргопольских пределах, в Хергозерской пустыни обретающагося» (запись XVII в.). В 1764 г. монастырь закрыли, на его месте возник приход и деревня Макарьевская. До наших дней из монастырских построек сохранилась только Свято-Троицкая каменная пятиглавая церковь 1860 г. (освящена в 1872), одиноко стоящая на полуострове, омываемом водами Хергозера.

Ольга Васильевна Ушакова, внучка священника Димитрия Лебедева, помнит, как разоряли монастырь: «Первый приехал какой-то уполномоченный с Думино. Что ценное было, все взял – иконы, позолоченные чаши, серебряные ложечки. Потом приехали двое с Гужово, колокола спускать стали да уронили, край отломался. Иконы содрали, вот надругались как. Божественные книги кидали в озеро. Они не тонули, как чайки, по озеру долго плавали... Как там красиво было, а все уничтожили!»

В былые века каждое лето на праздник преп. Макария по дорогам, ведущим к монастырю, шли крестных ходом паломники со всей округи – с Кенозера, Лекшмозера, Порженского погоста, из Ошевенского монастыря, Каргополя, Карелии. Преп. Макарий давал всем хворым здоровья, оберегал от лукавого, помогал в других житейских заботах. На Каргопольщине он был одним из самых почитаемых святых, считался покровителем скотоводства наряду с Власием. Анна Федоровна Силуянова

(д. Семеновская) вспоминает: «В Макарьев [монастырь] в Спицыно дорога, а это своя – в Видягине через Думино. Завет есть – ноги болят – на коленках идешь кругом озера три километра. У лошадей спины болят – стертые, так давали завет к Макарию кропить лошадей»¹⁸. Из рассказа Елены Максимовны Мелеховой (д. Тырышкино): «А ходили к преподобному Макарию, там ведь был-от монастырь, туды ходили Богу молиться. Идешь, если что со скотиной, полезное берешь: шерсточку, маслице, берешь там всего, всего – и все несешь Макарию преподобному, принесешь и все это складешь в церкву – по завету. Я вот завечала скотину, ладила, чтобы Господь простил. Там Господь разбирается и простит»¹⁹.

Но уходят в прошлое годы забвения. Стараниями Николая Яковлевича Ушакова, сына Ольги Васильевны Ушаковой, настоятеля каргопольского Предтеченского храма иерея Виктора Пантина и священника храма Иоанна Богослова в с. Ошевенское Василия Черемисина, при поддержке Кенозерского национального парка и многих благотворителей возрождается Макарьевская обитель. Вновь проходят православные службы, ведутся ремонтные работы, идут крестным ходом паломники из Санкт-Петербурга, Архангельска, Каргополя, Няндомы. Под сводами храма вновь излучают благодатный свет свечи.

От Аглимозерской пустыни ничего не осталось, кроме памяти. Она была основана иноком Трифоном в 1649 г. В 1721 г. пустынь была приписана к Спасо-Строкинской пустыни в Каргополе, но уже в конце XIX в. стала приписной церковью Лекшмозерского погоста.

4 Дорога к храму. Личный архив Н.Я. Ушакова
5 Николай Яковлевич Ушаков
6 Настоятель каргопольского Предтеченского храма иерей Виктор Пантин. Личный архив Н.Я. Ушакова

● Памятный крест на месте Аглимозерской пустыни. Архив КНП

Уничтожение пустыни очень прозаично и трагично. Зимой 1930–1931 гг. по чьей-то директиве церковь и все службы были разрушены. Кирпич и часть икон вывезли в Лекшмозеро. Местные жители вспоминали, как большие иконы сжигали вблизи монастыря. Сейчас здесь, среди леса, на месте пустыни – деревянный поклонный крест над фундаментами церкви и колокольни да остатки деревянной монашеской кельи. По дороге из Лекшмозера на Наглимозеро располагается еще одна местная святыня, так называемый Николин камень. Это огромный валун, сверху уплощенный, с углублением, в котором никогда не высыхает вода.

Культурные ландшафты

У каждого народа свой особый, неповторимый, сформировавшийся за многие столетия хозяйственной и культурной жизни традиционный культурный ландшафт. Наш традиционно русский ландшафт – такой же древний и бесконечный в своей эволюции, как наш язык, быт и все то, что называется культурой.

Кенозерье по праву можно назвать «территорией культурного ландшафта», учитывая глубину и гармонию взаимовлияния человека и природы на этой земле. Многовековая история, сохранившиеся традиции, памятники и объекты природы и культуры – все тесным образом переплетено и увязано в пространстве Парка, в сознании живущих там людей. Если посмотреть на лесостроительную карту Парка, то можно увидеть поразительную мозаику небольших фрагментов

различного породного состава и возраста лесов, полей, озер и болот. Такое неестественное для подзоны средней тайги разнообразие свидетельствует о том, что еще в недавнем прошлом все природные элементы ландшафта были вовлечены в хозяйственное использование. Здесь сохраняются черты и функциональные особенности традиционного ландшафта, характерного для русского Средневековья.

И исторический анализ это подтверждает. Земледельческая культура славянского населения, начиная с XIII–XIV вв., изменила ландшафт северных земель: обширные площади, занимаемые ранее лесом, были распаханы и заняты полями, на смену чудским полуземлянкам пришли деревянные избы. В дремучих лесах протянулись дороги. Реки и озера были объединены в единую сеть волоками и каналами. Ассимиляция финно-угорского и славянского населения привела к изменению элементов реликтовых ландшафтов. Образование погостов, развитие монастырей и пустыней на обширных территориях и происходивший параллельно рост числа деревень придали направленное развитие структурным элементам культурного ландшафта Парка. Возникли подсечно-огневое земледелие, неповторимые религиозные обряды и топонимика, т. е. все те элементы, которые представляются как основа формирования культурного ландшафта²⁰.

Что же такое культурный ландшафт? Можно согласиться с Н.Ф. Реймерсом, который определяет культурный ландшафт как «целенаправленно созданный антропогенный ландшафт, обладающий целесообразными для человеческого об-

щества структурой и функциональными свойствами»²¹. В результате многолетней совместной работы сотрудников Парка с РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (директор – д. г. н. Ю.А. Веденин) разработаны типология и классификация культурных ландшафтов Кенозерского национального парка, пространственная градация, выполнена привязка к местности, дана характеристика культурного ландшафта как объекта наследия в разных аспектах – природном, пространственно-географическом, культурном, этнографическом, разработана принципиально новая система организации территории Парка, при которой культурные ландшафты являются комплексным объектом управления.

В качестве культурных ландшафтов, расположенных на территории Кенозерского парка, рассматриваются исторически сформировавшиеся в результате гармоничного взаимодействия природы и культуры целостные комплексы. Эти комплексы включают группу (куст) или отдельные сельские поселения; систему прилегающих, преимущественно открытых угодий (озера, поля, луга), использовавшихся для разнообразных форм природопользования; историко-культурные элементы, многие из которых имеют оттенок сакральности, заповедности («святыне» места, церкви, часовни, «святыне» роши, поклонные кресты, почитаемые камни); участки прилегающих лесных промысловых угодий. Наиболее древней, архаичной чертой ландшафта является его ассоциативность. Финно-угорские племена, жившие на этой территории до прихода славян, оставили после себя

названия озер, урочищ, холмов, речек, практически не измененные в наши дни, – Хижгора, Масельгское, Ундоша, Тамбич-Лахта, Першлахта, Левусозеро, Вендозеро и др. «Святыне» роши и камни (сейды) стали символами далеких языческих времен. С некоторыми комплексами и отдельными элементами культурных ландшафтов Кенозерского национального парка (полянами, дорогами, ручьями, «святынями» рощами и т. п.) связаны древние легенды и былины. Основа ландшафта – живущие в Кенозерье люди с их духовной культурой и мировоззрением.

Сельское хозяйство (земледелие и домашнее скотоводство) на протяжении длительного времени оставалось основным видом хозяйствования и природопользования. Из злаков выращивали рожь, овес, ячмень, из технических культур – лен, из овощей – репу, лук, морковь, редьку, горох. За крестьянскими общинами закреплялись в постоянное пользование земельные и лесные наделы (вне казенных земель и лесов). Пахотных и относительно плодородных земель было недостаточно, а при существующем уровне обработки земли и росте крестьянских семей полевых наделов не хватало, поэтому вплоть до конца XIX – середины XX в. применялось подсечно-огневое земледелие. Каждый хозяин стремился подготовить по возможности новые пахотные участки на свободной, часто залесенной земле. Настоящий (строевой) лес оберегался и под подсеку не сводился. На бережное отношение крестьян к лесу обратил внимание в XIX в. А.Ф. Гильфердинг: «Распахиваются только такие места, на которых растет мелкий березовый и ольховый лес, никуда

- 1 Сельское хозяйство – основа сохранения культурного ландшафта
- 2 Культурный ландшафт
- 3 Стога у д. Немята
- 4 Осенний пейзаж

- 5 Ландшафт Кенозера
- 6 Унылая пора, очей очарованье!
- 7 Ландшафт Порженского погоста
- 8 Стога у д. Тырышкино

- 9 Домашняя скотинка
- 10 У Никольской часовни
- 11 Тяжелый крестьянский труд
- 12 Сотрудники Парка

- 13 Ландшафтные рубки. Архив КНП

не годный, а ценного леса не трогают». После истощения эти земли служили сенокосами и пастбищами. Случалось так, что неиспользуемые территории на долгие годы забрасывались, образуя залежные земли, а затем вновь зарастали лесом. Вовлечение земель в сельскохозяйственное использование и отказ от истощенных земель стимулировались льготами налогообложения. Такая практика способствовала активному формированию культурного ландшафта и повышению биоразнообразия за счет полевых, луговых и мелколиственных лесных сообществ.

Много времени крестьяне уделяли выращиванию льна, из которого изготавливалась повседневная одежда. Выращивали коноплю, из которой вязали сети. В XIX, особенно в XX в., на Кенозере все больше площадей занимали под посадку картофеля.

Не менее важным занятием была охота, которой крестьяне занимались в перерыве между сельскохозяйственными работами. Зимой охотничий сезон длился 1–2 недели, летом выезжали на дальние сенокосные угодья, где находились сенокосные курные избушки. Каждая семья традиционно владела определенным *путиком* – частью леса диаметром до 15 км. Его границы отмечались зарубками на деревьях, а внутри строили охотничью избушку. Ставили силки на дичь, капканы на лисицу, зайца и рысь. С ружьем (пищалью) и чучелом охотились на тетеревов. В начале ноября охотились на выдру, в конце октября – на горностая. Предметом охоты также служили росомаха, бобр, хорек, норка, из крупных животных – лось, из птиц – рябчики, глухари, тетерева. Ходили по несколько человек на мед-

ведя. Сохранялись и лесные промыслы. Наиболее значительный сплав леса проводился по рекам Кене и Волошке. При вырубке лесов соблюдались давно сложившиеся традиции лесных заготовок. Вырубались такие деревья, которые либо зачали на корню на песчаных и каменистых почвах, либо не могли расти, окруженные болотами. Запрещалось рубить лес в «святых» рощах и вокруг лесных озер²².

Исторически наиболее стабильным оставалось ядро сельского ландшафта – поселение и окружающие его открытые поля: луга и пашни. Ученый И.С. Поляков, путешествуя по этим местам в 1860-е гг., отметил здесь обилие деревень и полей.

Культурный ландшафт гармонично развивался вплоть до начала XX в., но с 1930-х гг. отмечалось снижение плотности населения и уменьшение площади обрабатываемых угодий, лес отвоёвывал утраченные когда-то рубежи. Уничтожались или приспособлялись для иных целей многие храмы и часовни, пустыли когда-то многолюдные деревни, разрушались дома, разрывались уникальные внутриландшафтные визуальные связи, имевшие огромное ассоциативное значение в прошлом. В лесах исчезали монастырские дороги. «Святые» рощи, ранее фрагментированные среди полей, сливались с возникшими вновь лесами. Сакральные центры утрачивали свою организующую роль в иерархии пространства.

В 1960-е гг. проводилась кампания укрупнения сельских поселений, что привело к гипертрофированному росту некоторых из них и обезлюдению периферийных зон. К концу 1980-х гг. животноводство пришло на смену

растениеводству. Пахотные земли постепенно заменялись сенокосами и пастбищами. Результатом изменения системы расселения и хозяйствования стала деградация культурного ландшафта, уменьшение площади открытых пространств, снижение фрагментарности территории. Ландшафты быстро развивались в направлении формирования коренных среднетаежных лесных территорий. С одной стороны, замечательно, что на небольшой территории создаются условия для естественного протекания природных процессов, где вмешательство человека уменьшается с каждым годом. На территории Северо-Запада России не так много мест, где сохранились участки коренных экосистем, и восстановление еще хотя бы одного можно, вроде бы, только приветствовать. Но потеря традиционных ландшафтов Кенозерья и Лекшмозерья в случае окончательного разрушения хозяйственного уклада в будущем воспримут как невосполнимую утрату части нашей культуры. Кроме того, трансформация природной составляющей культурных ландшафтов, безусловно, приведет к утрате большинства видов растений и животных, привязанных к открытым и полуоткрытым пространствам.

Тем не менее пространственная структура и традиционные элементы культурных ландшафтов, несмотря на явный ущерб, нанесенный им, сохранились в силу исключительно высокого историко-культурного потенциала территории, имеющего в запасе немало ценностей, и благодаря местному сообществу, старательно поддерживающему эти ценности и формы своего жизнеобеспечения.

Большинство стран Западной Европы начало осознать возникшую в конце XX в. проблему утраты традиционных культурных ландшафтов как своего национального достояния. Прекрасным может быть только разнообразие. И совершенно очевидно, что исторические ландшафты Заонежья не менее значимы, чем норвежские фьорды²³.

Необходимость сохранения и восстановления исторических культурных ландшафтов Кенозерья обусловлена тем, что на большей части Северо-Запада России практически нигде не сохранились компактные, хозяйственно и духовно увязанные в единое целое, объединяющие историческое, культурное и природное значение территории. Потеря даже незначительных структурных элементов этих ландшафтов ведет к их деградации, утрате смыслового значения, а в дальнейшем к их искусственности. Проблема не в том, что ландшафт невозможно восстановить таким, каким он был в начале XX в. Его функциональная и планировочная периферия всегда будет претерпевать изменения, адаптируясь к общим цивилизационным процессам. Важно сохранить ключевые структуры, формы и функции, которые определяют индивидуальность и мировое признание историко-культурной исключительности ландшафта в целом. Для этих целей на территории Парка выделены 24 культурно-ландшафтных комплекса, однако практическая работа сосредоточена на представляющих наибольшую ценность по международным критериям семи приоритетных, состояние которых в значительной мере определяет потенциальную устойчивость, целостность и ценность.

Уберечь культурный ландшафт от деградации можно при условии ведения местным населением традиционных видов природопользования (сельского и лесного хозяйства, рыбной ловли, охоты) и активного вмешательства в естественные процессы развития экосистем, трансформированных человеком за сотни лет хозяйственной деятельности. Сделать это – главная задача Парка, при том что современная экономическая и политическая ситуация в России не способствует ее решению. Практически повсеместно идет сокращение площади сельхозугодий и замещение их древесно-кустарниковыми растительными сообществами, продолжается разрушение традиционной системы расселения и отмирание традиционной сети поселений.

Сейчас в Парке ведется работа по консервации и реставрации некоторых приоритетных ландшафтов. Угроза утраты отдельных их элементов снимается расчисткой старинных монастырских троп, дорог-тележниц, эпизодическим применением лесохозяйственных методов – вырубкой древесно-кустарниковой растительности. Проектирование ландшафтных рубок идет с учетом восстановления визуального каркаса местности, т. е. всей структуры ландшафтного комплекса, а не отдельных его фрагментов. Помимо срочных мероприятий по сохранению ландшафтов, проводятся картирование структуры современного землепользования культурного ландшафта, оценка биоразнообразия и сукцессионного состояния отдельных его участков, интервьюирование местных жителей по вопросам традиционного землепользования, народной ботаники, топонимической

структуры ландшафта, дается описание «святых» роц, разрабатываются историко-архитектурные опорные планы деревень, реставрируются памятники архитектуры.

Актуальность и обширное понимание проблемы сохранения культурных ландшафтов Кенозерья продемонстрировал российско-норвежский проект «Развитие традиционных ландшафтов в Баренц-регионе на примере Кенозерского национального парка». Главная цель совместного проекта – развитие перспективных методов ведения сельского хозяйства в жилых деревнях и разработка эффективных управленческих методов по сохранению культурных ландшафтов в оставленных местными жителями деревнях в соответствии с результатами, полученными в процессе исследований. Состояние культурного ландшафта напрямую зависит от местного населения, интерес которого к сохранению традиционного образа жизни необходимо использовать и развивать для обеспечения самовосстановления основных структур ландшафта. Многие проблемы сохранения и поддержания культурного ландшафта могут быть решены через грамотно ориентированные программы социальной поддержки местного населения как носителя традиций природопользования.

Культурный ландшафт выступает ярким связующим звеном культурного и природного наследия Кенозерского национального парка. Его восстановление и использование совмещают принципы сохранения биологического разнообразия, историко-культурного наследия и развития местной экономики.

Система расселения

История заселения края тесным образом связана с формированием системы расселения. На территории Кенозерского национального парка сохранилась структура поселений, возникшая в процессе освоения территории еще в конце XVI в. и сохраняющаяся до XXI в.

Согласно Каргопольской платежной 1555–1556 гг. Кенозерская волость насчитывала 76 деревень, Лекшмозерская и Долгозерская – 13 деревень. По данным за 1785 и 1791 гг. количество деревень практически не увеличилось: в Кенозерской волости – 79 деревень (427 дворов и 3279 человек населения, в среднем на деревню приходилось 5,6 дворов и 43 жителя, на двор – 7,7 человека), в Почозерской (в границах Парка) и Лекшмозерской волостях соответственно: деревень – 14 и 15; населения – 744 и 1202 человека со средней численностью 53 и 80 человек.

Основным итогом развития Кенозерья и Лекшмозерья в XVI–XVII вв. стало завершение формирования основного ядра территории. Впоследствии уже ни секуляризация, ни передвижения населения, ни межвание не изменили границ этого ядра: волости Кенозерская, Кенорецкая и Лекшмозерская оставались в Каргополье наиболее стабильными и устойчивыми в своих границах²⁴.

Центром Кенозерской волости был «на Кено-озере на острове погост»²⁵ с храмовым ансамблем, идейно и композиционно объединявший селитебное пространство озерной системы, по береговой полосе (ее протяженность 350 км) и на островах которой группировались поселения, объединенные с 1858 г. на основании Указа Александра II в общест-

ва: Рыжковское, Вершининское, Климовское и Ряпусовское. На юге волости, в 15 км от Кенозера, находилась обособленная группа поселений – куст трех деревень Порженского погоста на берегу озер. На восточном берегу Кенозера, у истока реки Кены – д. Першлахта Кенорецкой волости, включенная в границы Парка. Часть Почозерской волости, куст деревень Почозерского погоста, также вошел в состав Парка.

В отличие от Кенозера Лекшмозеро имеет овальную форму, по его берегам на пригодных участках сложилась система расселения из трех кустов деревень: Труфаново, Орлово и Лекшмозеро. Дополнял систему Кирилло-Челмогорский монастырь XIV в. Смысловая и композиционно-пространственная организация здесь развивалась по продольной природной оси озера и закреплялась противостоящими доминантами церковью с. Лекшмозера и монастыря. С утратой церкви монастыря композиция разрушилась.

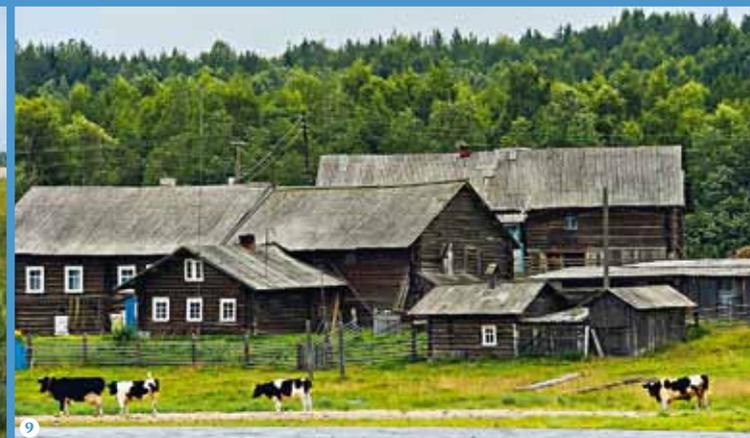
Лекшмозерская волость включала еще две группы населенных мест, находящихся к северу по дороге на Кенозеро: Масельгу и Долгозерский погост. К волости относились также два (из трех) монастыря: Макарьевский на Хергозере и Аглимозерская пустынь на Наглимозере.

К середине 1760-х гг. в регионе установилась относительная стабильность в количестве населения и в распределении его по волостям и деревням Каргопольского уезда. Секуляризация церковных владений повсюду завершилась. Однако в распоряжении церковью остались земли, приписанные к приходским храмам и содержащиеся на средства прихожан и церковного причта.

● Кенозерский погост. Личный архив Н.И. Артемьевой (д. Вершинино)

- ❶ Д. Морщининская на Лекшмозере. Архив КНП
- ❷ Д. Филиповская
- ❸ Д. Видягино
- ❹ Д. Косицыно
- ❺ Д. Тарасово
- ❻ Д. Тырышкино
- ❼ Д. Вершинино
- ❼ Д. Глазово
- ❼ Д. Мыза
- ❼ Д. Минино
- ❼ Д. Мамонов остров

Установление границ между этими землями было проведено в 1782–1783 гг. в процессе межевания. При размежевании земель учитывались интересы различных групп владельцев: Церкви, Казначейства, Коллегии экономии²⁶. Меньше всего соблюдались при межевании интересы крестьянства. Это проявлялось в отдаленности покосов, худой земле, невыгодности рыболовства (вдалеке от водных путей), запутанности прежних межей²⁷.

В конце XIX – начале XX в. сельские общества владели землей, а также сельскохозяйственными, речными и лесными угодьями (включая озера) на основании владенных записей, составленных в основном в 1890–1900-х гг.²⁸.

Кенозерские деревни в XIX – начале XX в., как и раньше, были невелики. В 1673 г. наиболее населенные деревни насчитывали от 12 до 20 дворов с числом жителей 80–120 человек. В 1905 г. – от 10 до 15 домов в 10–12 семей. Наибольшее число жителей и в 1873 г., и в 1905 г. проживало в Семеновской, Тырышкине, Тарасове, Горбачихе, Вершинине²⁹.

К концу XIX – началу XX в. количество деревень сохранилось, а численность населения (в границах национального парка) достигла почти 7 тысяч человек – сравнительно высокая для северных природно-климатических условий. Территориальное освоение приблизилось к своему пределу.

Юрий Сергеевич Ушаков считал сельские поселения Кенозерья своеобразным заповедником для изучения народных традиций. Здесь представлен преимущественно озерный тип селений: прибрежный, на наволоках,

перешейках, полуостровах и островах озер. У кенозеров было чувство пейзажа и природного ландшафта. Для селения важны «выбор места, связь с природной средой и пространственная организация»³⁰. Мозаичность местного ландшафта, насыщенная гидрографическая сеть предопределили свободное расположение поселений и способствовали длительному сохранению архаичной планировки и застройки, препятствуя их перегруппировке и срастанию.

Уникальную, редко встречающуюся на Русском Севере замкнутую форму планировки, по мнению Ю.С. Ушакова, имеет д. Семеновская.

В Кенозерье сложился компромиссный, переходный вариант хозяйственного уклада с рациональным соотношением промыслового и сельскохозяйственного составляющих, что определяло характерную хозяйственную организацию поселений.

Каждое селение имело практически единую модель организации прилегающего пространства, которую образно можно представить в виде дерева.

Поселение – основание ствола – непосредственно связано с озером, куда (в другую среду) уходят корни дерева. От поселения, разветвляясь, отходят стволы и ветви – дороги и тропы, завершающиеся кроной – сельскохозяйственными и лесными угодьями. Такой тип организации социокультурного пространства оказался жизнеспособным и определяющим для планировки и застройки селений.

Наиболее устойчивым элементом в Кенозерье и Лекшмозерье, в их волостях, волостках, а позднее сельских обществах была деревня с крестьянскими дворами (в XIX – начале XX в.

также село с группой деревень – «поселков», приписанных к соответствующей приходской церкви). Внутри деревни устойчивым, не меняющимся до середины XIX в. элементом служил двор³¹. Его характерные особенности, сложившиеся на освоенных новгородцами территориях к середине XVI в., позволяют говорить о перенесении на Кенозеро собственных Новгородчине обычаев и приемов хозяйствования, строительства жилых и подсобных помещений³².

Северная деревня – воедино слившаяся красота земли и красота творений рук человеческих. В этой, казалось бы, беспорядочной застройке избами, амбарами, баньками, мельницами, изгородями можно увидеть нерушимую закономерность. Нехитрая ее суть сводится к одному: разумному использованию каждого клочка удобной земли, с немалыми усилиями отвоеванного у суровой природы. У каждой постройки северной деревни есть свой облик и характерный силуэт, свои устойчивые архитектурно-конструктивные формы. Основу каждой постройки составляет бревенчатый сруб – всегда мощный вне зависимости от своих размеров. Высокий подклет, придающий всей избе массивность, монументальность, уникальная по своей продуманности без гвоздевая самцовая конструкция кровли, крытые дворы с широкими взвозами – таковы общие черты большинства северных домов: «а во дворе хоромов: изба старая, батюшке нашего благословенье, и изба да клет з подклетом и з погребом»³³. Величина северной избы оправдана: все хозяйство располагалось под одной крышей – жилье, скот, продукты, орудия труда. «Вне двора житница старая да полбани», «бана

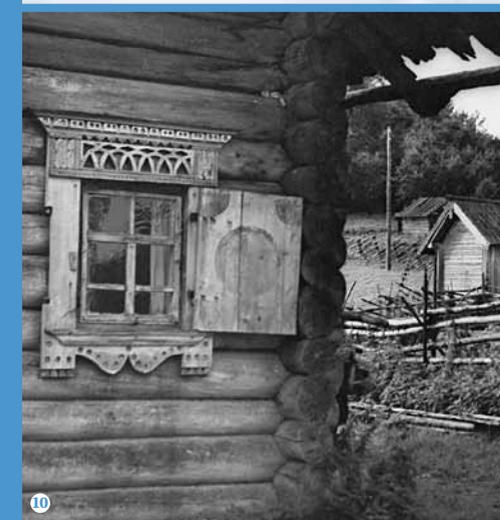
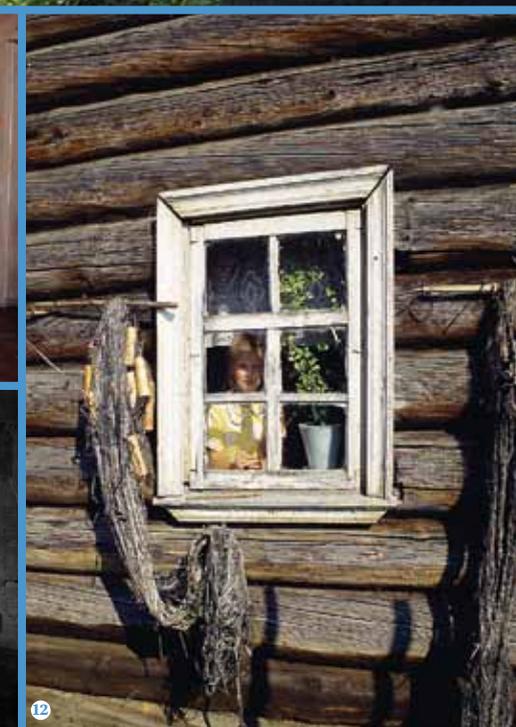
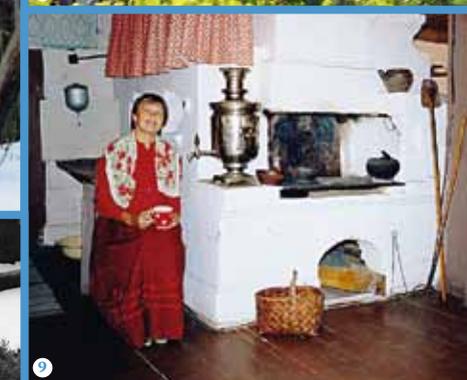
на улице, да житница на коле, да овин з гумном и з сараем и з мякинницею»³⁴. Интерьер составляет с избой единое целое, являясь органическим продолжением сруба: большая печь на деревянном подпечье, повернутая устьем к фасаду дома, врубленные в стену широкие отполированные до блеска столешница и лавки, идущие по периметру избы, полати, нависающие над входом, и, конечно, красный угол, где ставили иконы. Изба русского крестьянина – это не просто его жилище, это его микромир, в котором отражена вся вселенная и определено свое место в ней. Дом служил защитой, оберегал. Его орнаменты и детали – это просьбы и пожелания, обращенные к силам природы и символизирующие единение с ней человека.

Активное разрушение традиционного уклада жизни началось в 1929–1930-е гг. – период коллективизации и уничтожения единоличных крестьянских хозяйств. Традиционный общинный уклад внешне отвечал атрибутике колхозов, но свобода хозяйствования крестьянина попадала под зависимость создаваемой командной системы.

Хозяйственно-экономический и социальный уклад, а также материальная и духовная культурная среда понесли определенный ущерб в период борьбы с религией в 1930-е гг.

Не миновали Кенозерье и Лекшмозерье раскулачивание (в 1937–1939 гг. жители по вымышленным обвинениям подвергались политическим репрессиям), а затем и военные годы (уход на фронт большей части мужского населения, когда, например, из д. Гужово ушли на фронт 45 человек, а вернулись только 10, и такая статистика типична для всех

- ❶ Фрагмент дома в д. Вершино
- ❷—❸ Дома в д. Вершино
- ❹—❺ Дома в д. Тырышкино
- ❻ Фрагмент дома
- ❼ Дом в д. Першлахта
- ❽ Фрагмент дома
- ❾ Интерьер дома в д. Першлахта
- ❿ Дом в д. Тарасово
- ⓫ Интерьер дома в д. Поромское
- ⓬ Фрагмент дома

1

2

деревень Кенозерья). В 1950-е гг. многие деревни обезлюдели – необходимость подъема промышленности в городах в послевоенный период требовала новых рабочих рук. Кроме того, в деревне условия жизни были тяжелы, что стимулировало миграцию в город, несмотря на административные запреты.

В начале 1960-х гг. началось укрупнение деревень – план создания перспективных и ликвидация неперспективных, что привело к массовым переездам, появлению десятков заброшенных деревень. Эта реформа не учитывала интересы сельского населения и привела к ослаблению социальной и инженерной инфраструктуры на периферии сельскохозяйственных предприятий, поэтапному сокращению посевных и луговых угодий и культур, вызвав миграцию активного населения в город.

Структура сложившегося хозяйственного уклада Кенозерья оказалась разорванной и лишилась поступательного развития, а коренное население было отлучено от кормивших его промыслов. Взамен культуре северно-русской деревни была противопоставлена «культура» лесозаготовительных поселков с их разрушающей философией временщиков.

Политические и экономические изменения в России на протяжении XX в. во многом повлияли на Кенозерье: традиционные промыслы и ремесла, в том числе связанные с природопользованием, оказались практически уничтоженными, значительно пострадали лесные и водные ресурсы, в какой-то степени изменились мировоззрение и традиционный уклад жизни местного населения. В настоящее время в границах

Парка расположены 46 сельских населенных пунктов (к началу века 102 деревни) с постоянным населением около 2300 человек. Часть деревень оказалась утраченной, но в них остались следы планировки и застройки, культовые объекты, поклонные кресты, сакральные места и другие элементы культурного ландшафта, имеющие большую историко-культурную, информационную и эстетическую ценность. Относительно сельского расселения монастыри пострадали больше, но их религиозно-духовное и сакральное значение не утратило у местного населения своей значимости. Однако следует заметить, что относительно других мест Кенозерье в большей степени сохранило свое историко-культурное и духовное наследие.

Система расселения как значительная часть историко-культурного наследия заслуживает всестороннего изучения и осмысления для сохранения и научно-практического использования.

Памятники архитектуры

Памятники архитектуры занимают в Кенозерье особое место. Кенозерский национальный парк – единственный национальный парк в России, имеющий в своем оперативном управлении почти 100 памятников архитектуры, среди них 11 церквей и колоколен (из 18 существовавших ранее), 35 деревянных часовен (из 65), 2 рубленые ограды погостов (из 4), 7 инженерных сооружений, 2 водяные мельницы (из 50), 6 амбаров, более 30 поклонных крестов. Кроме того, сохраняются «святые» рощи, культовые камни, памятники археоло-

гии, целые озерно-канальные системы, зарегулированные плотинами и водяными мельницами.

Одним из лучших памятников деревянного зодчества Кенозерья является архитектурный ансамбль Порженского погоста XVIII в., расположенный практически в центре Парка, на удалении от его двух больших озер – Кенозера и Лекшмозера.

Вокруг озер Малого и Большого Порженских, соединенных широкой протокой, люди жили с незапамятных времен, еще задолго до новгородцев, а в XVII в. тут уже существовали погост и несколько деревень со своими названиями (Федоровская, Турово и Окатовская), которым в народе дали одно имя – Порженское. Окружающие погост деревни практически утрачены, покинувшие их люди вывезли почти все свои избы. А на высоком пологом берегу бескрайнего поля, покрытого розовыми цветами иван-чая и ограниченного с трех сторон лесом, а с четвертой – озером, находится один из самых труднодоступных, но вместе с тем один из самых замечательных и притягательных памятников деревянной архитектуры Русского Севера. Почитатели прозвали его кенозерским градом Китежем.

За деревянной рубленой оградой в окружении елей и лиственниц внушительной высоты «святой» рощи, которые словно оберегают и заслоняют от невзгод, времени, ветров, стоят колокольня и деревянная церковь Георгия Победоносца с редкой для Кенозерья клинчатой кровлей. Церковь возведена в XVIII в. (источниками не подтверждается мнение Ю.С. Ушакова о ее постройке в XVII в.³⁵), в XIX в. обшита тесом

и украшена декоративными элементами в стиле классицизма. Небольшая главка на тонкой высокой шейке, врезанная в клин крыши и покрытая лемехом, усиливает художественное восприятие этого редкого по красоте строения. Ее силуэт «организует пространство жилой среды и воспринимается с юга, востока и севера»³⁶. На месте когда-то существовавшей небольшой паперти с крыльцом в XIX в. построена обширная трапезная с папертью и восьмигранной бревенчатой звонницей над ней.

Бревенчатая ограда, окружающая храм и «святую» рощу, была возведена в XVIII в. (примеры деревянных сооружений подобного типа остались на Русском Севере в единичных экземплярах, похожая ограда сохранилась и в Почозерском погосте). Она почти квадратная в плане с рубленными в «лапу» башенками по углам, крытыми шатровыми тесовыми кровлями и увенчанными крестами. Посреди южного прясла устроены святые ворота с двупольными расписными полотнами, которые также венчают шатер с крестом. Прясла ограды состоят из редко поставленных бревенчатых срубов, объединенных сверху и снизу тремя-четырьмя рядами бревен. Пространство между верхними и нижними рядами забрано вертикально поставленными, «в разбежку», брусками. Вся ограда покрыта тесом на два ската.

Конструктивная лаконичность ограды, выразительность силуэтов шатриков угловых башенок и ворот органично дополняют Георгиевскую церковь.

В интерьере церкви – алтаре и храме – сохранились потолочные перекрытия «небом» с апостолами в четверике и архангелами в алтаре.

3

4

1 Порженский погост XVIII в.

2 Акварель Ю.С. Ушакова «Деревня Порженское». 1971. Фонды КНП

3 Церковь Георгия Победоносца XVIII в.

4 Церковь зимней ночью. Архив GeoPhoto

Порженский погост – сокровище Парка. Ансамбль поражает своей гармонией, выбором места и, несмотря на небольшие размеры церкви, монументальностью. В нем, затаенном в лесных и озерных просторах, наиболее ярко воплощена красота и величие древнего духовного центра когда-то людных русских деревень.

Здесь архитектура и природа дают в сумме столь сильный эффект, что поставить что-либо на Севере в один ряд с Порженским погостом практически невозможно.

Природное окружение Почозерского погоста формируется Почозером, озером Святым и разделяющим их полуостровом, длинным, сужающимся к югу моренной возвышенностью. Когда-то Почозеро входило в систему озер и рек Кенорецкого водно-волокового пути, по которому в XIV–XVI вв. добирались из Великого Новгорода до реки Онеги, а по ней сплавлялись в Белое море. У основания полуострова на вершине межозерной гряды стоит деревянный храмовый ансамбль. Он является центром пространства, собирающим вокруг себя озера, окружающие полуостров, деревеньки, разбросанные по сторонам дороги. Более ста лет прошло со времени посещения в 1903 г. с. Филиповская русским художником И.Я. Билибиным, и оставленные им рисунки и фотография донесли до наших дней красоту и величие архитектурного ансамбля.

Почозерский храмовый комплекс 1700 г. – XVIII в. является выдающимся памятником древнерусского деревянного зодчества, ансамблем-«тройкой», состоящим из двух церквей и колокольни, одним из пяти сохранившихся

на Русском Севере и одним из трех в Архангельской области. Он представляет собой значительную историко-архитектурную ценность по чрезвычайно редкой в русском деревянном зодчестве диагональной объемно-пространственной композиции, аналогов которой в России не сохранилось. Холодная шатровая церковь Происхождения Честных древ Христовых 1700 г. соединена галереями и переходами с трапезной и теплой церковью Обретения главы Иоанна Предтечи, имеющей восстановленное бочечное завершение над храмовой и алтарной частями, а через нее – переходом – с шатровой колокольней. Ансамбль отличается прекрасным стройным силуэтом. И.Э. Грабарь отмечал: «Главное внимание по украшению храма было обращено на его верхнюю часть. Главы и их шеи крылись лемехом «по чешуйному обиванию»».

На подходах к погосту с юга и севера размещались придорожные часовни. Троицкая часовня, стоявшая у въезда на полуостров с юга и обозначавшая начало композиционного построения комплекса погоста, была разобрана в 1960-е гг. (сохранились материалы А.В. Ополовникова). С севера планировочная и композиционная ось храмов подчеркивается пластично-изогнутой рубленой оградой, окружающей старинное кладбище со «святой» рощей и кладбищенской часовней Иоанна Предтечи. Весь комплекс Почозерского погоста завершается больше похожей на лесную избушку или амбарчик небольшой часовней Кирика и Улиты XIX в., поставленной у дороги под лесным покровом.

Одной из особенностей шатрового храма является интерьер, украшенный

двумя комплексами «небес». Храмовый комплекс окружала рубленая деревянная ограда с двумя святыми воротами, ныне восстановленная.

Деревенские святые

Часовни, поклонные кресты, «святые» рощи, озера, острова, камни, поляны и другие ландшафтные объекты, а также связанные с ними народные верования и традиции были и остаются важнейшим элементом духовной жизни кенозеров. А.А. Панченко называет их «деревенскими святынями» и относит к ним почитаемые ландшафтные объекты (и артефактического, и природного происхождения), не предусмотренные каноническим церковным подходом и в то же время играющие существенную роль в традиционной религиозной практике крестьянина³⁷.

Часовни Кенозерья

Уединенные места Кенозерья с задумчивыми озерами и глухими лесами – хранилища святости, заповедная земля, где «Бог с людьми пребывает». Поэтому во все времена здесь возводились часовни – небольшие храмы без алтаря в честь местных и общерусских святых и праздников.

Часовни Кенозерья поистине легендарны. В образе Парка они, как жемчужины. Очень часто они скрываются в «святых» рощах, встречают путника на дорогах, собирают воедино хороши деревенских изб, гордо украшают вершины холмов. Каждая из них напоминает о мире, тишине и спокой-

ствии. Прелесть здешнего деревянного зодчества в том, что все это создавалось для себя, для души, без мысли кого-то поразить или превзойти. Созданные в национальных строительных традициях своего времени часовни поистине являются памятниками народного зодчества.

Не все было гладко в их судьбе. В царствование Петра I в России появился Указ 1707 г. «Об упразднении деревянных часовен и запрещении строить вновь». С XVIII до середины XIX в. с часовнями велась борьба. Однако в далеких северных землях эти указы не выполнялись. Не выполнялись они и в Кенозерье, как и другие правительственные распоряжения об искоренении в народе «языческих суеверий и прочих ересей». Большинство из сохранившихся часовен построено в XVIII–XIX вв. «по желанию местных жителей», без благословения священноначальства.

Часовни на Русском Севере распространены повсеместно, но нигде не наблюдается такого разнообразия в их архитектуре, назначении и использовании, как в Кенозерье. В своем архитектурном облике часовни хранят пропорции, композиционный строй и технологические приемы строительства более древних часовен, стоявших ранее на тех же местах. Их конструкция наглядно подтверждает генетическую связь с крестьянским жильем. Бревенчатый сруб-клеть, перекрытый двухскатной кровлей, крытая лемехом глава, крест, звонница над небольшим притвором, ступени маленького крылечка – так выглядят часовни в Карпове, Бухалове, Минине, Горбачихе, Видягине, других больших и малых деревнях. К наиболее ярким памятникам деревянного зодчества Кенозерья отно-

1 Д. Филиповская с Почозера

2 Рисунок И.Я. Билибина «Почозеро». Архив ИИМК

3 Почозерский храмовый комплекс 1700 г. – XVIII в.

4 Троицкая часовня. 1962. Ныне утрачена. Личный архив

5 Часовня Кирика и Улиты XIX в.

6 Почозерский храмовый комплекс и ограда погоста

1

2

3

сится Никольская часовня в д. Вершинино. Совершенно очевидно, что она существовала в XVIII в., а в конце XIX в. к ней пристроена звонница, которая не согласована с часовой композиционно, но лишь прирублена. Никольскую часовню можно назвать прототипом клетских часовен Кенозерья: подобно старому дереву, она раскидала свои семена по озерным берегам. Часовня столь прекрасно найденной формы, с таким смелым взлетом клинчатой кровли и отводом полиц над повалом и в поздней тесовой обшивке не теряет своего очарования. Над кровлей возвышается одна главка, крытая городчатым лемехом. Как подлинный архитектурный шедевр часовню можно рассматривать бесконечно. Этому способствует и ее расположение слегка на скате холма, при котором южная стена выше северной, что придает строению величавость. Часовня как бы закрепляет вершину высокого берега и, одиноко стоя среди широкого оголенного пространства, выглядит монументальным сооружением. Не случайно Никольская часовня стала символом Кенозерского национального парка и возрождения его территории. В 1998 г. после завершения реставрационных работ, в которых принимали участие российские и норвежские плотники, ее освятил епископ Архангельский и Холмогорский Тихон.

Еще одна потрясающая воображение часовня – Сошествия Святого Духа XVIII в. – расположена в д. Глазово на двух природных осях: между двух холмов и между двумя пространствами заливов. Эта часовня – один из наиболее ярких памятников деревянного зодчества Кенозерья, она заметно выделяется среди множества других памятников

своими усложненными и развитыми формами. Ее объемно-пространственная композиция строится объединением на общем основании четырехгранной клетки основного объема с клинчатой крышей и примыкающей к ней с запада галереи-гульбища со стоящей на ней звонницей. Крыша венчается большой массивной главой, крытой городчатым лемехом и несущей восьмиконечный крест. Смелое решение в постановке построенной в конце XIX в. предельно вытянутой вверх звонницы с маленькой главкой, когда звонница буквально «прорастает» сквозь основной объем постройки, придает глазовской часовне яркую индивидуальность и неповторимость. Здесь зодчим удалось добиться интенсивного взаимодействия контрастных по своей массе и форме объемов, что можно охарактеризовать как негармоничную гармонию.

Встречаются часовни и без звонниц, некоторые имеют крытые и закрытые галереи. Часовня Иоанна Богослова XVIII в. в д. Зехново – редчайший тип часовен с галереей на консолях. Есть и совсем небольшие часовни типа крест – в Тырышкине, Тыр-Наволоке.

Интерьеры часовен отличаются самобытностью. Внесенные в часовню заветы: домотканые полотенца, атласные и ситцевые платки, шитые пелены с крестами – уже не могут быть вынесенными из нее. Заветы уже принадлежат Богу, Богородице, святым в просьбе о ниспослании детей, достатка или исцеления, как благодарность за услышанную и исполненную молитву. В часовню жертвовали первый сноп хлеба, первый сотканный холст. В некоторых часовнях сохранился потолок в виде многогранных «небес», расписанных

на библейские сюжеты в очень выразительной, запоминающейся манере.

Часовня и деревня в сознании жителей слиты воедино. Практически каждая деревня имела свой небольшой молитвенный храм, то место, куда в будни и праздники приходили с молитвой и просьбой к почитаемому угоднику. Часовни являлись духовными центрами многочисленных деревень Кенозерья и Лекшмозерья. Каждый житель деревни знает свою часовню. А старожилы Парка хранят в своей памяти многочисленные эпизоды жизни округи, связанные с обустройством маленького храма, защитой его стен, глав и крестов в годы лихолетья. Не случайно, что в течение сложного XX в., когда многие храмы Русского Севера закрывались и разрушались, кенозерские часовни продолжали жить. Перекрывались прогнившие кровли, сберегалась утварь, зажигались свечи. Часовни живут и сейчас, по-прежнему являясь духовными центрами деревень. 16 лет семья Ножкиных жила на Мамоновом острове одна. Вскоре после утраты духовной святости дочь Пелагея Николаевна перевезла стариков к себе. Умер Николай Филиппович, не дожив 13 дней до своего столетия. Пелагея Николаевна вспоминает: «Сорок два года старостой в часовне был и ходил в часовню каждое воскресенье и по праздникам знатным, молился. Вся семья верила и молилась. Пойдешь за стол – помолись. Скажет всегда: подьте в часовню, сегодня праздник – надо Богу почесть отдать. Праздновали мы Илью-пророка. А часовня на таком месте стояла, плывешь по озеру, а она вот... на горе стоит...» Ничего случайного в жизни нет. Сегодня дочь Н.Ф. Ножкина, более двадцати лет бывшего смотрителем

Ильинской часовни на Мамоновом острове, Пелагея Николаевна – смотрительница Никольской часовни. Она ведет дела, следит за порядком, по праздникам звонит в колокол. Очень радуется, что часовню восстановили. Часто вспоминает, как в заброшенную часовню однажды собрались женщины села, лопатами и топорами отскребли мусор, привели часовню в порядок. «Все иконы были украдены. А теперь люди несут обратно. Приду, на крыльце иконы стоят. Я их святой водой вымою и ставлю в часовню».

Бесхитростно создавались на Кенозере местными зодчими все эти маленькие часовни и так же бесхитростно украшались. И теперь они так же бесхитростно берут нас в плен. И это понятно: скромная, тихая маленькая часовня дарит тепло, уют, покой – все то, чего особенно не хватает человеку в современном мире.

«Святые» рощи и поклонные кресты

«Святые» рощи и поклонные кресты – неотъемлемая часть ландшафтов Кенозерья. Взаимоотношения человека и дерева уходят своими корнями в глубокую древность. В жизни людей дерево имело огромное хозяйственное значение. Являясь живым организмом, деревья обладают своей энергетикой, которую люди, безусловно, чувствуют и в связи с этим наделяют деревья и духовными свойствами³⁸.

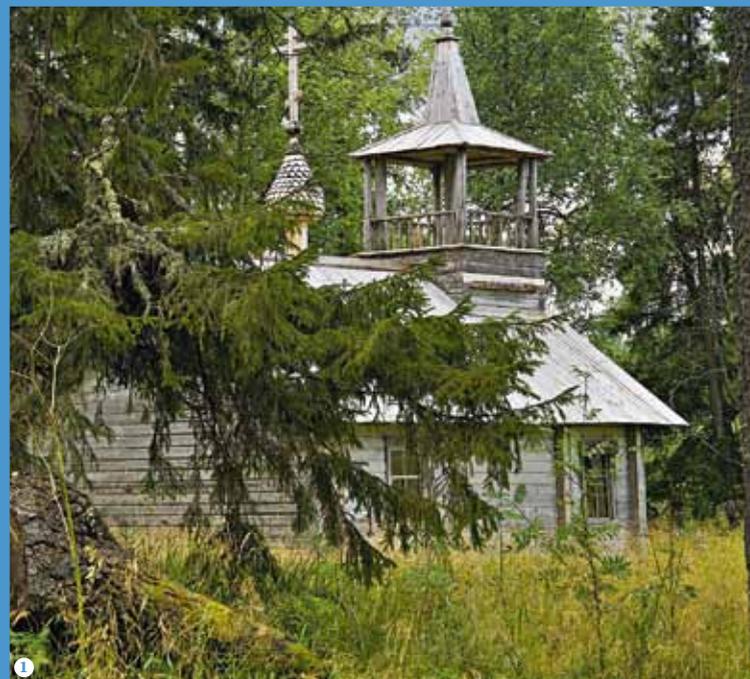
Почитание деревьев нередко встречается на Русском Севере, однако на Кенозере оно выражено наиболее ярко. В примиривших язычество и хри-

4

1 Никольская часовня XVIII в. в д. Вершинино
2 Часовня Сошествия Святого Духа XVIII в. в д. Глазово

3 Часовня Иоанна Богослова XVIII в. в д. Зехново
4 Иконостас в часовне

1

3

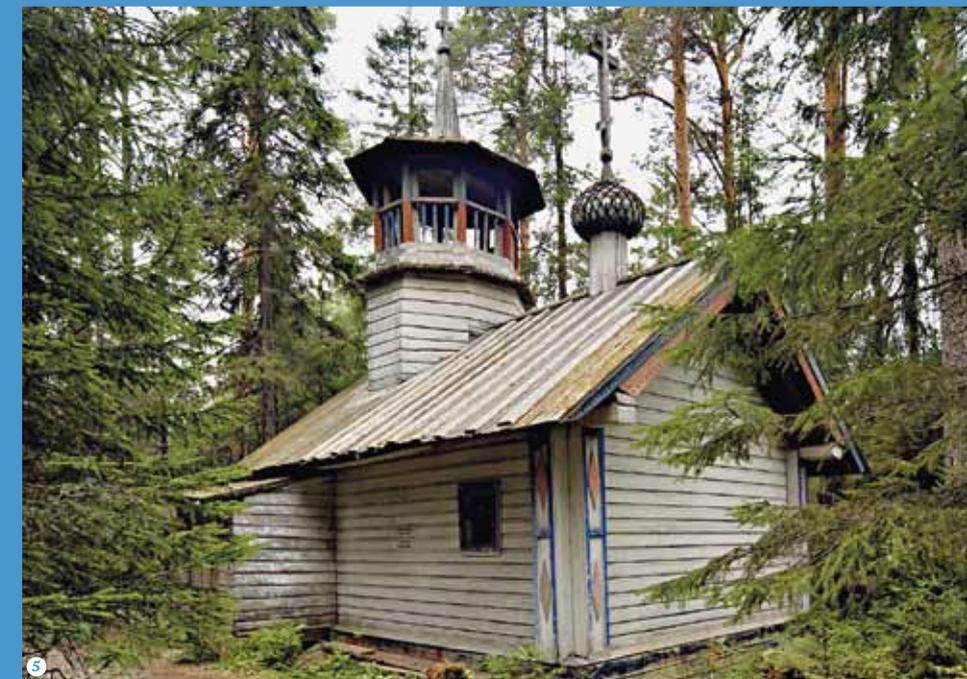

2

4

1 Часовня Георгия Победоносца XIX в. в д. Минино

5

3 Часовня Святого Власия XIX в. на острове Медвежий

7

5 Часовня Святой Параскевы Пятницы XIX в. в д. Тырьшкино

6

8 Часовня Трех святителей XIX в. в д. Немята

8

2 Часовня апостола Андрея Первозванного XIX в. в д. Видягино

4 Часовня Рождества Пресвятой Богородицы XIX в. в д. Тамбич-Лахта

6-7 Часовня Афанасия Многомилостливого XIX в. в д. Тарасово

1

2

1 «Святая» роща и часовня Преп. Александра Свирского конца 1990-х, построенная А.В. Калитиным

на собственные средства в д. Мыза
2 «Священная» сосна

стианство «святых» рощах, а иногда и под кроной «святых» деревьев хранится память и культура человечества. В.Н. Харузина, первая в России женщина-профессор этнографии, сделала вывод: «Нет сомнения, что тут мы имеем дело с местами, освященными раньше языческими святилищами».

Практически в каждой роще находится крест или часовня – знак святости как таковой. Часовни и кресты, возведенные на месте капищ, – «это не мертвые осколки поверженного языческого идола, а вторичное религиозное новообразование, порожденное религиозным гением русского народа, особенно ярко раскрывшемся в ходе освоения инородного, инородческого и иноверческого Севера»³⁹.

«Святые» рощи пользовались благоговейным почетом окрестного населения, к ним относились с суеверным страхом, считая их принадлежащими тому угоднику, в честь которого в роще выстроена часовня. «Святые» рощи, которых на территории Парка сохранилось свыше сорока, – одна из редких и древнейших форм заповедности на территории России. По их облику можно судить о коренных лесах, существовавших здесь в прошлом. А еще «святые» рощи хранили предания и легенды, в которых от поколения к поколению передавалась культура отношения к природе. Каждый из заповедных уголков создавался и сохранялся народом так же, как былины и сказки, легенды и предания – памятники народной культуры. Существует действующая система норм поведения в этих рощах. Где-то неподалеку могла идти бойкая жизнь у многочисленных торжков, но в «святой» роще всякая

торговля исключалась. В них царило особо заботливое и уважительное отношение к деревьям: их нельзя рубить или как-то ранить. (Николай Павлович Капустин из д. Зехново говорил так: «Туды с топором не сунешься – грех большой»⁴⁰), нельзя разводить в рощах костры и мусорить. И в озере рядом можно было купаться, а ловить рыбу нельзя. На Кенозере еще и сегодня бытуют рассказы-предания о том, что происходит с людьми, которые нарушают эти древние незыблемые законы. Мария Ивановна Нифонтова из д. Майлахта рассказывает: «Где часовня была [Тихвинской Божьей Матери по дороге на Ошевенск], там Филька ель распилил на дрова – и у него ноги отнялись, с ним что-то случилось, так он крест там оставил. Видела сосны у Сысова? Сейчас только две остались, а было больше. Не мы сажали, не нам и рушить. А Николай Яковлевич тот сосну на пни распилил, и с ним что-то случилось. Так он к дальнему Макарию ходил и вокруг озера на коленках ходил. Так вылезился»⁴¹.

Результаты исследований, проведенных в 2000 г. специалистами Архангельского государственного технического университета, Архангельской лесоустроительной экспедиции, Кенозерского национального парка в Плесецком секторе Парка (всего обследовано 45 объектов), указывают на то, что «святые» рощи – это естественные насаждения, скорее всего остатки девственных лесов, состоящие преимущественно из деревьев хвойных пород с примесью березы и осины более позднего возраста. Установившиеся в сознании людей запреты и ограничения на пользование этими участками

леса позволяют сделать вывод о том, что развитие таких экосистем происходило естественным путем⁴². Однако не следует исключать в отдельных случаях их искусственное происхождение. По крайней мере, этот факт подтверждается исследованиями, проведенными известным русским этнографом XIX в. Н.Н. Харузиным в Пудожском уезде: «Как бы то ни было, происхождение священных рощ в Пудожском уезде, во всех них, как в тех, которые посажены недавно, кроется несомненная языческая подоплека далекого от нас цикла верований, взгляд на святого, далеко отстоящий от взгляда христианского»⁴³.

«Святые» рощи Кенозерья – это еще одна неразгаданная до конца тайна, они еще ждут своих исследователей.

Таково же отношение кенозеров и к поклонным крестам. Памятными (поклонными) крестами в старину на Кенозере отмечали места, имевшие особое значение. Их ставили там, где сгорела часовня или был монастырь, у въездов на мосты, у перекрестков или развилок дорог – всюду, где считали необходимым осенить себя крестным знаменем. Кресты – не только знаковые метки кенозерского культурного ландшафта, но и памятники духовного наследия, с которыми связывались история деревни, памятные события в жизни кенозеров, народные обычаи и праздники⁴⁴.

Именно в поклонных крестах, «детисах переходного периода от язычества к христианству», наиболее камерно и задушевно воплощено слияние двух культур. Кресты являются одним из ключевых символов православной культуры, занимают центральное место в сакральной топографии Русского Се-

вера. Историки отмечают единую функциональную природу крестов и часовен, их взаимозаменяемость. Считается, что часовни и кресты всегда устанавливаются на границе, отделяющей этот мир от иного, «чужого» и опасного, поскольку его хозяевами являются духи (лешие). Это освоенное и охраняемое православной верой пространство освящалось и закреплялось возведением крестов и часовен. Кресты по их значению и роли, которую они выполняют, относят к следующим группам: поклонные, маячные, кладбищенские, обетные, поминальные, благодарственные, памятные, охранительные⁴⁵.

Всего на территории Кенозерского национального парка в настоящее время сохранилось более тридцати поклонных крестов. Они имеют различный возраст и размеры. Некоторые из них украшены резьбой на сюжет Голгофы, имеют врезные иконки, а другие – совсем простые. Для предохранения крестов от дождя и снега над ними иногда делали двухскатные кровельки самых разных типов и размеров. Наиболее ранние кресты, сохранившиеся на территории Парка, относятся к XVIII в.

Кресты служили оберегами, в них живет древняя традиция почитания места, с которым связаны предания, поверья, обряды. Елена Максимовна Мелехова из д. Тырышкино размышляет: «Зачем кресты ставят? А пойдешь работать и Богушку помолитесь, вот пойдешь на работу, к кресту подходишь и молишься: "Господи, меня благослови, святой Иисус Христос! На весь день господен пособи, Господи, по-хорошему провести денек, чтобы не заболеть и поработать". Раньше ведь лечились Господом Богом»⁴⁶.

3

4

3 Поклонный крест в д. Тарасово
4 Поклонный крест XVIII в.

Народные промыслы и ремесла

Во всех волостях Кенозерья существовали развитые крестьянские промыслы. Кенозеро не было тесно привязано к потребителям, здесь сохранялись и совершенствовались традиционные промыслы и ремесла. Изделия, воплощающие многовековые традиции народного творчества, широко известны за пределами региона. За исключением гончарного (д. Карпово), здесь не имелось промыслового производства, но общая художественная культура была высокой – в каждой деревне работали плотники и резчики по дереву, и в каждой избе находились талантливые вышивальщицы и ткачихи. Эту особенность отметил искусствовед Н.В. Мальцев: «Количество изготовленных одним мастером предметов быта, посуды, прялок, вальков чаще всего определялось потребностями одной-двух семей. Лишь наиболее искусные мастера периодически выполняли небольшие заказы для соседних деревень и монастырей. Реже их изделия распространялись через рынок и местные ярмарки по более обширному району».

Общим для всего края был рыболовный озерный промысел. «В богатой водою, но бедной хлебом Олонецкой губернии рыболовство составляет одно из главных занятий жителей»⁴⁷. Рыбной ловлей занимались в любое время года. Зимой для этого вырубали во льду специальные проруби, иордани, летом ловили с лодок. Изготовление лодок – древний промысел кенозерских крестьян, связанный с освоением края древними новгородцами в XII–XIV вв. Долбленная лодка использовалась преимущественно на лесных речках и озерах. *Каргополка*,

по свидетельству местных жителей, получила свое название благодаря давним и довольно тесным контактам с Каргополем. *Кенозерка* отличалась от *каргополки* более вытянутой формой, с выступающим носом и кормой. Она строилась из соснового и елового теса. Издавна на Кенозерье славились мастера из пос. Усть-Поча. В южной части Кенозера признанным центром строительства лодок была Майлахта, а в д. Щаниково изготавливали дубаны, лодки, долбленные целиком из осины. Для смоления лодок крестьяне д. Семеновская занимались смолокурением. Брели для этого смолистую сосну-мянду и кололи на небольшие поленья смолье. Его варили в котлах на каменных очагах под небольшими навесами. Процесс варки занимал около суток.

К числу традиционных промыслов Кенозерья относился промысел зверей и птиц. Охота открывалась 15 августа и завершалась 1 ноября. Были промыслы, свойственные определенным волостям. В Кенозерской волости «лодки делают», в Кенорецкой – «выделка кирпичей», в Лекшмозерской «дральщики бересты», «делают берды», смолокуры в Лядинской «обжигают известь»⁴⁸.

Резьба и роспись по дереву, являясь одними из наиболее древних северных ремесел, были достаточно широко распространены в Кенозерье. Искусные резчики по дереву, столяры и плотники украшали резьбой свои дома и предметы быта, на каждом погосте имелось несколько живописцев, в народе называемых *мастерами*, которые убирали росписью свежесрубленные избы, мебель, различную домашнюю утварь. В д. Федоровская (Порженское) столя-

ры Киприяновы изготавливали шкафы и божницы, украшали дома резьбой; мастер Прокопий Дмитриевич Запольный из д. Спицыно не только делал шкафы, но и расписывал их. Плотниками, занимавшимися подобной работой, славился Тыр-Наволоок. В Лекшмозерье столяры жили в д. Гужово⁴⁹.

Но с особой любовью украшалась прялка. И не случайно. Прялка в деревенской избе – одно из древних орудий женского труда. Она считалась самым ценным подарком. Отец дарил ее дочери, муж – жене, жених – невесте. Благодаря бережно хранившимся и передаваемым из поколения в поколение прялкам сохранились прекрасные образцы геометрической резьбы. Прялки Кенозерья представляют собой на редкость праздничные и красочные предметы. До нас дошли имена мастеров кенозерских прялок: рыбака И.И. Врагова (1841–1900) из д. Тыр-Наволоок, мельничного плотника Петра Пугачева (1850–1919) из д. Горбачиха и его ученика П.П. Завьялова (ум. в 1967) из д. Зехново. Их искусно выполненные резные изделия продавались только в соседних деревнях и почти не встречаются за пределами Кенозерской волости.

Особенно выгодным было ремесло бондаря. Большие и малые чаны для выделки кожи и хранения зерна, кадушки для засолки грибов, рыбы и прочие изделия всегда находили применение в крестьянском быту. В Кенозерье работали 6 бондарей, в Лекшмозерье – 5. Здесь бондари жили только в одной деревне – Анфаловской⁵⁰.

Два вида промыслов: кузнечный и мельничный, как правило, распространялись «по жребью» или назначались сельским сходом. Кузнечный

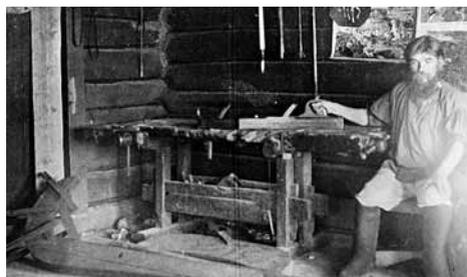
промысел – один из самых важных в патриархальном хозяйстве Кенозерья. Кузнецы снабжали крестьянские хозяйства сельскохозяйственными орудиями (лемехами, сошниками, серпами), плотницкими инструментами (топорами, молотками, кусачками), бытовыми предметами (амбарными замками, скобами, баграми, дверными кольцами и запорами), капканами на лесных зверей. Кузнецы трудились во многих кенозерских деревнях: Федосове, Почозере, Тамбич-Лахте, Мызе, Семеновской, Челме, Глубоком. Память сохранила некоторые имена кузнечных дел мастеров конца XIX – начала XX в. Так, в д. Тамбич-Лахта славился кузнец Александр Андреевич Парамонов, в д. Глубокое – Иван Иванович Худяков. В д. Челма, помимо прочего, изготавливали колокольчики – ботала для коров. Обливкой колоколов медью занималась династия Гусевых из д. Глубокое⁵¹. В деревнях Каргопольского уезда широкой известностью пользовались кузнецы Я.И. Басов (д. Ожегово), И.Н. Пономарев (д. Анфаловская), И.Т. Баталов (д. Казариновская), Н.М. Мяндин (д. Моршихинская)⁵².

Для переработки зерна активно строились водяные (более 50), а на островах и полуостровах ветряные мельницы, а также плотины к ним. Начиная с XVII в., кенозерские мастера получали заказы на изготовление каменных жерновов. Самым известным строителем мельниц в Кенозерье был Александр Ребров, валы для мельниц делали мастера из д. Челма.

Работы по строительству дорог, мостов и переправ велись по назначению сельского схода, а в отдаленных местах артелями плотников, кото-

1

2

3

4

5

6

7

1 Вязание рыболовных сетей в Олонецкой губернии. 1903. Архив КНП
2 Вид столярной мастерской в жилой избе. Архив КНП
3 Кенозерская лодка
4 Резной балкон
5 Роспись на подшивке свесов кровли

6 Прялки из музейного фонда КНП на выставке «Под небом Кенозерья» в ГМО «Художественная культура Русского Севера». Архив КНП
7 Мельник с Челмы. Архив КНП

1

2

- 1 Вернулись домой
2 Плетение корзин.
1915. Архив КНП
3 Жительница
пос. Усть-Поча
Т.Ф. Калитина
обмолачивает зерно

- 4 В.Д. Шевелев
с гончарными
изделиями
5 Северная
красавица

рые числились в «отходе». К этой же категории работ относилась починка дорог и мостов. Руками кенозерских крестьян в XIX – начале XX в. построены два важных для сообщения края тракта: Кенозерский, который выводил к Повенцу, Пудожу и к Петербургскому тракту, и Архангельско-Кенорецкий – к Почозеру. Оба тракта сохраняли свое значение и в 1920-х гг., считаясь «*грунтовыми дорогами местного значения*»⁵³.

В связи с активным строительством морского флота, оборонительных сооружений, городов резко возросло значение лесного промысла, деревообработки, смолокурения и других технических производств. По сведениям за 1891 г. в Лекшмозерской волости работали 15 дегтекуренных печей, наибольшее их количество находилось в д. Морщинская, самый крупный «завод» принадлежал Ивану Петрову Попову с товарищами (3 печи). В д. Анфаловская имелись два дегтекуренных заведения, в д. Масельга, Ожегово, Казариновская, Илекинская, Думино – по одному «заводу»⁵⁴. В 1902 г. смолодегтекурением в Лекшмозерье занимались 43 мужчины и одна женщина. Крупное производство смолы и дегтя располагалось в д. Вильно⁵⁵. В 1913 г. в Кенозерской волости дегтекуренные заводы с небольшим производством дегтя располагались при д. Спицыно и Видягино⁵⁶.

В неразрывном единстве с земледелием находилось и домашнее скотоводство. Кенозеры разводили коней, коров, коз, овец. Богатые держали до двадцати коров, до десятка лошадей, бедняки и середняки – до пяти коров, у середняков имелись две-три лошади на двор, у бедняков – по одной, а то и вовсе не было. Наличие лошадей позволя-

ло заниматься извозным промыслом, который играл важную роль в экономической жизни кенозерских крестьян вплоть до конца XIX в. Кенозерские извозчики участвовали в перевозке товаров из Петербурга в Каргополь и из Каргополя в Архангельск. Значительный доход крестьяне получали от перевозки рыбы в Вологду и Петербург.

В домах сохранилось большое количество утвари, связанной с домашним скотоводством: подойники, горшки-роговики. Молоко, молочные продукты (сметана, масло, творог) и мясо шли в пищу. Шерсть – на вязание носков и рукавиц, изготовление валенок. Кожа – на обувь и зимнюю одежду. На Кенозере скотоводство позволило развиваться целому ряду промыслов: вязанию, обработке кости, выделке кожи, изготовлению колокольчиков и обливанию их медью. О большом значении скотоводства в жизни кенозеров можно судить по широкому распространению магических обрядов, связанных с оберегом, и большому количеству часовен, посвященных покровителям животных: Георгию (Григорию Храброму), Василию, Флору и Лавру. Иконы с изображениями этих святых имелись в каждой часовне.

Выделкой кожи занимались почти в каждой деревне. Кожа использовалась для изготовления обуви и зимней одежды. Одежду из овчины шили сами, во многих деревнях жили и свои сапожники. В д. Карпово Степан Дмитриевич Вахражев делал сапоги для рыбаков и охотников – *бродовые*, не протекавшие. Кожу мастер покупал на ярмарке. Шитые сапоги смазывали дегтем, чтобы не текли. Имелись мастера, шившие на заказ, и в д. Горы, Ершово, Шишкино.

Гончарный промысел в XIX – первой половине XX в. в Кенозерском крае был жизненно важным. Глиняную посуду изготавливали гончары из д. Карпова Гора. Несколько семей Вахрамеевых обеспечивали всю округу горшками, кашниками, мясниками, латками для сметаны и масла, в крестьянском быту пользовавшимися большим спросом. Местная керамика – черного цвета, часто с орнаментом в виде волнистой линии. В Лекшмозерье центр гончарного производства находился в д. Гужово.

Один из самых древних видов народного творчества – берестяное ремесло. Береза всегда была любимым деревом человека: грела, лечила, поила. В народе она считалась во все времена благородным деревом. Плели самые необходимые предметы – от больших коробов до крохотных солонок и лаптей. Центром плетения корзин на Кенозере являлась д. Рыжково. Занимались корзиночно-коробочным промыслом только мужчины. Средний работник мог за сутки сплести 5 корзин или 10 коробов. Цена за одну корзину составляла 2–3, а коробка – 3–5 копеек⁵⁷.

Все, что окружало человека в повседневном быту, заботливо украшалось трудолюбивыми крестьянскими руками. Лет с восьми-девяти девочки под руководством матерей начинали постигать удивительное женское рукоделие, вышивание, и уже с детства готовили себе приданое к свадьбе. А запастись приданого следовало немало: в 1870-е гг. – начале XX в. у девушек среднего достатка одних только рубах насчитывалось десять-пятнадцать. Да по обычаю надо было иметь сорок полотенец, постельное белье, верх-

нюю одежду. Всего добра набиралось на целую подводку. Особенно нарядными были женские праздничные одежды, отличавшиеся обилием украс и совершенством их исполнения. Вышитыми тканями убирали крестьянский дом: на стол постилали скатерти, кровать застилали простыней с нарядным краем или подвешивали к ней широкий подзор. Кенозеры очень любили полотенца, которые имели обрядовое значение и изготавливались из ткани самого высокого качества. Концы их украшались вставками с тканым орнаментом или вышивкой. Каждая деталь вышивки, особенно полотенце, наделялась глубоким смыслом. Вышивки чаще всего воспроизводили растительный или геометрический орнамент. К более древним относится сюжет «Великая Мать» с противостоящими ей фигурами всадников на конях. В Кенозерье и Лекшмозерье также использовали тамбурный шов по кумачу⁵⁸. В праздники и дни семейных торжеств самые красивые полотенца развешивали вдоль стен, вешали на окна и божницу.

Были и отхожие промыслы. Каменщики, плотники, столяры, швейцары, дворники – многие профессии представляли кенозеры в Петербурге и других местах. «*Печников для кладки русской печки жители Водлозера должны были приглашать из-за сотни верст, с Кенозера*», – отмечал И.С. Поляков.

Причина отхода крестьян – малоземелье. Уходя за дополнительным заработком, люди надеялись поправить экономическое положение семьи. Одной из форм отходничества стал лесной промысел (лесозаготовки и сплава леса), условия труда и быта на лесозаготовках были крайне тяжелыми. Отходниче-

3

4

5

1

2

3

ство, а также ярмарки, о которых речь пойдет ниже, способствовали втягиванию кенозерской деревни в рыночные отношения. В крестьянский быт благодаря отходничеству попало много предметов городского обихода. Заметно на нем сказались и влияние мещанской культуры. Еще в 1870-е гг. в Кенозере распространяются такие танцы, как ланцу (лансе) и кадрили, а в конце XIX в. – большое количество жестоких романсов.

Неспешное хозяйственное развитие давало определенные результаты. В 1857 г. на Кенозерском погосте учредили Благовещенскую ярмарку, проводившуюся ежегодно 25–28 марта. Самые большие обороты наблюдались в торговле мануфактурными (60%), а затем колониальными и бакалейными товарами, выделанными кожами, зерном, посудой и пр. Местная ярмарка была довольно оживленной – в 1880 г. ее посетило около 3,5 тысяч человек.

С XVII в. Успенская церковь являлась центром Кенозерского прихода и духовного объединения жителей всей округи. Именно здесь на Успение собиралась ярмарка. Возрожденная в 2004 г. Кенозерским национальным парком Успенская ярмарка продолжает давнюю традицию северного крестьянского земледельческого цикла. Знаком, символизирующим завершение крестьянского труда, служил последний *именинный* сноп, который украшали лентами и ставили в церковь, часовню или под домашнюю божницу. По его зернам гадали о будущем лете и урожае. В праздничный день в большом котле из всех видов молодых зерновых варили особую кашу *пожинаху*, которой угощали всех собравшихся.

На Успение с давних времен повелось водить хороводы, поэтому и теперь в Кенозерье на праздничной ярмарочной площадке можно не только услышать традиционные северные песнопения, но и сплясать топатуху и портянку. На Успенскую ярмарку приезжают мастера из разных уголков России. На открытой площадке «Ремесленная сторона» можно приобрести их изделия, принять участие в мастер-классах по плетению из бересты, изготовлению глиняной каргопольской игрушки, лоскутному шитью и т. д. Как и в старые добрые времена, жители и гости окрестных деревень собираются всем миром на пожинаху. Успенская ярмарка радуется своих гостей свежей рыбой, грибами и ягодами, рыбниками, калитками и другими диковинными разносолами, рецепты которых из поколения в поколение бережно передаются кенозерскими жителями.

В XX в. с развитием фабричного производства и разрушением традиционного уклада жизни крестьянские промыслы пришли в упадок. В 1920 г. почти все рыболовецкие артели вошли в состав Вологодского отделения «Севгосрыбтреста», охотники объединились в промыслово-кооперативные союзы (иногда сезонные)⁵⁹. Почти исчезли мастера-кузнецы⁶⁰ и печники, озерное судостроение ограничивалось ремонтом хранящихся до весны лодок. Собирачество плодов, ягод и лекарственных растений не велось до середины 1930-х гг.⁶¹.

Уже к середине 1930-х гг. кенозерские селения на территории Северного Края, образованного в 1929 г., стали пустеть. Хозяйства и промыслы, упоминавшиеся по «Списку населенных мест Каргопольского уезда Вологодской губернии»,

изданном в 1926 г. по данным 1920 г., перешли в ведение колхозов. Колхозов с развитым земледелием в Кенозерье в 1930-х гг. не было. Основным направлением хозяйственной деятельности стало рыболовство – речное и озерное⁶². Отлучение крестьянства от традиционной деятельности началось с подсобных или, как полагали, не нужных промыслов, таких как гончарство, смолокурение, деревообработка.

Кенозерский национальный парк со времени своего основания инициировал возрождение традиционных промыслов и ремесел на своей территории.

Жила в д. Карпово мастерица Зинаида Александровна Вахрамеева. Ее лоскутные покрывала и половики отличались особым, неповторимым почерком. Традиции лоскутного шитья складывались в России в XIX в. Они связаны с развитием машинного производства и широким распространением в крестьянской и городской среде фабричных ситцев – хлопчатобумажных тканей с набивным рисунком.

В пос. Усть-Поча работал мастер Федор Васильевич Калитин. Во все времена широкой популярностью у кенозеров пользовались бондарные изделия: бочки для солений, рыбы, грибов, кадушки для толченых ягод, подойники, ушаты. Сегодня работы потомственного бондаря можно встретить почти в каждой усть-поченской избе.

Удивительно ладные, добротные корзины из сосновой дранки мастерил Андрей Александрович Амосов из пос. Поча, его и сейчас называют починским кудесником. По соседству работал еще один починский мастер – Вениамин Степанович Харин, известный своими расписными корзинами. С нарядны-

ми корзинами деревенские женщины ходили на ярмарки в праздничные дни, да и в лес приятно было взять такую корзину. На Кенозере их расписывали масляными красками, покрывая геометрическими и цветочными орнаментами. На корзинах кенозерских мастеров можно было увидеть не только цветы, но и гроздь рябины, грибы-боровики, птиц.

Об этих замечательных людях очень тяжело писать в прошедшем времени. Но дело их продолжается. На Кенозере остались мастера, владеющие приемами работы и способные передать свой опыт молодому поколению.

Шитьем традиционных лодок-кенозерок и лекшмозерок занимаются И.Д. Ошонков, А.М. Гусев, А.В. Калитин (все – пос. Усть-Поча), Н.И. Попов, К.А. Боголепов (д. Морщихинская), Ю.В. Макаров (д. Орлово).

Шьют из квадратов и треугольников яркие нарядные покрывала местные мастерицы М.Н. Канцедал (пос. Усть-Поча), Н.Н. Прокопьева, В.С. Дорофеева (пос. Поча) и др. А сколько жителей – больших и маленьких – согреваются в суровые зимы мягкие валеочки, скатанные замечательным мастером И.Н. Куколевым (пос. Усть-Поча). Успешно освоили войлоковальние М.М. Аникиева и Л.К. Сидорова (пос. Усть-Поча), В.Е. Беляева и Н.А. Калитина (пос. Поча), Н.А. Лизунова, З.И. Фофанова и С.А. Аникиева (д. Вершинино). В гончарной мастерской Парка в д. Вершинино возрождается один из интереснейших промыслов Кенозерья – изготовление глиняной посуды. В Центре народных промыслов и ремесел Парка в пос. Усть-Поча известный на всю округу умелец Ю.В. Тишинин обучает местных ребя-

4

5

1 Сельская ярмарка в Заонежье. Личный архив М.И. Мильчика
2–3 Успенская ярмарка

4 «Починский кудесник» А.А. Амосов
5 Шьет лодки И.Д. Ошонков из пос. Усть-Поча

1 Народные мастера Кенозерья
2 Кенозерские мастерицы в Доме народного мастера КНП в пос. Поча. Архив КНП

3 Изготовление обрядовой куклы. Е.Н. Беляева из пос. Поча. Архив КНП
4 Бондарь Ф.В. Калитин из пос. Усть-Поча

5 Мастер-класс по изготовлению сувенирных валенок проводит М.М. Аникиева (справа) из пос. Усть-Поча. Архив КНП

6 Мастер-класс по работе на гончарном круге
7 Юные лоскутницы в Центре народных промыслов и ремесел КНП в пос. Усть-Поча

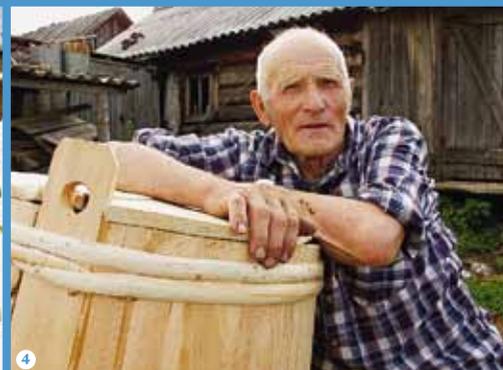
8 Мастер по войлоковалению И.Н. Куколев из пос. Усть-Поча
9 Мастерница лоскутного шитья В.А. Аникиева из д. Глазово. Архив КНП

10 Мастер-класс по плетению из бересты проводит Ю.В. Тишинин
11 Ткачиха А.Ф. Привалихина из пос. Поча

12 Мастер по изготовлению каргопольской глиняной игрушки В.Д. Шевелев

1

4

5

2

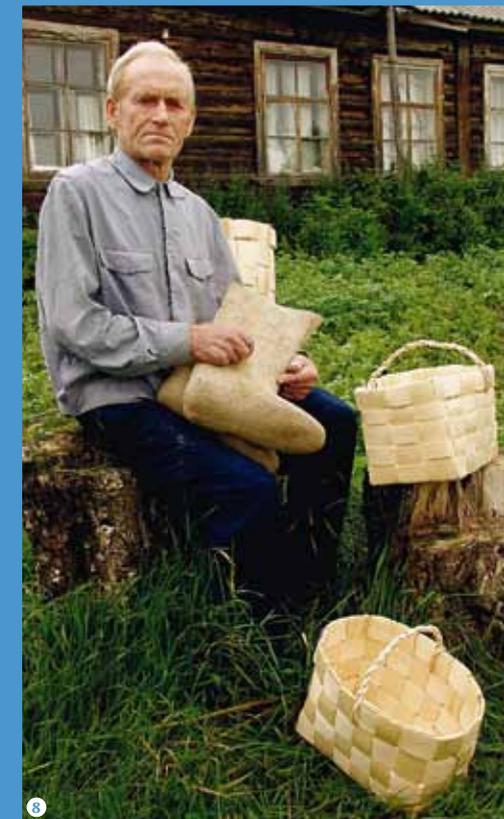
3

6

7

8

9

10

11

12

тишек и взрослых плетению из бересты и резьбе по дереву. У народного мастера Е.Н. Беляевой в пос. Поча девочки учатся ручному ткачеству на старинных ткацких станках и лоскутному шитью. Изделия мастеров Кенозерья успешно реализуются посетителям Парка в сувенирных лавках и на различных ярмарках, а также используются в домашнем обиходе.

Разнообразные ремесла, которыми владели жители Кенозерья, кормили их, но никогда не были легкими. Потому всегда люди, умевшие и умеющие делать дело, пользовались почетом и уважением.

Духовная культура

Кенозерье является центром бытования былинного народного творчества. Совсем не случайно Кенозерье называют «краем былинным, сказочным». Причинами сохранности древних фольклорных традиций А.Ф. Гильфердинг считал свободу и глушь: «Побывавши в Олонецкой губернии, особенно в северной и восточной ее частях, легко уяснить себе причины, по которым могла сохраниться здесь в народной памяти эпическая поэзия, давно исчезнувшая в других местах России. Этих причин две, и необходимо было их совместное действие; эти причины – свобода и глушь... Здесь могли удержаться в полной силе стихи, составляющие необходимое условие для сохранения эпической поэзии: верность старине и вера в чудесное». Эти факторы в сочетании с природным ландшафтом, чрезвычайно важным в формировании мировоззрения русского человека, позволили ученым говорить об эпическом

сознании, пронизывающем все сферы духовной деятельности, к которым относятся богатейшая сказочная традиция, календарные праздники и обряды, свадебный и похоронный обряды, традиции песенной лирики, обычаи и обряды, сопровождающие промысловую и хозяйственную деятельность, основанную на народном календаре во взаимодействии с Солнцем-Батюшкой и Матерью-Сырой Землей.

Впервые за долгую историю самобытная культура Кенозерья привлекла к себе серьезное внимание во второй половине XIX в. Известно, что первым просвещенным человеком, узнавшим о бытовании эпических песен на Кенозере, стал П.Н. Рыбников (1831–1885). В 1860 г., «узнавая чутьем местность и людей», он собирал былины в деревнях Кенозерья, которые тогда административно относились к Пудожскому уезду Олонецкой губернии. Объясняя бытование былин на Русском Севере, Рыбников в «Заметке собирателя» писал: «В Олонецкой губернии, где жива память о древнем Новгороде и где народ не испытал ужасов крепостничества, былевая поэзия соответствует нравственным запросам и идейным убеждениям крестьянства». В былинах, по его мнению, народ передает свое представление о русской истории и идеалах, созданных народным сознанием⁶³. Именно П.Н. Рыбников впервые опубликовал записи былин от Ивана Павловича Сивцева. После этого имя поромского старца навсегда вошло в историю русского эпоса. Иван Павлович Сивцев был одним из лучших сказителей и зажиточным крестьянином. Недаром А.Ф. Гильфердинг отмечал, что «былины складываются только

в таких головах, которые соединяют природный ум и память с порядочностью, необходимою и для практического успеха в жизни».

В 1871 г. на Водлозере ученый-исследователь И.С. Поляков встретился с известным русским фольклористом А.Ф. Гильфердингом (1831–1872), приехавшим в Карелию в поисках былин. Объединившись, ученые отправились на Кенозеро, где Полякову удалось, как сообщал он в одном из писем, «открыть значительные следы каменного периода», а Гильфердингу посчастливилось записать более 80 былин от местных жителей. Результатом этой поездки стал сборник «Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом в 1871 году» (1873). В статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» (1872) он дал выразительные характеристики северному крестьянству: «Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал... Это народ-труженик в полном смысле слова»⁶⁴. В историю фольклористики профессор Гильфердинг войдет как первый ученый, который отказался от принципа систематизации произведений устного народного творчества по сюжетам и систематизировал их по певцам-исполнителям.

Былины создавались на протяжении многих веков и отразили события XIII–XVI вв. Русские богатыри сражаются с несметными полчищами татар, защищая русские земли. Их образы – воплощение лучших качеств народа, его готовности защищать свою землю, честь и достоинство человека. По эпическим песням, прежде всего по былинам, кенозеры представляли себе прошлое своей страны, а следовательно, своих предков

и себя самих. Эпические представления были для них подлинным знанием о прошлом, знанием, незаметно для них сливающимся с твердой верой в действительное существование богатырей и иных былинных персонажей, а также эпических событий⁶⁵. Все, о чем поется в былинах, с точки зрения народа достоверно, а потому в народе былины и называют «старинами». Их распев строг и неспешен⁶⁶.

Повсеместное широкое бытование эпических произведений на Кенозере (в отличие от Заонежья) позволило Гильфердингу назвать Кенозеро «Исландией русского эпоса»⁶⁷.

В 1927 г. братья Борис и Юрий Матвеевичи Соколовы организовали трехлетнюю экспедицию в бассейн Онежского озера (экспедиция Государственной академии художественных наук и Музея народоведения). Цель – собрать тексты былин «по следам Рыбникова и Гильфердинга». Кенозеро было обследовано ими в отношении былин подробнейшим образом, результаты экспедиции оказались ошеломляющими. Заметно уступая по численности населения, например Беломорью, Пинеге, Печоре, крохотное по сравнению с ними и до сих пор куда менее звучащее, чем они, Кенозеро превосходило эти места Русского Севера по выявленному былинному репертуару⁶⁸. В общей сложности в 1927 г. записан 91 текст (по некоторым сведениям – 117 эпических произведений) былин, ранних и поздних исторических песен, баллад (у Гильфердинга – 83). Складывая вместе результаты, полученные Гильфердингом и братьями Соколовыми, следует отметить, что сплошное бытование былин на Кенозере было характерным

1

2

3

4

5

1 П.Н. Рыбников
2 Потомки
И.П. Сивцева-
Поромского

3 А.Ф. Гильфердинг
4 Б.М. Соколов
5 Ю.М. Соколов

1

1 А.Н. Нечаев

естественным явлением во времена Гильфердинга и, вероятно, оставалось таким до начала XX в.⁶⁹ Позднее академик Академии наук Украины Юрий Матвеевич Соколов (1889–1941) отмечал, что Кенозерье – не только былинный край, здесь «в полном расцвете разные фольклорные жанры, в том числе и сказочное творчество».

Эпическим центром многих былин оставался Киев во главе со своим неизменным правителем князем Владимиром. Герои, чаще Добрыня Никитич и Илья Муромец, порой Святогор, Дюк Степанович и Чурила Пленкович, выступают действующими лицами в разных произведениях⁷⁰.

Сюжеты былин и способы их исполнения хранились в семье, передавались по наследству, нередко старики-исполнители знакомили со своим творчеством молодежь, жадно тянущуюся к былинному слову. От дедов, отцов, товарищей по промыслам узнавали былины Иван Сивцев (Поромский), Петр Воинов, Харлам Гусев, Михайло Тряпицын, Иван Кропачев (Лядков), Авдотья Тимофеевна Артемьева и др.

Как и во многих других поселениях Кенозерья, в Суетине-острове тоже хранились былинные традиции. Здесь родился и жил известный сказитель Денис Нечаев, рассказывавший былины о Щелкане Дудентьевиче, царе Возьяге, дарении ими городов детям («Фому дарил Токмою да Ерему Новым городом... любимого дитятку Щелкана Дудентьевича подарил Тверью городом»). Принесенные из Новгорода отголоски реальных исторических событий хранились и в позднейших былинах: в XX в. на Суетине-острове их рассказывала дочь Дениса Нечаева – Ирина Калитина.

В Кенозерье широко бытовала и сказочная традиция. Хорошо известны сюжеты записанных в Майлахте сказок о Марке Богатом, о Василисе Премудрой, Аленушке и Иванушке. Их герои живут обычной жизнью среди людей: рубят дрова, пасут скотину, топят баню, пекут блины. В сказках, записанных в 1960-х гг. от Лукерьи Велимовой, нет резкого противопоставления реально-го и волшебного. Сама сказительница знала сказки от старшей сестры, некоторые от «старичка Нечаева», уроженца д. Мыза: мастерство сказочника стало в Кенозерье наследственным.

Произведения фольклора, касающиеся истории деревень, традиционной хозяйственной и промысловой деятельности, устные рассказы, былички, предания, поверья и пр. – это взгляд изнутри, рассказ кенозеров о себе, том главном и ценном, что передавалось как полезный жизненный опыт из поколения в поколение, что определяло этические правила, формировало экологическое сознание⁷¹.

«Цель моей жизни – отобразить и сохранить для читателей лучшие образцы народного творчества, ибо в них наиболее ярко выражены добрые традиции, характер талантливого русского человека – труженика, бесстрашного заступника своей Родины»⁷². Эти слова принадлежат выдающемуся ученому-фольклористу, публицисту, писателю-сказочнику Александру Николаевичу Нечаеву (1902–1986). Он родился в д. Екимово и вырос на земле, наполненной таинственной, сказочной атмосферой. Несомненно, русская сказка, народная песня запала в душу будущего писателя-сказочника именно здесь, на Кенозере. Первые сказки маленький Саша услы-

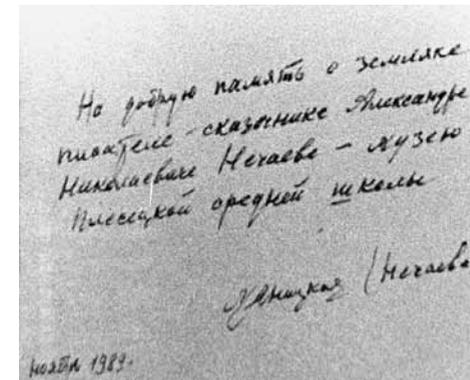
шал от своей матери Евдокии Федоровны. Но самое яркое впечатление произвел на него сказочник Поликарп из д. Вершинино, повлиявший, по словам Александра Николаевича, в юности на выбор занятий: «Никогда не забуду моей первой встречи с талантливым сказочником Поликарпом, навсегда покоришим меня своими сказками»⁷³.

А.Н. Нечаев стал признанным во всем мире писателем-сказочником. За время писательской и научно-исследовательской деятельности Александр Николаевич подготовил к изданию более 50 сборников русских народных сказок и эпических песен. Многие из этих книг переведены на украинский, белорусский, таджикский и другие языки народов СССР, а также на английский, испанский, немецкий, некоторые арабские языки. Один из самых популярных сборников сказок «Иван меньшей разумом большой» в течение 30 лет издавался более 30 раз общим тиражом 10 млн экземпляров! Из письма Б. Пономареву: «Мы часто говорим о народно-поэтическом творчестве, о его значении, а ведь получается так, что мы все употребляем эти слова, не понимая, что это основа основ, что вся мировая литература немислима без такой основы. Стоит только глубже понять такие взаимосвязи»⁷⁴.

Изучение эпической традиции на Кенозере продолжили экспедиции Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1957–1960 и 1962 гг. В экспедициях 1957–1960 гг. приняли участие видные фольклористы, ученики братьев Ю.М. и Б.М. Соколовых: В.И. Чичеров и Э.В. Померанцева, а также студенты и аспиранты, многие из которых

в дальнейшем стали известными учеными. Они провели полное обследование 56 населенных пунктов Кенозера и оставили описание деревень и исполнителей. Отметив угасание былевой традиции, участники экспедиций вместе с тем обнаружили все еще широкое бытование баллад и духовных стихов. Только сказок они записали свыше шестисот⁷⁵. При этом сказительницей с самым выдающимся репертуаром оказалась Александра Михайловна Мелехова. Насколько известно, она единственный в XX в. человек, от которого записаны 79 текстов народной прозы⁷⁶. Сказки, рассказанные Александрой Михайловной, уроженкой Кумбасозера, увидели свет лишь в 2004 г. в сборнике «Сказки Кенского волочка», подготовленном Юрием Ивановичем Смирновым (Институт мировой литературы РАН). «Ей были известны все виды народной прозы, но лучше других ей удавались бытовые сказки. Свыше четверти ее сказок оригинальны по своим версиям или сюжетам. По числу записанных сказок и по числу содержащихся в них сюжетов А.М. Мелехова – самая крупная русская сказочница в XX в.»⁷⁷. В скором времени будет издана историческая песня «Авдотья Рязаночка», ее кенозерские варианты постоянно включались в школьные хрестоматии и популярные издания, в антологии и своды исторических песен. Готовится к публикации былина «Щелкан Дудентьевич». Эти публикации также подготовлены Ю.И. Смирновым.

РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева в 2003 г. издал сборник «Кенозерские сказки, предания, былички». В нем представлены сказки и произведения несказочной прозы

2

2 Посвящение А.Н. Нечаева

1 Прялки
на полотенце.
Из фондов КНП

(предания, легенды, былички, устные рассказы), записанные в кенозерских деревнях в конце 1950-х, 1966, 2000–2002 гг. Несколько сказок в записях конца 1970 – начала 1980-х гг. опубликовала Н.В. Дранникова (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова) в сборнике «Архангельские сказки», вышедшем в свет в 2002 г.

К сожалению, большая часть материалов экспедиций Московского государственного университета, Поморского государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета и других исследователей хранится в архивах, а опубликованные сборники, статьи и отчеты свидетельствуют о значительности этих собраний.

Много лет своей жизни Виктор Яковлевич Дерягин, профессор кафедры русского языка Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заведующий отделом рукописей Российской государственной библиотеки (1988–1994) посвятил изучению топонимики Кенозерья. Результатом многочисленных экспедиций стал сборник в двух частях «Топонимика Кенозерья» (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1987), составленный в соавторстве с З.С. Дерягиной и Г.И. Манихиным. Но Виктор Яковлевич мечтал об издании этнолингвистического словаря, содержащего диалектную лексику современного говора Кенозерья. Он со своими коллегами начал готовить его в начале 1990-х гг. по договору с национальным парком. К сожалению, ранняя смерть Виктора Яковлевича в 1994 г. не позволила закончить этот труд.

Своеобразная духовная культура проявляется не только в фольклорном

репертуаре, но и в крестьянской архитектуре, прялочных росписях, резьбе, узорном ткачестве и пр. Крупнейший российский историк Б.А. Рыбаков увидел в форме и декоре кенозерских прялок уникальную разновидность композиций космологического типа⁷⁸. Можно предположить, что круглые розетки, обрамляющие лопасти прялок, изображают движение Солнца вокруг Земли⁷⁹. Правомерность предположения подтверждала особая насыщенность орнамента мотивами, связанными с древнейшим языческим миром. На отдельных прялках среди геометрического узорочья различимо весьма условное изображение женской фигуры, возможно, Великой Богини – покровительницы женщин, невест, женских работ, а также мотивы Древа Жизни и другие элементы древней символики.

Фольклор, традиционное прикладное искусство, характеризующее духовную культуру кенозеров, позволяет осмыслить уникальность этой территории во всей полноте ее историко-культурной значимости. Прежде единая и монолитная культура Кенозерья сегодня оказалась во многом нарушена, но ярко проявляет себя в особенностях диалекта, отчасти в поэтических и бытовых традициях, традициях хозяйственной и промысловой деятельности⁸⁰. Поэтому сохранение и восстановление духовного наследия должно принять просветительскую форму, выражающуюся в подготовке к публикации лучших памятников духовного наследия, включающего архивные и вновь собранные материалы, для того чтобы закрепить эту память, показать богатство достоверной истории творческой фантазии жителей уникального места на Русской земле.

Не только сказки...

Изучение Кенозерья – это тяжелый будничный труд многих ученых. Невозможно представить объем работы, осуществленный русской наукой в Кенозерье так задолго до создания национального парка, но – объективно – для этой цели!

Под магическое обаяние этого края попадали многие ученые, художники, исследователи, архитекторы, реставраторы и в XIX, и в XX, и в XXI вв. Территория Кенозерья настолько многопланова, что дает возможность проводить исследования в различных областях знаний. Исследования, проведенные на территории Парка, в том числе и до его организации, помогают открывать, изучать и сохранять это единое пространство природы, культуры и людей, вводить в научный оборот новые архивные и музейные материалы, результаты научных работ по различным аспектам кенозерской тематики.

Русскими и советскими учеными XIX – второй половины XX в. проделана большая работа по изучению природы, культуры и уникальных ландшафтов Кенозерья. Исследования прошедшего периода носили характер первооткрытий, позволяющих впервые дать характеристику памятников культовой и гражданской архитектуры, проследить основные этапы освоения и развития Кенозерья и Лекшмозерья, раскрыть интереснейший и удивительно глубокий мир обычаев и традиций, песен и сказок, былин и преданий, сделать первые шаги в описании естественно-географических условий территории. Значительную ценность представляют материалы Ю.С. Ушакова, А.В. Ополовникова и Г.П. Гунна, собранные в ре-

зультате экспедиций по обследованию деревень, сохранивших зданий, памятников истории и культуры. В XX в. изучение Кенозерья не было систематическим, но результаты работы необычайно значимы. К сожалению, сегодня известны далеко не все открытия того времени.

Впервые комплексный подход был применен в процессе подготовки создания национального парка и разработки необходимой для этого систематизированной документации. По заданию управления культуры Архангельского облисполкома в 1980-е гг. в государственных архивах и на территории проектируемого национального парка работали экспедиции ведущих музеев Архангельской области и Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Результат – подробный отчет в 4 томах, включающий физико-географическую (Н.И. Асоскова, Г.И. Манихин, Б.В. Ермолин, Л.Ф. Зеленова, Е.В. Зуева), социально-экономическую и демографическую характеристики (М.Н. Белогубова, Е.П. Шерстюков), этнографическую (А.Н. Давыдов), археологическую (А.Я. Мартынов), историко-культурную (Г.Н. Колпачников, В.Н. Булатов, Г.В. Тюрин, Л.В. Федорова, Л.П. Комягина, В.Я. Дерягин, З.С. Дерягина, П.Е. Овсянкин) проблематику. Вдохновителем и организатором этих работ стала Валентина Васильевна Филиппова, заместитель начальника областного управления культуры.

Последовательное изучение историко-культурного и природного наследия Кенозерья в целях его сохранения и рационального использования осуще-

3

3 Украшение жилого дома в д. Вершинино

ствляется с созданием национального парка в 1991 г. Существенно дополнены и расширены сведения о Кенозерье и Лекшмозерье в генеральной схеме развития Кенозерского национального парка (1991–1994 гг.), заказчиком разработки которой выступила дирекция созданного Парка, генеральным подрядчиком – Институт «Ленгипроводхоз» (компания ИНВЭКО, Санкт-Петербург). В структуру генеральной схемы вошли достаточно полные на той стадии изученности разделы о природе и истории, социально-экономической и демографической ситуации, сельскому хозяйству и перспективам его развития, организации и ведению лесного хозяйства на территории Кенозерского национального парка, проектные решения функционирования и деятельности Парка. Составлена карта источников и видов антропогенного воздействия и определены размеры водоохранных зон и прибрежных полос водных объектов на территории и в буферной зоне Парка.

В состав генеральной схемы вошли самостоятельные исследования «Рыбоводно-биологическое обоснование рационального использования рыбных ресурсов водоемов Кенозерского государственного национального парка» (Архангельская рыбохозяйственная лаборатория Северного научно-исследовательского института рыбного хозяйства, 1993); «Геоботаническое и флористическое обследование территории КНП в пределах Каргопольского района» (О.Н. Мироненко, Архангельский институт леса и лесохимии, 1991); предварительный список, включивший 534 вида флоры высших сосудистых растений; «Геологиче-

ское строение и полезные ископаемые Кенозерского национального парка» (ГП «Архангельскгеология», 1992); «Фауна наземных позвоночных» (Северная зональная лаборатория Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства, 1991), «Оценка водных ресурсов Кенозерского национального парка в Архангельской области» (Институт «Ленгипроводхоз», 1991) и др. Генеральная схема развития национального парка стала базой для организации его деятельности на несколько лет.

Огромную помощь в подготовке документации и ее согласовании с большим количеством различных местных, региональных и федеральных ведомств, в систематизации материалов, привлечении специалистов оказали Е.А. Бастрыкин, главный архитектор национального парка, ставший главным архитектором Архангельска, Л.Е. Востряков, в то время начальник управления культуры Архангельской области, Д.В. Трубин, начальник Архангельской лесоустраительной экспедиции, впоследствии главный лесничий области. Первое монографическое исследование о культурных, политических и социально-экономических процессах Кенозерья и Лекшмозерья принадлежит ученому-историку, краеведу, исследователю истории и культуры Русского Севера Ю.М. Критскому. Юрий Михайлович, работавший в Парке в 1994–1996 гг., практически заложил научную базу будущих экспозиций, научной концепции, поднял огромный историко-архивный материал по различным аспектам кенозерской проблематики. Вопросам изучения росписей деревянных потолочных перекрытий

памятников деревянного зодчества Русского Севера, «небес», посвящена книга Т.М. Кольцовой «Росписи “неба” в деревянных храмах Русского Севера» (1993). Эта работа содержит обширный материал по «небесам» Кенозерья, который существенно дополнен в настоящем издании новыми сведениями о «небесах» и иконописцах. Комплексный этнографический материал представлен в работе А.Н. Давыдова «Этнография Кенозерья» (1997).

На территории Кенозерья совместно с научными сотрудниками Парка работают ученые из ведущих вузов, научных центров и научно-исследовательских институтов России из Архангельска, Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Мурманска, а также исследователи научных центров Норвегии.

Современные экспедиции получают сведения, позволяющие судить о развитии локальных традиций, находить им практическое применение в многогранной деятельности Парка. Изучение архивных материалов значительно расширяет знания по истории края. В научных отчетах и публикациях историков, этнографов, филологов, архитекторов, искусствоведов раскрывается широкий междисциплинарный спектр исследований.

Богатейший традиционный и современный фольклор Кенозерья изучен в работах Ю.И. Смирнова (Институт мировой литературы РАН, Москва), Н.М. Ведерниковой (РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Москва), А.Б. Мороза (Российский государственный гуманитарный университет, Москва), Н.В. Дранниковой (Поморский государственный университет им. М.В. Ло-

моносова, Архангельск), А.В. Ивановой (Кенозерский национальный парк). Выявлены редкие тексты былин, сказок и произведений мифологической прозы (устных рассказов, преданий, легенд, быличек). Энциклопедией крестьянской жизни Лекшмозерья и Кенозерья стали работы Г.Н. Мелеховой (Московский государственный институт радиотехники, электроники и автоматики, Москва) и В.Н. Матонина (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск). Традиционная народная культура, включающая крестьянские промыслы и ремесла, национальную кухню Кенозерья, уникальные обрядовые практики с устойчивым бытованием в христианской среде языческих компонентов, представлена в публикациях и научных отчетах С.А. Сияговского, Т.А. Сияговской, В.Д. Шевелева, М.Л. Мироненко (Кенозерский национальный парк). Впервые в научный оборот введены редкие документы монастырской культуры Кенозерья (Ю.М. Критский, С.А. Сияговский, М.Н. Мелютина, Кенозерский национальный парк). Исследования А.В. Пигина (Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск), посвященные открытию письменных источников, связанных с северными подвижниками благочестия, свидетельствуют о высоком уровне книжной культуры монастырей Кенозерья. Уникальные памятники традиционной культуры Кенозерья XVII–XIX вв., хранящиеся в собраниях ведущих российских музеев, впервые опубликованы И.И. Шангиной (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург), Н.В. Мальцевым, И.Д. Соловьевой, О.В. Клюкановой

(Государственный Русский музей, Санкт-Петербург), Т.А. Дудиной (Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева, Москва), Т.Н. Нечаевой, Л.М. Евсеевой (Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, Москва), С.А. Согриной (Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Архангельская область), Е.П. Бронниковой (Архангельский областной краеведческий музей, Архангельск).

Сотрудники Научно-исследовательского института историко-теоретических проблем народного зодчества Петрозаводского государственного университета под руководством В.П. Орфинского продолжают изучать этноархитектурные характеристики Кенозерья и их соотношение с такими историко-культурными зонами, как Поонежье и Обонежье.

Слабо изученными остаются годы коллективизации, Великой Отечественной войны, послевоенного строительства.

Научно-исследовательская деятельность в области изучения и охраны природного наследия Кенозерского национального парка направлена на инвентаризацию биологического разнообразия территории на видовом и экосистемном уровнях с целью оптимизации использования природных ресурсов, а также на выработку научных основ охраны флоры и фауны. Проведена инвентаризация лесов Кенозерского национального парка, дан анализ их генезиса и развития. Выявлены высокопродуктивные участки лесов, имеющих большое значение для области как элитные лесосеменные. Разра-

ботан режим использования и охраны лесных ресурсов Парка на период, значительно превышающий ревизионный (С.В. Торхов, В.П. Косарев и др., Архангельская лесостроительная экспедиция). В результате обширных систематических исследований орнитофауны Парка впервые составлен аннотированный список, включивший 263 вида птиц (Т.Ю. Хохлова, А.В. Артемьев, М.В. Яковлева, Институт биологии Карельского научного центра РАН, Петрозаводск). На протяжении ряда лет изучаются водоемы Парка, их гидрологические, гидрохимические характеристики, состояние планктона, зообентоса. Наибольший научный интерес представляют озера, расположенные на водоразделе Ледовитого и Атлантического океанов (Т.С. Воробьева и др., Институт экологических проблем Севера Уральского отделения РАН, Архангельск). Дана оценка современного состояния рыбного сообщества озера Кенозеро (А.А. Лукин, Н.М. Калинкина и др., Институт водных проблем Севера Карельского научного центра РАН, Петрозаводск). Ежегодный мониторинг ихтиофауны водоемов Парка позволяет прогнозировать наиболее рациональное рыболовство. Результатом этих исследований стала разработка научно обоснованных квот на лов рыбы с учетом биологических характеристик рыбных сообществ (А.К. Козьмин, В.В. Шатова, Г.А. Дворянкин, С.В. Кулида, И.И. Студенов, Северный филиал Полярного научно-исследовательского института, Архангельск).

Первые систематические исследования болотных экосистем Парка определили наличие на территории практически всех типов болот, свойственных

региону. Особый интерес представляет обнаружение «ключевых», или «склоновых», болот, практически не встречающихся в Архангельской области. Составлен первый список видов болотных растений Парка (В.К. Антипин, Институт биологии Карельского научного центра РАН, Петрозаводск). Аапа-болота онежско-печерского типа, находящиеся на юго-западной границе своего ареала и в силу этого имеющие ряд специфических региональных черт, заслуживают охранного статуса как эталон аапа-болот юга Архангельской области (В.А. Смагин, Ботанический институт РАН им. В.Л. Комарова, Санкт-Петербург).

Проведено первое систематическое изучение флоры высших сосудистых растений водоемов Парка (Н.В. Вехов, РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Москва). Активно ведутся работы по инвентаризации флоры высших сосудистых растений, мхов и лишайников с составлением аннотированных списков и формированием научного гербария Парка. Общее количество видов высших сосудистых растений составляет 715, мхов – 119, лишайников – 72. Научный гербарий Парка насчитывает более 1,5 тысячи листов. Обнаружены виды, ранее не отмеченные на территории Архангельской области, либо зафиксированные единичными находками – 14. Результаты этих и более ранних исследований легли в основу предложений для новой редакции Красной книги Архангельской области (А.В. Разумовская, И.Б. Кучеров, Ботанический институт РАН, Санкт-Петербург; Л.В. Пучнина, Пинежский государственный заповедник, Архангельская область; О.И. Петрова, Полярно-альпийский ботанический сад

Кольского научного центра РАН, Кировск; Е.В. Чуракова, Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск). Впервые на территории Парка проведены работы по изучению структурно-динамического состояния коренных ельников, практически утраченных в районе расположения Парка. Выявлены участки, не затронутые хозяйственной деятельностью, с присутствием деревьев возрастом до 450 лет (Е.В. Шорохова, Санкт-Петербургская лесотехническая академия). На отдельных участках выполнены работы по изучению разнообразия почв (Г.С. Куст и др., Институт почвоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, РАН, Москва), энтомофауны (И.Н. Болотов, Институт экологических проблем Севера Уральского отделения РАН, Архангельск).

Впервые проведена бонитировка охотничьих угодий Парка (В.И. Корепанов, Северный филиал Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства, Архангельск). В рамках разработки программы комплексного экологического мониторинга Архангельской области сотрудниками Архангельского научно-учебного центра «Природные ресурсы Севера» (Ю.Г. Шварцман и др., Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт экологических проблем Севера Уральского отделения РАН, Архангельск) заложены полигоны наблюдений по меридиональному принципу (Соловецкий архипелаг – Кенозерский национальный парк).

Разумеется, здесь представлены далеко не все темы исследований.

Исследования биоразнообразия прилегающих к границам Кенозерского национального парка лесоболотных комплексов легли в основу предложений по организации ландшафтных заказников регионального значения и охранной зоны Парка (С.В. Торхов, В.П. Косарев и др., Архангельская лесоустроительная экспедиция; В.К. Антипин, Институт биологии Карельского научного центра РАН; В.А. Смагин, Ботанический институт РАН). Учреждение региональных особо охраняемых природных территорий по границам Кенозерского национального парка позволит в будущем обеспечить более высокий уровень его охраны.

Больше 10 лет Кенозерский национальный парк проводит работы по мониторингу и учету природных комплексов и объектов. В основу положена базовая программа наблюдений «Летопись природы», адаптированная для национального парка. В порядке «Летописи» ведутся фенологические наблюдения, учеты зверей и птиц, урожайности грибов, ягод, древесных растений, рыбопродуктивности водоемов на основе данных по лову рыбы. В исследованиях природных комплексов Парка применяется мощный аналитический инструмент – геоинформационная система, с 1997 г. в формате GeoGraph 1.5, а с 2004 г. – в формате Arc View 3.3. В процессе работы сотрудниками Парка создаются слои с атрибутивной информацией по разным направлениям деятельности, в том числе и по инвентаризации природных комплексов. Геоинформационная система позволяет не только накапливать знания о природных ресурсах Парка, но также использовать

их, например, в целях оптимизации управления природными ресурсами и экологического просвещения.

Инвентаризационные работы позволяют более объективно проектировать эколого-просветительские тропы и туристические маршруты, планировать хозяйственную и охранную деятельность.

Большинство памятников культуры находится в сельских поселениях, неразрывно связано со своим историческим окружением и составляет с ним единый комплекс. Традиционная планировка и застройка, культурный ландшафт деревень содержат огромную информацию о культуре Кенозерья и представляют значительную ценность, поэтому сохранение целостности историко-культурной среды является важной задачей для обеспечения дальнейшего преемственного развития. Даже в наши дни нежилые или исчезнувшие деревни обозначены сакральными элементами (преимущественно «святыми» рощами), часовнями, поклонными крестами, старыми кладбищами и посещаются местными жителями и посетителями Парка. Необходимо также зафиксировать факты как социально-исторического характера (название, количество дворов, динамика населения), так и этнографические, культурологические, архитектурные особенности того или иного населенного пункта.

С целью сохранения историко-культурной среды и ландшафта, обеспечения развития поселений и регулирования застройки, начиная с 2001 г., в Парке реализуется долгосрочная программа «Паспортизация деревень». В рамках программы обеспечивается комплексный сбор

информации по разделам: планировка поселений, архитектура, этнография, топонимика. Составлен каталог домов второй половины XIX – начала XX в. с росписями как редкого исчезающего типа памятников народной культуры (М.И. Мильчик, Е.В. Шевелева, Научно-исследовательский институт «Спецпроектреставрация», Санкт-Петербург). На основе натуральных, архивных, библиографических и этнографических материалов разрабатываются историко-архитектурные опорные планы деревень с фиксацией сохранившихся усадеб, домов, надворных построек, культовых памятников, исторических ландшафтов (И.Г. Семенова, В.Б. Бутурлинцев, Мастерская архитектора-реставратора высшей категории И.Г. Семеновой, Москва; О.Г. Севан и др., Российский институт культурологии, Москва). Комплексное обследование дает возможность выделить наиболее значимые для сохранения и развития поселения или участки старых планировок и ценной застройки. В течение многих лет проводятся исследования исторически сложившегося культурного ландшафта как объекта наследия (А.В. Козыкин, Д.В. Тормосов, Кенозерский национальный парк; РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева). Впервые выполнено геоботаническое и лесоводственно-населенное описание растительности и почвенных условий в местах произрастания «святых» рощ, которые можно рассматривать, помимо культурной составляющей, генетическими резерватами (Архангельский государственный технический университет, Архангельская лесоустроительная экспедиция). Материалы по исследованиям культур-

но-ландшафтных комплексов вошли в менеджмент-план Кенозерского национального парка и в различные проекты по сохранению и восстановлению культурных ландшафтов. Появление программы связано также с осознанием необходимости сохранить не только памятники материальной и духовной культуры, но и историческую память местного населения. В ее рамках осуществляется сбор и систематизация всех имеющихся сведений о деревнях, их облике, односельчанах, истории семей, знаковых местах, событиях, престольных праздниках, обрядах, традиционных ремеслах и промыслах, географии их распространения, мастерах и особенностях хозяйственного и культурного уклада. Работа по программе предполагает не только фиксацию устных свидетельств, но и привлечение документальных источников (ревизские сказки, церковные ведомости, акты, памятные книжки и т. д.). Паспортизация деревень включает и продолжение работ по изучению эпических традиций Кенозерья, проведение фольклорно-этнографических экспедиций и исследований сакральной географии Кенозерья.

Заметным явлением в жизни российской науки стала Всероссийская научно-практическая конференция «Кенозерские чтения», которая проводится на территории национального парка с 2003 г. с целью выявления, систематизации и введения в научный оборот результатов исследований в области истории, этнографии, народного искусства, фольклора, архитектуры, ландшафтоведения. Она позволяет продолжить работу по объединению специалистов различных областей

1 Кандидат философских наук Т.М. Гудима (МК РФ)
2 Кандидат биологических наук В.А. Смагин (Ботанический институт РАН им. В.Л. Комарова)

3 Кандидат искусствоведения Л.М. Евсеева (ЦМиАР)
4 Кандидат исторических наук Ю.М. Критский
5 Заместитель директора КНП

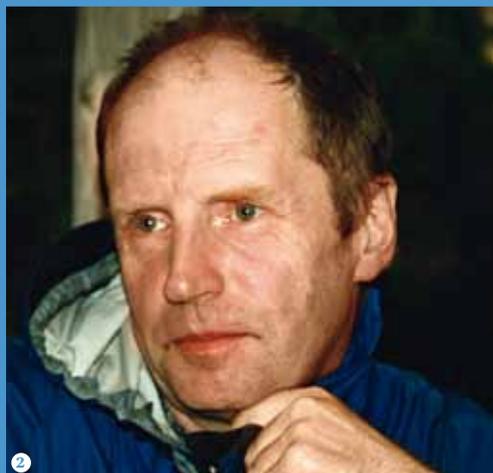
по научной работе М.Н. Мелютина
6 Доктор филологических наук Ю.В. Линник (ФГУ «НП «Водлозерский»»)

7 Всероссийская научно-практическая конференция «Кенозерские чтения-2009». На переднем плане академик РААСН, доктор архитектуры

В.П. Орфинский (ПетрГУ)
8 Кандидат филологических наук Ю.И. Смирнов (ИМЛ РАН), доктор искусствоведения М.В. Нащокина

(НИИТИАГ РААСН), и директор КНП Е.Ф. Шатковская
9 Член-корреспондент РАХ А.М. Лидов и кандидат искусствоведения М.И. Мильчик

(«Спецпроектреставрация») в экспозиции «Мастерская изографа»

знаний в деле сохранения наследия Русского Севера. По итогам конференций издаются сборники научных трудов «Кенозерские чтения».

Наследие Кенозерья – это активный творческий феномен, обладающий богатейшим научным потенциалом. Уникальность его в том, что в процессе актуализации и интерпретации, обретающая новыми смыслами, оно всегда будет значимо для научного сообщества.

Истинная, пропитанная глубокой мудростью древнего творения природно-историческая среда Кенозерья создает для человека неповторимую возможность остановиться, оглядеться, понять свое место в этом мире и познавать...

Музейный фонд

Кенозерский национальный парк – единственный среди национальных парков России, имеющий в своем оперативном управлении значительное количество движимых памятников истории и культуры, около 7 тысяч из которых составляют музейный фонд и представляют собой великолепные образцы материальной и духовной культуры коренного населения. Это позволяет создать базу источников для изучения истории, архитектуры и природы Кенозерья.

Формирование музейного фонда целенаправленно велось только на территории Кенозерского национального парка. Основными путями пополнения музейного фонда стали полевые исследования (историко-краеведческие, этнографические, фольклористические и археологические экспедиции во все районы Кенозерья, репортажный сбор)

и текущее комплектование (закупка, дарение и др.). Значительная доля поступлений производится за счет активных контактов работников Парка с населением. Также с целью пополнения фондов поддерживается связь с архивами, музеями, коллекционерами, мастерами народных промыслов и ремесел.

Ежегодно в основной фонд музейного собрания Парка поступает около 200 предметов. Большинство из них датируются XIX – началом XX в. Основа музейного собрания – предметы этнографии. В составе этнографических коллекций – бытовая и хозяйственная утварь, одежда, орудия ремесел и промыслов, элементы интерьера жилища и других построек, атрибуты обрядов и верований. В совокупности они отражают своеобразие традиционной культуры коренного населения, проживающего на территории Кенозерского национального парка.

Коллекция живописи XVII–XIX вв. хранит своеобразие «северных писем». Особое место в собрании занимают знаменитые кенозерские «небеса» (потолочные перекрытия молельных залов часовен и церквей, расписанные на библейские сюжеты). Эти уникальные образцы монументальной живописи в деревянных храмах, аналогов которым нет в мире, сохранились на Кенозерье в значительном количестве – 15 «небес».

Многие предметы, хранящиеся в музейном фонде Парка, требуют постоянных реставрационных и профилактических работ.

В начальный период деятельности Парка учащиеся Санкт-Петербургского художественного училища им. Н.К. Рериха под руководством художника-ре-

ставратора высшей квалификационной категории Ирмы Васильевны Ярыгиной выполнили консервационно-реставрационные работы с целью сохранения икон и «небес» Георгиевской часовни XIX в. в д. Минино, часовни Иоанна Богослова XVIII в. в д. Зехново, часовни Флора и Лавра XIX в. в д. Семеновская, часовни Трех святителей XIX в. в д. Немята.

В настоящее время реставрация предметов осуществляется в рамках федеральной и областной целевых программ «Культура России» и «Культура Русского Севера». Парк установил тесное сотрудничество с ФГУК «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря» (директор Алексей Петрович Владимиров) и его Архангельским филиалом (заведующая Антонина Николаевна Селезнева). На территории Парка и в реставрационных мастерских Москвы и Архангельска художники-реставраторы проводят профилактические, противоаварийные и реставрационные работы предметов из коллекций фонда (произведения древнерусской живописи, текстиль, дерево, металл). За счет привлеченных и собственных средств Парка отреставрировано более 300 предметов (в их числе «небеса» из трех часовен).

Деятельность подразделения музейного фонда Парка ориентирована прежде всего на сохранение и реконструкцию историко-культурной среды Кенозерья, возрождение народных промыслов и ремесел. Фондовые коллекции являются объектом научного исследования, цель которого – извлечение и освоение исторической информации, заложенной в музейном предмете. В настоящее вре-

мя музейное собрание проходит первую стадию изучения – научное описание. Осуществляется последовательный обзор коллекций.

Музейный фонд активно используется в экспозиционно-выставочной, научно-методической и эколого-образовательной деятельности Парка. На основе коллекций подготовлен ряд музейных экспозиций: «Рухлядный амбар. Открытый показ фондов», «Мастерская древодела», «Горница», «Веселый стук ее колес...», «Мастерская изографа», «Гефестово подворье», «Экомузей Кенозерского национального парка». Происходит увеличение экспонируемой части фонда, рождаются новые экспозиционные приемы. Интенсивная выставочная деятельность поддерживает постоянный интерес к Парку не только туристов, но и местных жителей.

Тем, кто часовен не сберег, не будет в будущем соборов

Становление Кенозерского национального парка по времени совпало с распадом СССР и фундаментальным переходом к рыночной экономике, повсеместно сопровождающимся социально-экономическим кризисом в традиционных в советское время для местного населения отраслях – сельском и лесном хозяйствах. В результате сокращения объемов лесопромышленного и сельскохозяйственного производства на территории возникла огромная проблема занятости населения. Во всех отношениях ухудшилась жизненная ситуация, появилось ощущение безнадежности по отношению к планам на будущее, большинство местных

1

1 Предметы из музейных фондов КНП

2 И.В. Ярыгина (СПХУ им. Н.К. Рериха) реставрирует грани «неба» из часовни Трех святителей. Архив КНП

3 Грани «неба» конца XVIII в. Георгиевской церкви в д. Порженское

2

До реставрации

После реставрации

3

1

жителей испытывало потерю ценностных ориентиров. Необходимо было определить место коренного населения в сложном процессе существования и взаимодействия всех структур, входящих в национальный парк. При этом учитывалось, что внедрение в жизнь, которая мало менялась в предшествующие столетия, должно быть очень деликатным, способным помочь людям осознать себя и понять, что они не только не пострадают в результате создания Парка, но получают пользу от укрепления экономики и расширения возможностей для труда. Безусловно, этот путь поставил множество проблем, которые требовали комплексного подхода. Поэтому, наряду с выполнением основных задач по сохранению природного и культурного наследия, потребовалось решение социально-экономических задач.

Постепенно приобретался опыт работы по возрождению деревень и преодолению бедности в сельской глубинке через развитие маломасштабной экономики и общественного самоуправления, но допускались и ошибки. Наивно полагая, что решить все проблемы можно только, включив все производство в структуру Парка, а трудоспособную часть населения – в штаты, мы именно так и пытались это делать практически без всякой поддержки со стороны государства. Значительная часть трудоспособного населения была занята в сельском хозяйстве, и в 1993 г. по просьбе местных жителей в структуре национального парка создали сельскохозяйственное предприятие «Лекшмозеро» (бывшее отделение совхоза «Печниковский») с 570 головами крупного рогатого скота. Необходимость такого решения была продиктована отсутстви-

ем других работодателей на территории Каргопольского сектора Парка, а ликвидация хозяйства в то время привела бы к острому социальному кризису. Отметим положительные моменты. Работники передали в собственность государства свои земельные паи, что позволило в дальнейшем не допустить приватизации сельскохозяйственных угодий в Каргопольском секторе Парка. Сельскохозяйственная деятельность способствовала сохранению в большей степени культурных ландшафтов и главного их компонента – открытых пространств. Однако сельское хозяйство в условиях Крайнего Севера – отрасль убыточная и очень проблемная.

В структуре Парка были созданы и другие производственные подразделения. Однако многообразная деятельность, жуткая нехватка финансовых средств со всей очевидностью доказали, что это тупиковый путь: коммунизм на отдельно взятой территории не построить.

И тем не менее национальные парки не могут быть богатыми, эффективными, успешными, если живущие на их территориях люди находятся в бедственном положении. Мировой опыт показывает, что планирование и деятельность, поощряющая участие всех слоев населения, оказывается в конечном итоге наиболее успешной, несмотря на ее порой большую первоначальную стоимость и сложность. Очень важно вернуть местному сообществу чувство хозяина, а значит, и ответственности за свою землю и свою судьбу, привлечь к решению местных проблем, преодолеть пассивность, бесконечное ожидание помощи «сверху». Это можно сделать через вовлечение

населения в управление территорией, в деятельность Парка. Люди будут участвовать в общественном управлении территорией, если они поймут выгоду от сохранения окружающей среды и наследия. Это может быть не обязательно только экономическая выгода, но также и нравственная. Поэтому дальнейшая стратегия Парка была направлена на формирование эколого-экономического мышления местного населения, развитие и поддержку малого экологически ориентированного бизнеса (естественно, с учетом общей стратегии Парка) как условия устойчивого развития территории и практического привлечения местного сообщества к проблемам сохранения природного и культурного наследия.

Сегодня у Парка есть примеры решения социально-экономических проблем с опорой на имеющиеся ресурсы. Но они могли бы быть более впечатляющими, если бы государство, органы власти всех уровней понимали собственную выгоду от деятельности в российской глубинке национальных парков, которые являются важнейшим фактором социокультурного и экономического развития территории, способствуя комплексному решению экологических, социальных и экономических проблем одновременно.

В основу деятельности Парка положен принцип комплексного, сбалансированного развития территории, основанного на принципах устойчивого развития и ориентированного на сохранение и использование его культурного и природного потенциалов. Успешно реализуемые программы и проекты, в том числе международные, включают важнейший компо-

нент – активное участие местного населения, решают задачи сохранения наследия, создания благоприятных условий для роста доходов и занятости местного населения, развития устойчивого туризма, экологического образования подрастающего поколения. Парк первым в России пошел по пути реализации идеи устойчивого жизнеобеспечения местного населения. Экономическое оздоровление края люди связывают с функционированием Кенозерского национального парка.

В новой политической и экономической ситуации в стране сфера культуры является важнейшим социальным фактором, а для Русского Севера – стратегическим ресурсом развития. Поэтому огромное внимание Парк уделяет сохранению культурного наследия как основы возрождения традиционной среды обитания и повышения рекреационной ценности территории в целях развития туризма и отдыха, создания новых экономических условий хозяйствования, трудоустройства населения. В сознании русского человека природа неотделима от культуры, и, как правило, именно культурные проекты, опирающиеся на традиции, являются средством преодоления кризиса. Необходимо оценить значимость культуры и как фактора, способствующего выбору решения молодежи об отъезде из села, поскольку без развития культуры как ресурса ее невозможно удержать в провинции.

Безусловно, культурное наследие Кенозерья претерпело за свою историю значительные изменения, как вследствие естественных временных причин, так и в результате известных политических, социально-экономических событий, коснувшихся всей страны.

2

3

1 Будет чем кормить скотинку

2 Руководитель фольклорного коллектива «Кенозерочка» (пос. Усть-Поча) Нина Федоровна Пиялкина

3 Гармонист Владимир Васильевич Нечаев из фольклорного коллектива «Кенозерочка»

Значительное сокращение населения и поселений в сельской местности, закрепившаяся подчиненность села городу, разрушение традиций общинного образа жизни и коллективного самоуправления местного населения и прочие стрессовые явления, включая утрату культурного наследия, произошли повсеместно, поэтому оценка состояния культурного наследия Кенозерья должна быть прагматичной и соотносимой с общим фоном изменений.

Инерция разрушений еще не остановлена, но Кенозерье сохранило главное свое качество – духовность края. Ощущение большого сакрального места присутствует повсеместно, даже там, где, казалось бы, нет материальных проявлений культурного наследия.

Еще в процессе подготовки создания национального парка в 1980-е гг. предпринимались первые попытки консервации и реставрации часовен. Студенческими отрядами Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова под руководством проректора по научной работе Г.Н. Колпачникова, главного архитектора и инженера Архангельской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской В.М. Лопатько и Н.Н. Уткина проведен ремонт 16 памятников архитектуры. На долгие годы был приостановлен процесс их разрушения и сделан шаг в сторону сохранения культурного наследия. Большая заслуга в этом принадлежит М.И. Меньшиковой, на протяжении многих лет бессменному руководителю Архангельского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, осуществившего финансирование ремонтно-консерваци-

онных работ. Специалистами Научно-исследовательского института «Спецпроектреставрация» и Архангельской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской в разные годы выполнен основной объем работ по подготовке научно-проектной документации на реставрацию памятников истории и культуры Кенозерья.

Последовательное изучение и сохранение историко-культурного наследия Кенозерья планомерно стало осуществляться с созданием национального парка в 1991 г. Кенозерский национальный парк – единственный среди национальных парков России, взявший при организации на свой баланс почти 100 памятников архитектуры, среди которых – шедевры русского деревянного зодчества XVIII в. В трудные 1990-е гг. финансирование реставрационных работ за счет бюджетных средств практически отсутствовало. Техническое состояние многих памятников вызывало сильное беспокойство за их судьбу. В сложившейся ситуации Парк мог оказаться в положении статиста, наблюдающего разрушение ансамблей. Тем не менее благодаря энтузиазму сотрудников Парка, реставраторов, волонтеров, понимающих ценность и значимость памятников Кенозерья, работы не прекращались ни на один год. Потребовались огромные усилия, чтобы привлечь внимание к проблеме сохранения культурного наследия Кенозерья.

Неоценимую помощь в эти кризисные годы оказало Правительство Норвегии. В 1996 г. Кенозерский национальный парк стал участником российско-норвежской программы по сохранению культурного наследия. Благодаря

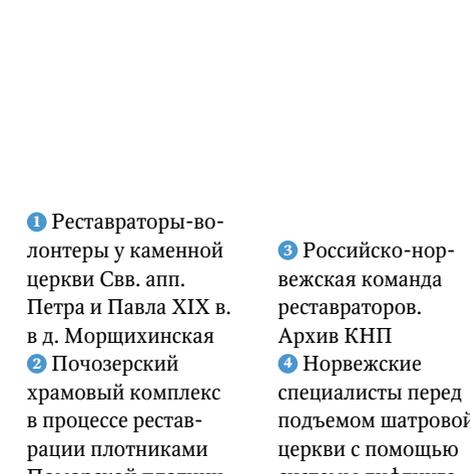
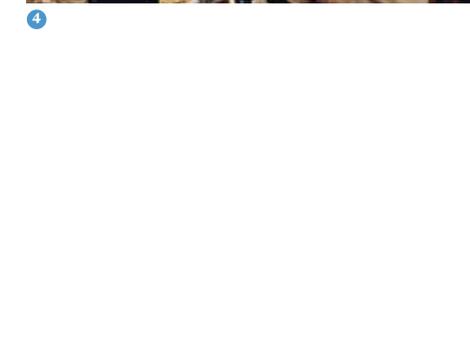
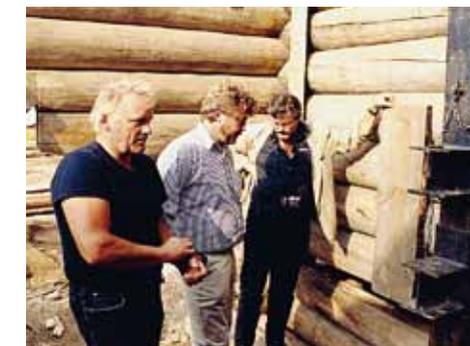
сотрудничеству удалось сохранить объемы работ по реставрации памятников, подключить местное население к охране наследия, внедрить новые принципы и подходы к его охране и реставрации, основанные на совмещении традиционного плотницкого ремесла и современных методов реставрации. При реставрации освоена и успешно применяется технология лифтинга деревянных рубленых конструкций. Это оборудование, изготовленное норвежскими специалистами, позволяет обеспечить максимальную сохранность подлинного материала памятника и произвести замену различных мест сруба при его минимальной переборке. Совместное участие в проекте норвежских и российских плотников-реставраторов и экспертов, взаимный обмен практическим опытом внесли в производственный процесс элемент творческого поиска. Впервые появилась возможность наглядного сравнения русского традиционного плотницкого ремесла и современных методов реставрации. Норвежцы постигли секреты северорусского мастерства, а русские плотники имели возможность познакомиться с новейшими норвежскими реставрационными технологиями. Мы высоко ценим профессионализм, искренний интерес, личный вклад в возрождение кенозерских святынь заместителя генерального директора Директората по культурному наследию Норвегии Дага Мюклебюста, советника Директората Йитки Ленды, Бьярне Лофтхуса (автора технологии лифтинга), Ханса Сундсвалена, Тура Хагена, Ханса Марумсруда, Шура Мелумма, Эдварда Ундалла, архитектора Андеша Хаслестада и многих других наших норвежских партнеров и друзей.

Сотрудничество с Директоратом по культурному наследию Норвегии базировалось на следующих принципах:

- взаимосвязь и единство культурного наследия с окружающей природной средой;
- рассматривание и оценивание культурного наследия в широком понимании пользы для общества в целом;
- доступность наследия для общества.

А практический результат – восстановленные памятники архитектуры XVIII в.: часовни Св. Николая (д. Вершинино), Иоанна Богослова (д. Зехново), Сошествия Святого Духа (д. Глазово), Св. Власия на острове Медвежий, Иоанна Крестителя (д. Горбачиха).

20 августа 1998 г. состоялось знаменательное событие – освящение епископом Архангельским и Холмогорским Тихоном отреставрированной Никольской часовни XVIII в. – символа Кенозерского национального парка. На это торжество собралось огромное количество людей из всех деревень Парка, приехали гости из Норвегии, Архангельска, Северодвинска. Епископ Архангельский и Холмогорский Тихон отметил: *«Я был поражен, сколько пришло людей. Это была моя первая поездка в Кенозерье, которая меня очень впечатлила. В акте освящения часовни в д. Вершинино я усматриваю прежде всего духовную сторону. Для меня значимым было то, что мы возвращаемся к своим традициям, к своим историческим корням. В духовном плане важно, что округа приобрела своего небесного покровителя – Святителя Николая».* Заместитель руководителя Директората по культурному наследию Норвегии Даг Мюклебюст поделился своими впечатлениями и планами:

1 Реставраторы-волонтеры у каменной церкви Свв. апп. Петра и Павла XIX в. в д. Морщихинская
2 Почозерский храмовый комплекс в процессе реставрации плотниками Поморской плотницкой школы. 2008

3 Российско-норвежская команда реставраторов. Архив КНП
4 Норвежские специалисты перед подъемом шатровой церкви с помощью системы лифтинга. 2002. Архив КНП

- 1 Никольская часовня. 1980-е
- 2 Реставратор Никольской часовни А.В. Антонов
- 3 Директор Поморской плотницкой школы

Г.В. Петряшов на реставрации Никольской часовни

- 4 Российские и норвежские плотники-реставраторы

у Никольской часовни. Слева норвежский архитектор Андеш Хаслестад

- 5 Никольская часовня. После реставрации

- 6 Почозерский храмовый комплекс. До реставрации. Середина 1990-х.
- 7 Почозерский храмовый комплекс

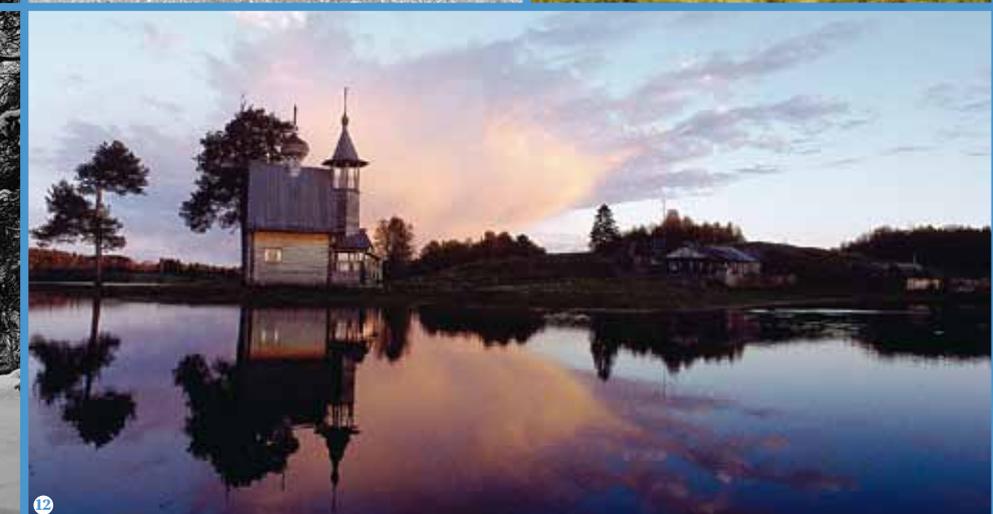
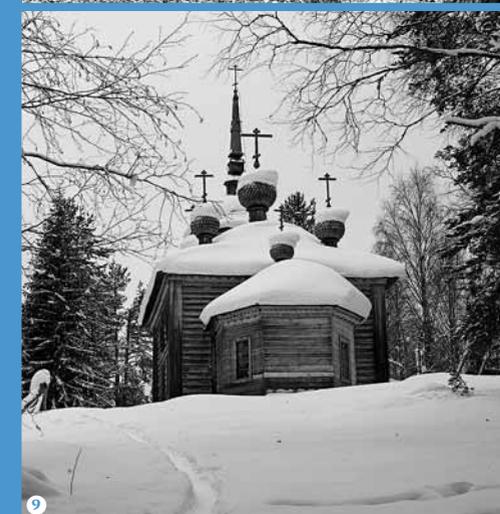
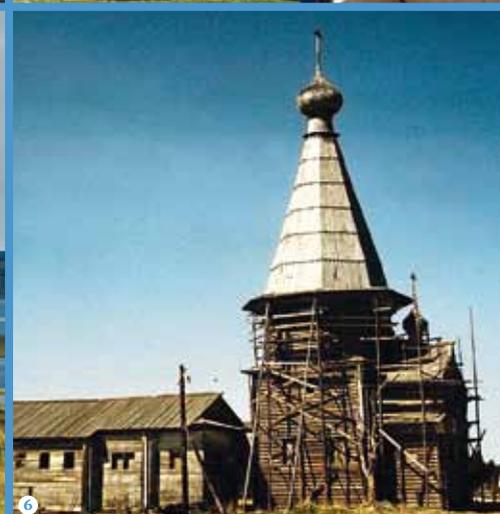
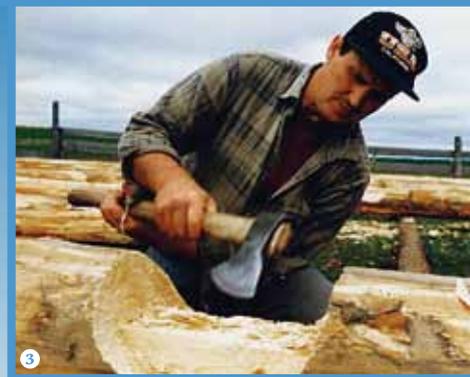
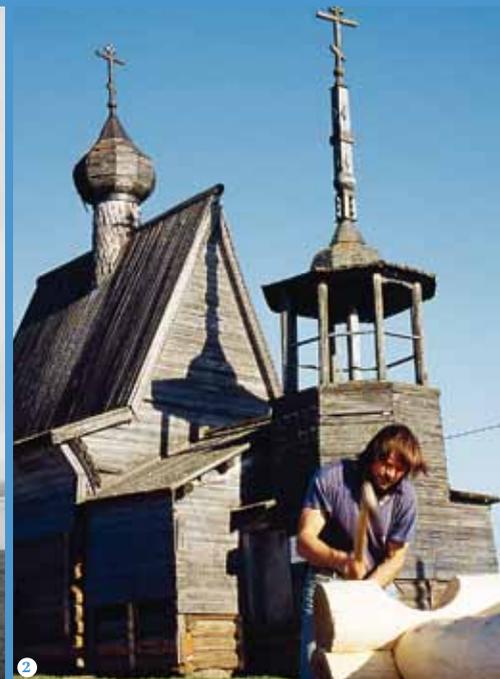
- 8 Церковь Преп. Александра Свирского XIX в. на Хижгоре. 1984
- 9 Церковь Преп. Александра Свирского. 2008. Фото предоставлено

фотобанком GeoPhoto

- 10 Часовня Сошествия Святого Духа XVIII в. в д. Глазово
- 11 Реставрация часовни Сошествия

Святого Духа российскими и норвежскими плотниками. Архив КНП

- 12 Часовня Сошествия Святого Духа. После реставрации

1

2

1 Освящение Никольской часовни епископом Архангельским и Холмогорским Тихоном 20 августа 1998 г. Архив КНП

2 Глава администрации Архангельской области (1996–2004) А.А. Ефремов вручает почетную грамоту Нильсу Марстейну, генеральному директору Директората

по культурному наследию Норвегии. Архив КНП

3 Гужовская мельница на Левусозере. До реставрации: такой ее взял КНП в 1992 на свой баланс. 2002

4 Ступы в Гужовской мельнице. Архив КНП

5 Гужовская мельница. После реставрации. Архив КНП

«Открытие и освящение Никольской часовни в д. Вершинино – одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Как представителю Правительства Норвегии мне приходится видеть, какая большая разница порой пролегает между решениями, которые принимаются, и их выполнением. Посмотрев на участие местных жителей деревни в празднестве освящения и прочитав на их лицах, сколь много для них это значит, я почувствовал важность того, что сделано. Ведь не часто случается так, что работа, которую ты делаешь, действительно важна для огромного количества людей и что все твои усилия не напрасны. Международное сотрудничество Директората по культурному наследию и Кенозерского национального парка проходит успешно. Коллектив Парка стал для нас партнером, которому можно доверять, что делает нашу совместную работу эффективной и позволяет максимально и наилучшим образом использовать все доступные нам средства. Для международного сотрудничества самыми важными моментами являются способность и возможность партнера принимать быстрые решения, его ответственность. С ним должно быть приятно работать. Все эти качества имеются у сотрудников Парка. Мы намерены продолжать наше сотрудничество при поддержке Норвежского Правительства и Парламента и планируем организовать работу над новыми проектами».

В 1999 г. итоги сотрудничества были рассмотрены и оценены российско-норвежской комиссией с участием ответственных представителей Министерства культуры РФ. Положительная оценка способствовала возобновлению с 2001 г.

финансирования реставрации памятников Кенозерья из федерального бюджета, а с 2006 г. в соответствии с областной социально-экономической программой «Культура Русского Севера» началось финансирование работ по изучению, сохранению и реставрации памятников истории и культуры регионального значения из областного бюджета.

Возвращаются к жизни уникальные сооружения. За эти годы полностью отреставрированы 15 часовен XVIII–XIX вв., восстанавливаются деревянные и каменные церкви, старинные крестьянские дома – памятники гражданской архитектуры, водяные мельницы – памятники гидротехники.

В 2001 г. началась реставрация ансамбля-«тройки» Почозерского храмового комплекса XVIII в. в д. Филиповская. В 2002 г. впервые в России российские и норвежские плотники-реставраторы осуществили уникальную операцию по подъему двухсоттонной летней шатровой церкви 1700 г. ансамбля с помощью технологии лифтинга и замену венцов в теле памятника, не прибегая к его раскатке.

22 августа 2006 г. в Кенозерском национальном парке введен в строй уникальный памятник гидротехники – водяная мельница на Левусозере. Реставрация этого сложного комплекса гидротехнических сооружений осуществлялась с 2003 г. на средства Правительства Норвегии. Впервые на Северо-Западе России был не просто восстановлен комплекс гидротехнических сооружений, состоящий из плотины, водопроводящего тракта, здания водяной мельницы с мельничным механизмом, жилого дома мельника, – впервые появилась действующая водяная

мельница образца XIX в. Уникальным явлением в отечественной реставрационной практике было воссоздание мельничного механизма: водяного колеса, пестов, жерновов по проекту, разработанному архитектором-реставратором В.А. Титовым.

Посмотреть и поучиться восставлению подобных сооружений было негде – на Северо-Западе не сохранились действующие мельницы. Но в Кенозерье сохраняется людская память – бесценный дар для историков, реставраторов и фольклористов: о мельничном механизме поведали жители с. Орлово. Очень многие рабочие моменты пришлось решать самостоятельно, реставраторы не только копировали работу древних мастеров, но и зачастую творили сами. Вот, например, одна из проблем, для решения которой требовались и мастерство, и смекалка. Каменная ступа, в которой пестами дробят зерно на крупу, от времени развернулась и ушла в землю. Вытащить валун не представлялось возможным, и тогда столяр-плотник Василий Васильевич Харланов предложил развернуть ось с пестами. Именно благодаря ему завертелись жернова левусозерской мельницы.

От момента разработки проекта реставрации гидротехнического комплекса специалистами Института «Ленгипроводхоз» до открытия его в 2006 г. прошло более десяти лет. Как и в старину, на праздник съехались не только местные жители, но и гости. Как и в старину, открывали мельницу, соблюдая обычаи. Сегодня здесь, как и сотню лет назад, шумит вода, крутятся старинные жернова и ходят песты в ступе.

В 2008 г. специалисты ООО «Поморская плотницкая школа» завершили реставрацию другого памятника гидротехники – водяной мельницы в д. Зехново (Плесецкий сектор Парка).

Процесс охраны и реставрации памятников органично вошел в жизнь территории. Самое главное, произошло переосмысление общественного и социального значения сохранения наследия. Местному населению возвращена роль главного действующего лица в охране наследия. Локальное сообщество получает памятники в пользование, жители деревень являются их хранителями. Сформированы и профессионально работают бригады плотников из местных жителей, способные вести самые сложные работы по реставрации памятников истории и культуры, строительству объектов туристской инфраструктуры.

Многое сделано за эти годы, еще больше предстоит сделать, но самое главное – Парк состоялся, несмотря на все преграды и препятствия. За короткий период Кенозерский национальный парк вошел в число ведущих национальных парков России, возрастает признание его ценностей как части мирового наследия на международном уровне. В региональной стратегии устойчивого развития Парк становится важным фактором новой системы хозяйствования. Кенозерский национальный парк сегодня – это крупнейшая на Северо-Западе России динамично развивающаяся природоохранная организация, международный культурный, туристский и образовательный центр, ведущий субъект социально-экономического развития территории.

3

4

5

1 Пелагея Николаевна Ножкина. Д. Вершинино
2 Жители д. Семёновская с епископом Архангельским и Холмогорским Тихоном. 1998. Архив КНП

Парк реализует свою стратегию во взаимодействии с федеральными, региональными, муниципальными органами государственной власти и управления, духовенством, специализированными научными организациями, реставрационными предприятиями, туристическим бизнесом, российскими и зарубежными общественными и государственными организациями. Особое место в этом списке отводится местному населению, которое, являясь реальным носителем традиционной народной культуры, ее творцом и хранителем, фактически выполняет «госказ» по сохранению и интерпретации наследия.

Нельзя не отметить существенный вклад в становление Парка целого ряда замечательных людей: главы администрации Архангельской области в 1990–1996 гг. П.Н. Балакшина и его заместителя А.Ф. Личутина, главы администрации Архангельской области в 1996–2004 гг. А.А. Ефремова и его заместителей Т.Д. Румянцевой и П.П. Орлова, председателя Архангельского областного Собрания депутатов в 1996–2001 гг. В.И. Калямина, председателя Архангельского областного Собрания депутатов с 2001 г. по настоящее время В.С. Фортыхина, советника министра культуры РФ Т.М. Гудима, заместителя директора Департамента культурного наследия Министерства культуры РФ И.М. Смирновой, заместителей руководителя Федеральной службы лесного хозяйства России (упразднена в 2000) Б.К. Филимонова, М.Д. Гиряева, начальников управлений Федеральной службы лесного хозяйства России О.А. Аникеевой, Н.И. Сарычевой,

В.Л. Попова, заместителя директора Департамента государственной политики и регулирования в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности Минприроды России В.Б. Степаницкого.

Оживает Кенозерская земля. Святыни, созданные народом, возрождаются всем миром. Главным действующим лицом в этом процессе являются потомки тех, кто сохранил часовни в дни всеобщего безбожия. Те, для кого деревня и часовня воедино слиты, чьи сердца знают мудрость, удивительную в своей простоте: *«Умрет часовня, вся деревня умрет»*.

Где родился, там и Иерусалим

Эти простые и удивительные в своей мудрости слова принадлежат Александре Александровне Капустиной, жительнице одной из самых красивых и старинных деревень – Зехново.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в одной из книг писал о том, что истинно интеллигентных людей он встречал в глубинках Архангельской и Вологодской губерний. Сам, *«олицетворяя собой связь времен, ту совесть, с которой ассоциируется представление о российской интеллигентности»*, он понимал, что имел в виду: *«душевное качество, потребность отдать себя людям, уважение чужого мнения»*⁸¹. Это в полной мере относится к «Золотому фонду» территории – нашим бабушкам и дедушкам.

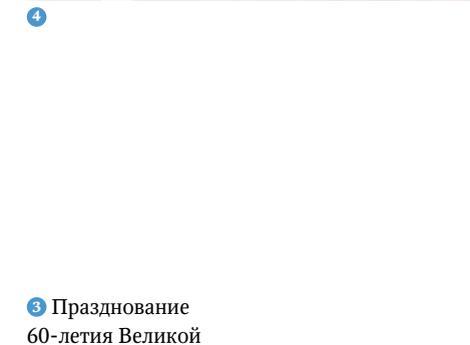
Земной хранительницей Никольской часовни в д. Вершинино является Пелагея Николаевна Ножкина, дочь Николая Филипповича Ножкина,

последнего жителя деревни и хранителя Ильинской часовни на Мамоновом острове, не пережившего ее вывоза в музей «Малые Корелы» в 1970-е гг. Никольскую часовню уже никто и никогда не увезет отсюда. Хранит часовню Иоанна Богослова в д. Зехново Анна Александровна Семенова, часовню Св. Антония в д. Поромское – Валентина Федоровна Сивцева. Это не «госслужащие» на «объекте», это их жизнь, такая же забота, как и порядок в своем доме.

Мудрым советом, добрым словом помогают национальному парку Вера Николаевна и Никита Максимович Болозневы, Мария Васильевна Капустина из д. Зехново, Анна Григорьевна и Алексей Иванович Шишкины, Анна Николаевна Губина из д. Вершинино, Вера Андреевна Роймуева из д. Горбачиха, Феоктиста Александровна Калитина, Алевтина Ивановна Никифорова, Анна Александровна Парфенова, Анна Никитична Парфенова, Мария Никитична Канцедаль из пос. Усть-Поча, Екатерина Ивановна Аникиева из д. Федосово, Надежда Павловна Спицына из д. Спицыно, Пелагея Ивановна Сивцева, Александр Иванович Хабаров из д. Першлахта, Клавдия Федоровна Шишкина, Анна Васильевна Овчинникова из д. Шишкино, Павла Ивановна Привалихина из д. Рыжково, Зинаида Александровна Поспелова из д. Минино, Федор Иванович Шварц, Любовь Константиновна Харина, Антонина Андреевна Баева из пос. Поча, Юрий Васильевич Макаров, Мария Дмитриевна Калинина из д. Орлово, Лидия Ивановна Попова, Александра Ильинична Попова из д. Морщихинская.

Эти люди умеют жить в гармонии с собой и миром, судьбу своей деревни, своего края никогда не отделяют от собственной судьбы. Являющие собой живую связь времен Русского Севера, свою жизнь они учат этому других. И хочется верить, что все лучшее они передали своим внукам и правнукам, и как бы в дальнейшем не сложилась жизнь молодых кенозеров, любовь к своей малой родине навсегда останется в их сердцах. И именно молодые обязательно построят Россию как территорию мира, процветания и глубокой духовной культуры.

К сожалению, уходят наши старики. Мы уже привыкли к тому, что всенародные некрологи появляются в средствах массовой информации, когда в иной мир уходят люди, при жизни занимавшие важные государственные посты, бывшие у всех на виду и на слуху. Но кто знает, как бы сложилась наша жизнь без этих не знаменитых людей, которые среди тысяч других в тихом северном уголке нашей необъятной державы олицетворяли собой великую Россию, составляя ее основу и формируя ее культуру? Мы помним всех наших земных хранителей, всех, кто был душой и совестью территории, без чьей тихой молитвы выстоять нам было бы гораздо сложнее: Андрея Александровича Амосова, Федора Васильевича Калитина, Вениамина Степановича Харина, Валентину Андреевну и Егора Алексеевича Аникиевых, Зинаиду Александровну Вахрамееву, Клавдию Александровну Ершову, Николая Павловича Капустина, Ольгу Васильевну Ушакову, Марию Степановну Крехалеву, Анну Ивановну Сивцеву, Анну Федоровну Сивцеву, Александру Ивановну Макарову, Лидию

3 Празднование 60-летия Великой Победы. Победители
4 Вера Николаевна Болознева встречает главу администрации Архангельской области

А.А. Ефремова на праздновании десятилетия КНП в д. Зехново. 2002. Архив КНП

1 Две подруги. Надежда Павловна Спицына из д. Спицыно и Мария Васильевна Капустина из д. Зехново
2 Всегда вместе! Александра

Степановна и Николай Александрович Третьяковы. Д. Семеновская
3 Лидия Ивановна Попова. Д. Морщихинская. Архив КНП

4 Александра Александровна Капустина. Д. Зехново
5 Александра Степановна Третьякова. Д. Семеновская

6 Анна Федоровна Силуянова. Д. Семеновская
7 Николай Александрович Третьяков. Д. Семеновская
8 Екатерина Ивановна Аникиева

с сыном Николаем Ивановичем. Д. Федосово. Архив КНП
9 Вера Николаевна и Никита Максимович Болозневы. Д. Зехново

10 Мария Васильевна Капустина. Д. Зехново
11 Клавдия Александровна Ершова. Пос. Усть-Поча

12 Анна Николаевна Губина и Пелагея Николаевна Ножкина. Д. Вершинино
13 Зинаида Александровна Вахрамеева. Д. Карпово

14 Юрий Васильевич Макаров. Д. Орлово

Ивановну Силуянову и многих других наших бабушек и дедушек.

Всего двух дней жизни не хватило Анне Федоровне Силуяновой, чтобы вместе со всеми сотрудниками Кенозерского национального парка встретить его десятилетие. Она, хранительница часовни Флора и Лавра в старинной д. Семеновская, знавшая и почитавшая каждое бревнышко, каждую икону и всякий заветный платочек в этой часовне, была нашим ангелом-хранителем, нашей Памятью, образом Парка, его старейшим работником. К своему 91 прожитому под северным небом году Анна Федоровна не только сумела сохранить знания и память, но и остаться при этом человеком редкой сердечной теплоты и доброты. Чрезвычайно приветливая и гостеприимная, искренняя и радушная, она с первых минут очаровывала людей, и всякий из тех, кому довелось общаться с нею, хранит в себе частичку ее оптимизма и веры в будущее, частичку ее богатой и щедрой души. Анны Федоровны больше нет с нами, но ее живительный свет навсегда останется на просторах бесчисленных озер, в облаках кенозерского неба, в сердцах людей и в истории нашего края.

У Кенозерского национального парка очень много «единиц хранения»: и уникальная природа, и великолепные памятники архитектуры, и традиционная народная культура. Но что церкви и часовни без людей?! Все наше богатое историко-культурное наследие бессмысленно и мертво, когда нет его Хранителя. Люди, испокон веков жившие и живущие по обычаям своих предков, – главное богатство Парка.

Низкий им всем поклон.

Заключение

Во все времена – трудные и полегче – с Парком не просто сотрудничали, а зачастую безо всякой оплаты помогали сохранять для потомков произведения древнерусской живописи, текстиль, дерево, металл из музейного фонда замечательные реставраторы, профессионалы высочайшего класса ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря (Е.И. Бучило, Т.В. Гончарова, В.В. Занозин, И.В. Кузнецова, Т.А. Милова, Л.А. Миронова, Т.М. Мосунова, М.В. Наумова, Р.Л. Носов, Е.В. Рыжакова, А.И. Смирнов, М.А. Скутте, С.А. Субочев, И.Н. Тяпкина, Д.Ф. Царегородцев, Г.В. Цируль – темперная живопись) и Архангельского филиала Центра (О.Г. Жаренова и И.В. Ходырева – темперная живопись, Т.Ю. Турыгина и А.В. Чекин – дерево, Г.А. Григорьева – ткани, М.А. Соколова – бумага, А.В. Карпов – металл). Произведения искусства, спасенные ими и многими другими художниками-реставраторами, позволили привлечь внимание исследователей к историко-культурному наследию Кенозерья, выявить памятники, являющиеся значительным художественным явлением Русского Севера, показать их на различных выставках, представить в экспозициях национального парка, вернуть в родные для них часовни.

Выставку «небес» из музейного собрания Кенозерского национального парка и издание каталога мы планировали еще в 2008 г. по инициативе заместителя директора ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря по научной работе Светланы Федоровны Вигасиной. Но так счастливо все сложилось, что в 2008 г. в Кенозерском национальном парке впервые были открыты «небеса», на которых значатся

год создания и имя мастера – случай в иконописи уникальный. Подпись живописца на одной из 12 радиальных граней «неба» часовни Николая Чудотворца в пос. Усть-Поча обнаружила научный сотрудник Парка Марина Гусева: «ПИСАНЫ СИИ НЕБЕСА В 1881 ГОДУ ЖИВОПИСЦОМ ФЕДОРОМ ЗАХАРОВЫМ ИОКОМ, УРОЖЕНЦОМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБ. КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА МИШКОВСКОЙ ВОЛОСТИ ДЕРЕВНИ БОЛЬШОЕ КОНЕВО ОТ РОДУ 17 ЛЕТ МАСТЕ». В том же году Парк стал победителем ежегодного конкурса для музейных профессионалов «Первая публикация: музейные раритеты» с проектом «Каталог “Небеса” Кенозерья», который с 2007 г. проводится Издательской программой «Интеррос» и Благотворительным фондом В. Потанина. Уже после первого посещения Кенозерья очарованные этим былинным, сказочным краем сотрудники Издательской программы решили расширить рамки проекта и включить в него не только «небеса», но и деревянные церкви и часовни, иконы, профинансировать большую часть работ по реставрации подписного «неба» Никольской часовни, принять участие в организации выставки «Небеса ручной работы» в залах ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря.

В конце 2008 г. подписные «небеса» отправили на реставрацию в Москву, в ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Почти год потребовался реставраторам на то, чтобы дать уникальному памятнику монументальной живописи второе рождение, и сейчас он представлен на выставке «Небеса ручной работы». А уже в середине 2010 г. «небеса» вернутся на родину – в Никольскую часовню пос. Усть-Поча.

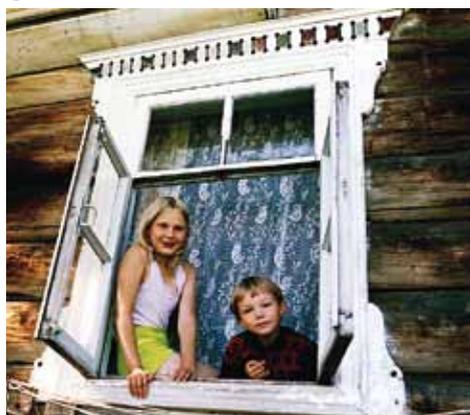
Мы надеемся, что интерес специалистов ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря под руководством его директора Алексея Петровича Владимировича к памятникам материальной культуры Кенозерья будет способствовать реализации новых совместных проектов по сохранению этой значимой части российского наследия.

Мы надеемся, что собранные в каталоге материалы дадут представление о масштабе и богатстве многовекового самобытного историко-культурного наследия этой древней земли, донесенного до людей учеными, исследователями, реставраторами, местными жителями.

«Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это то, что он самый русский. Он не только душевно русский – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию – песенную, словесную, русские трудовые традиции – крестьянские, ремесленные, мореходные», – писал академик Д.С. Лихачев⁸². Разве эти слова не о Кенозерье?!

1

2

3

Список использованной литературы

Менеджмент-план (План управления и развития) Кенозерского национального парка на 2001–2005 гг. Архангельск, 2001.

Программа «Историко-культурное наследие Кенозерского национального парка – стержень жизнеустройства территории», к Федеральной целевой программе «Культура Русского Севера (2006–2010 гг.)». Архангельск, 2003.

Кенозерский национальный парк: крат. путеводитель/авт. текста Е.Ф. Шатковская, А.В. Козыкин, Ю.М. Критский, А.В. Малюкова, В.Д. Шевелев, С.С. Вишневецкая, Е.А. Ополовникова. Архангельск, 2004.

Природное и культурное наследие Кенозерского национального парка: сб. науч. ст./сост.: А.В. Козыкин, Д.В. Тормосов, С.В. Торхов и др.; под ред. Е.Ф. Шатковской. Петрозаводск, 2002.

Примечания

1. *Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР, материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 29. М., 1952. С. 180.
2. *Критский Ю.М.* Кенозерье: история и культура (очерки, материалы, исследования)/подг. текстов В.Н. Матинина. Архангельск, 2005. С. 15–17.
3. *Васильев Ю.С.* Об историко-географическом понятии «Заволожье»//Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
4. *Смирнов Ю.И.* О совместимости результатов разных наук в изучении Русского Севера// Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 428.
5. История северного крестьянства//Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Т. II. Архангельск, 1984. С. 38.
6. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1982. С. 155.
7. Писцовые книги Обонежской пятины, 1889. С. 177 (цит. по: *Данилов Л.В.* Очерки по истории земледелия и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. Л., 1956. С. 291).
8. *Смирнов Ю.И.* Указ. соч. С. 428.
- 9–10. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 18.
11. *Коноплев Н.* Святыне Вологодского края. Кн. IV // ЧОИДР, 1895; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. II: Лекции 34–36.
12. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 20.
13. Архангельские губернские ведомости. 1879. № 42.
14. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 43, 44.
15. *Синяговский С.А.* Кенозеро: истоки коллективной исторической памяти местного населения (вопросы взаимодействия язычества и христианства на примере локальной территории Русского Севера). Научная справка. 2003 – Архив КНП. Ф. 1. Оп. 2. Д. 172.

16. Цит. по: *Будавиц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. С. 126.
17. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 30.
- 18–19. Кенозерские сказки, предания, былички/вступ. статья, сост., примеч. Н.М. Ведерниковой. М., 2003. С. 100.
20. *Козыкин А.В.* Культурные ландшафты Кенозерского национального парка: проблема сохранения национального достояния//Russian Conservation News. М., 2005.
21. Природопользование: словарь-справочник. М., 1990. С. 262.
22. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 46.
23. *Козыкин А.Н.* Указ. соч.
24. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 45.
25. Материалы по истории Европейского Севера СССР//Северный археологический сборник. Вып. 2; Северные писцовые книги, сотницы и платежные XVI в. Вологда, 1972. С. 163–264.
26. Копия плана земельных владений духовенства в Челмозерской пустыни. Речные угодья, озеро и дороги принадлежат церкви, 1783 – ГААО. Ф. 1021. Оп. 2. Д. 121.
27. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 47, 48.
28. ГААО. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 6, 21; *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 67.
29. Списки населенных мест Олонецкой губернии на 1873, 1879 и 1905 гг. Петрозаводск, 1907.
30. *Ушаков Ю.С.* Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982. С. 156.
31. *Воронин Н.Н.* К истории сельских поселений феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня//Известия ГАИМК. Вып. 133. Л., 1933.
32. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 38.
33. Цит. по: *Богословский М.М.* Земское управление на Русском Севере в XVII в.//Сборник купчих 1554–1635. Т. 1. М., 1909. С. 143–148; *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 39.
34. *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 39.

- 35–36. *Ушаков Ю.С.* Указ. соч. С. 67. По сохранившейся в ГААО ведомости Георгиевская церковь в д. Федоровская построена «усердием крестьян деревень Федоровской, Окатовской, Турова сельца» в 1792 – ГААО. Ф. 29. Оп. 40. Ед. хр. 3. С. 88–91.
37. *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Древнерусские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.
38. *Третьяков С.В., Коптев С.В., Косарев В.П.* Святые рощи и деревья Кенозерского национального парка//Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения»/отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ред.-сост. А.А. Куратов. Архангельск, 2004. С. 377.
39. *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 223.
40. *Ведерникова Н.М.* Культурное и природное наследие Кенозера в произведениях фольклора (опыт описания территории по материалам экспедиционного выезда деревень Ряпусовского куста в 2000 г.). Научная справка. 2001 – Архив КНП. Ф. 1. Оп. 2. Д. 173.
41. Кенозерские сказки... С. 125, 126.
42. *Третьяков С.В., Коптев С.В., Косарев В.П.* Указ. соч. С. 342.
43. *Харузин Н.Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889. С. 61.
44. *Ведерникова Н.М.* Устная проза Кенозерья//Кенозерские чтения. Архангельск, 2004. С. 39.
45. *Пермиловская А.Б.* Деревянные кресты Русского Севера//Поморье в Баренц-регионе на рубеже веков: экология, экономика, культура: материалы международной конференции. Архангельск, 2000. С. 177, 178.
46. Кенозерские сказки... С. 103.
47. *Руднев Я.И.* Население и промыслы в Озерном краю//Русская земля. Т. II. СПб., 1899. С. 175.

48. *Кузнецов В.К.* Кустарные промыслы крестьян Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Т. I: Таблицы по волостям. Петрозаводск, 1902.
- 49–50. *Мироненко М.Л.* Ремесла и промыслы Кенозерья в XVI – начале XX в. Научная справка экспозиции. 1995 – Архив КНП. Ф. 1. Оп. 2. Д. 174.
51. *Мироненко М.Л.* Железо из болот. Научная справка. 1995 – Архив КНП. Ф. 1. Оп. 2. Д. 175.
52. ГААО. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 156. Л. 10.
53. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 62.
54. *Согрина С.А.* Развитие смолокурного и дегтернокурного промыслов в Кенозерской и Лекшмозерской волостях в конце XIX – начале XX века // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сб./сост. П.С. Журавлев и др. Архангельск, 2009. С. 298.
55. *Мироненко М.Л.* Ремесла и промыслы Кенозерья... – Архив КНП. Ф. 1. Оп. 2. Д. 174.
56. *Согрина С.А.* Указ. соч. С. 299.
- 57–58. *Мироненко М.Л.* Указ. соч.
59. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 85.
60. В 1922 в Лекшмозерской волости насчитывалось 5 кузниц «с одним лемехом, двумя молотами и наковальней» (по одной в деревнях в д. Ольшевская, Анфаловская и Казариновская и две в Аглимозеро).
- 61–62. *Критский Ю.М.* Указ. соч. С. 86, 87.
63. *Ведерникова Н.М.* К истории собирания и изучения духовной культуры Кенозерья. Научная справка. 2001 – Архив КНП. Ф. 1. Оп. 2. Д. 176; Песни, записанные П.И. Рыбниковым в 1861–1863 гг. М., 1867.
64. *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды//Онежские былины. Архангельск, 1984.
65. *Смирнов Ю.И.* Былины Кенозерья (по записям собирателей второй половины XX в.)//Кенозерские чтения. Архангельск, 2004. С. 316, 317.
- 66–67. *Ведерникова Н.М.* Указ. соч.

- 68–70. *Смирнов Ю.И.* Былины Кенозерья по записям 1927 года//Культурное и природное наследие Русского Севера... С. 414.
71. *Ведерникова Н.М.* Культурное и природное наследие Кенозера...
- 72–74. *Пономарев Е.А.* Кенозерский сказочник Нечаев//Кенозерье. 2002. № 3.
75. *Ведерникова Н.М.* К истории собирания и изучения...
- 76–77. *Смирнов Ю.И.* Сказки Кенского волочка. Архангельск, 2004. С. 11.
78. *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 506.
79. *Косменко А.П.* Народная резьба и роспись по дереву//Вопросы советского финно-угроведения. Петрозаводск, 1974.
80. *Ведерникова Н.М.* Устная проза Кенозерья... С. 45.
81. *Шмидт С.О.* Дмитрий Лихачев: последний интеллигент?//Аргументы и факты. 2004. № 39.
82. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983. С. 7.

Кенозерье
по материалам Первой Онежской
экспедиции ГЦХРМ 1958 г.
в архиве ВХНРЦ
им. акад. И.Э. Грабаря

Кенозерье по материалам Первой Онежской экспедиции ГЦХРМ 1958 г. в архиве ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря

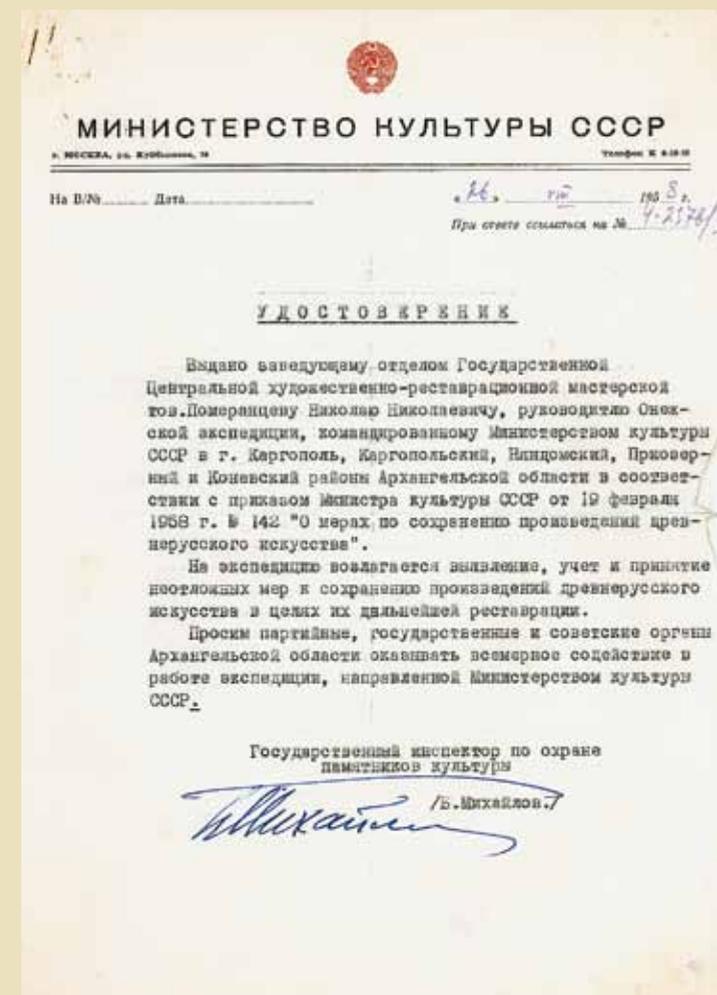
В архиве ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря в личном фонде Н.Н. Померанцева хранятся бесценные документы, свидетельствующие о большом вкладе, сделанном реставраторами и научными сотрудниками Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. акад. И.Э. Грабаря в дело выявления, описания и реставрации памятников искусства Русского Севера.

В настоящем издании впервые публикуется ряд таких документов. Это материалы Первой Онежской экспедиции ГЦХРМ Министерства культуры РСФСР по выявлению, охране и собиранию произведений древнерусского искусства, состоявшейся в сентябре 1958 г.: удостоверение, выданное заведующему отделом ГЦХРМ товарищу Н.Н. Померанцеву, руководителю Онежской экспедиции; акт о вывозе

из бывшего Макарьевского Хергозерского монастыря в Каргопольский краеведческий музей двух икон; отчетные сведения о работе Онежской экспедиции 1958 г. Кроме того, публикуются 16 фотографий, выполненных Н.Н. Померанцевым¹.

1. Поскольку личный фонд Н.Н. Померанцева (Ф. 2) в настоящее время находится в стадии обработки, документы хранятся в деле 3 (временном) и публикуются без указания листов. Подписи под фотодокументами являются аннотациями Н.Н. Померанцева и приводятся в соответствии с орфографией и пунктуацией автора. Некоторые уточнения сделаны М.Н. Мелютиной. Фотографии Н.Н. Померанцева из архива ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря воспроизведены также на с. 104–105, 107 (1–5), 113.

1 Удостоверение, выданное Н.Н. Померанцеву	художественно-реставрационной мастерской Министерства культуры РСФСР	произведений древнерусского искусства в сентябре 1958 г.
2 – из Отчетные сведения о работе экспедиции Государственной центральной	по выявлению, охране и собиранию	

ОТЧЕТНЫЕ СВЕДЕНИЯ

о работе Онежской экспедиции Государственной Центральной Художественно-Реставрационной мастерской Министерства культуры РСФСР по выявлению, охране и собиранию произведений древнерусского искусства в сентябре 1958 года

I. МАРШРУТ ЭКСПЕДИЦИИ

Памятники архитектуры, находящиеся в Каргопольском и отчасти в Приозерном районах Архангельской области были обследованы Онежской экспедицией 1958 г. лишь частично ввиду крайнего бездорожья, отсутствия необходимых средств передвижения, ограниченности времени и недостаточности выделенных экспедиции средств.

При данных условиях наиболее целесообразным для обследования представлялось наметить следующие четыре маршрута, по которым можно было попасть в места сосредоточения наиболее значительных памятников (см. рис. I. Карта маршрутов):

Первый маршрут был намечен по Пудожскому тракту по направлению к Ильинскому озеру, расположенному на северо-запад от г. Каргополя. По этому маршруту были обследованы следующие памятники: 1) Воздвиженская деревянная часовня 18 века Печниковского сельсовета (используется под склад зерна); 2 и 3) две деревянные церкви в селе Лядины - Ильинская и Георгиевская (используются под склад зерна сельсоветом "Новый путь"; 4) Никольская деревянная часовня 18 века в Ниселевской деревне около Лядин; 5) закрытая деревянная часовня в селе Лядины. В том же селе Лядины было обследовано и сфотографировано несколько деревянных рубленых изб, представляющих значительный интерес в архитектурном отношении. 6) Каменная церковь в Леншмозерском сельсовете конца 18 века (используется под склад сельсоветом). 7 и 8) две деревянные (закрытые) церкви, находящиеся на Хитгоре (находятся в безпризорном состоянии). 9 и 10) две каменные церкви 1790 года Макарьевской Хергозерской пустыни (используются под склад).

Второй маршрут:

II) Деревянная церковь 1665 года в селе Саунино. Используется под склад зерна Павловским сельсоветом.

Третий маршрут по Архангельскому тракту (на север):

12) Надпорожье (церковь сломана); 13) село Волосово церковь деревянная 1670 г. (используется под склад зерна). По дороге два дома больших с росписными фасадами.

Четвертый маршрут (водный) по озеру Лача и реке Свидь:

14) Часовня деревянная 18 века в Мальдинской деревне Хотеновского сельсовета; 15) Пристань "Село" - часовня Покрова конца 18 века; 16) Кононово - церковь 18 века; 17) Каменная церковь 18 века в селе Давыдово; 18) Никольская церковь села Астафьевское - деревянная патровая 1698 года; 19) в том же селе деревянная церковь Флора и Лавра - 18 века. Кроме того, в г. Каргополе обследованы следующие памятники, в которых укреплены произведения живописи:

20) в Христорождественном каменном соборе 1562 (используется как памятник архитектуры и как фонд древнерусской живописи); 21) в Воскресенской каменной церкви 16 века (используется под склад); 22) в Благовещенской каменной церкви 1692 года (используется как склад); 23) в каменной церкви Рождества Иоанна Предтечи 1751 года (используется как склад); 24) в каменной церкви Рождества Богородицы 1680 года (используется общиной верующих); 25) в Каргопольском краеведческом музее, помещающемся в каменной Введенской церкви 18 века.

Никольская каменная церковь 1741 года не могла быть обследована ввиду отсутствия ключей.

Все 25 памятников были обследованы экспедицией в течение 24 дней, несмотря на значительное расстояние их друг от друга и от г. Каргополя. В общей сложности от станции "Ильиндом" Северной железной дороги до обследованных памятников экспедицией проделан путь равный 750 километрам.

Несмотря на ограниченность средств, разясняя на месте значение и важность нашего дела, мы добились возможности использовать случайный транспорт. Достаточно сказать, что за это

время нам удалось передвигаться на грузовиках, автомашине "ГАЗ 69" пользоваться лодками, паромом, наконец попутными телегами, а при отсутствии транспорта, добираться до памятников пешком, что было вызвано в некоторых местах отсутствием проезжих дорог в болотистых местностях и среди большого количества озер.

Больше того, случайно оказавшиеся в г. Каргополе летчики, разрешили экспедиции, по согласованию с соответствующими местными органами, произвести фотоснимки памятников архитектуры города с самолета "У-2".

П. СРОКИ РАБОТЫ: Экспедиция выехала из Москвы 1 сентября 1958 г. и возвратилась 26 сентября.

III. СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ: 1) Руководитель экспедиции заведующим Отделом реставрации скульптуры и резьбы Померанцев Н.Н.

Члены экспедиции: 2) реставратор Кромечкин Н.А., 3) реставратор Кузнецов Г.Н., 4) фотограф Петров И.Н.

IV. ИЗРАСХОДОВАНО СРЕДСТВ:

1) дорожные, суточные и квартирные расходы членов экспедиции - 6700 рублей

2) Командировка сотрудника в г. Каргополь для вывоза в Москву экспонатов - 1000 рублей

Всего: - 7700 рублей

Так как в Положении о Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской не оговорен вопрос об организации экспедиций (как это имеется в Положениях Гос. Эрмитажа, Гос. Русского, Гос. Исторического музея и др.), поэтому при организации данной экспедиции встретились весьма значительные затруднения, как в отношении организации экспедиции, так и в ее осуществлении. Достаточно сказать, что отпущенных средств не хватило на вывоз в Москву найденных произведений живописи, которые вследствие этого пролежали около месяца в сыром подвальном помещении Каргопольского краеведческого музея в ящиках, сколоченных из сырого, только что срубленного леса, что весьма вредно отразилось на состоянии привезенных вещей, представляющих большую художественную ценность.

V. ИТОГИ ПРОИЗВЕДЕННОЙ РАБОТЫ.

В строгом соответствии с § 3 Инструкции о деятельности экспедиций, утвержденной Министерством культуры СССР, Онежской экспедицией обращалось особое внимание на необходимость принятия мер к сохранению декоративного убранства выдающихся памятников архитектуры. В тех случаях, когда отдельные произведения не представляли в художественном отношении исключительной ценности, но являлись неотъемлемой частью убранства памятника, они водворялись на место, так как в большинстве памятников отдельные вещи интерьера были сняты со своих мест и беспорядочно валялись где попало.

Основная работа экспедиции заключалась в выявлении и учете произведений искусства, так как никаких учетных сведений ни в г. Каргополе ни на местах не имеется.

В результате произведенной работы, экспедицией во всех обследованных 25 памятниках архитектуры учтено 923 произведения искусства. Из них, в целях охраны и дальнейшей реставрации, 101 произведение вывезено в Каргопольский Краеведческий музей.

Из этого количества в Москву на реставрацию вывезено 61 произведение, представляющее особо ценное значение, как в художественной, так и в историческом отношении. Интересно отметить, что экспедицией были обнаружены ценнейшие произведения там, где по указанию местного работника охраны памятников и сотрудника Гос. Эрмитажа значилось, что ценных памятников там нет.

В практике ГЦХРМ обычно осуществлялись лишь командировки в музей, а такое комплексное обследование большого количества памятников, укрепление их на месте и вывоз столь значительного количества произведений в Москву, потребовали от сотрудников мастерской большой оперативности и умения работать в "полевых" условиях.

Ужасное состояние памятников, лишенных в большинстве случаев какой бы то ни было охраны, привело находившиеся в них произведения искусства в катастрофическое состояние.

До некоторых произведений буквально нельзя было прикоснуться, так как их живописный слой и вздувшийся левкас, отслоившийся от дерева, висели клочьями, еле держась. Только путем укрепления таких произведений на месте, уничтожения плесени, сплошь

покрывавшей доску, можно было их вывезти в музейные хранилища, сняв со стены.

На вывезенных вещей большинство находилось в самом угрожаемом состоянии.

Достаточно сказать, что даже в музее /в особенности на иконах, находившихся в полуподвальном помещении первого этажа используемой музеем церкви) была произведена обработка от плесени 155 икон, не говоря уже о ценных произведениях живописи и прикладного искусства, находящихся на местах.

Профилактическая заклепка живописи, производившаяся в трудных "полевых" условиях, сделана на 289 вещах. Участниками экспедиции и двумя дополнительно командированными в Каргопольский краеведческий музей реставраторами Громовой И.М. и Егоровым А.П. уже в музейных условиях сделано основательное укрепление 127 произведений живописи. Эта большая работа, выполненная в столь короткие сроки, позволила спасти от гибели ценнейшие произведения древнерусской живописи.

Одновременно с этим участниками Экспедиции произведена экспертиза и разбор произведений живописи, хранящихся в фондах музея, а также дана консультация директору музея тов.Евстафьеву В.Ф. по вопросам хранения и экспозиции с учетом более целесообразного показа ценнейших экспонатов, имеющихся в музее.

Дополнительно следует отметить, что Экспедицией сфотографированы не только наиболее ценные произведения древнерусского искусства и быта, но также сделаны фотографии, фиксирующие состояние отдельных произведений и условия их хранения.

Значительный интерес представляют путевые зарисовки, полученные участниками Экспедиции.

Ввиду отсутствия на местах надлежащей охраны памятников, Экспедиции пришлось обратить особое внимание на необходимость разъяснения значения памятников лицам, имеющим к ним непосредственное отношение, а также лицам и организациям их использующим.

Изятие вывозимых с мест произведений оформлялось актами, оставляемыми на местах /в копиях/ и врученными директору Каргопольского музея ввиду того, что все выявленные Экспедицией вещи сначала сосредотачивались в Музее.

Учитывая плохое состояние живописи большинства вещей из числа наиболее значительных произведений, вывозимых в Москву, Экспедиция считала наиболее целесообразным направить их в Государственную Центральную Художественно-Реставрационную мастерскую, т.к. они не только требовали дополнительного укрепления, но и расчистки живописи, сплошь покрытой многочисленными записями. Некоторые из вещей сплошь покрыты настолько потемневшей, загрязненной олифой, что с трудом различается сюжет произведений. К тому же некоторые из них, как теперь оказывается, имеют совершенно другой сюжет, чем тот, который значился в Музейном инвентаре.

Указанное обстоятельство вызывает необходимость сделать в срочном порядке на некоторых вещах пробные расчистки авторской живописи, без чего не могут быть сделаны / как это требуется Министерством / даже краткие аннотации, содержащие историко-художественную характеристику каждому произведению, тем более не может быть дана рекомендация по их дальнейшему использованию. /Копия акта приемки произведений, вывезенных в Москву Онежской Экспедицией в 1958г., прилагается/.

VI. Помощь местных организаций Экспедиции

Несмотря на то, что Министром культуры СССР г. Михайловым Н.А. 22 февраля 1958 года было направлено в Архангельский Обком КПСС письмо с просьбой дать указания соответствующим областным организациям о направлении в Архангельскую область Экспедиции, и несмотря также на то, что перед отъездом Экспедиции в г. Каргополь Управлением музеев и охраны памятников Министерства культуры РСФСР также было направлено в Архангельск письмо, никаких указаний об экспедиции на место, в г. Каргополь, Архангельском не было дано. Мало того, представитель охраны памятников архитектор г. Каргополя тов. Коренева К.П. не была информирована даже и о том, что охрана памятников Архангельской области решением Архангельского областного исполкома передана органам Управления культуры и изъята из

Госстроя. Не информирована была об этом и заведующая отделом культуры Каргопольского Райисполкома тов. Кружкова М.А. Поэтому областной отдел по делам архитектуры Госстроя продолжал предъявлять свои требования на оплату аренды занимаемых памятников, вылачя и музей, занимающий в Каргополе быв. Введенскую церковь. Не считая наши полномочия действительными,

Тов. Коренева тормозила работу Экспедиции, настроивая против нее Секретаря Райисполкома тов. Лапина В.С. и председателя Горисполкома. Все это крайне тормозило работу Экспедиции. 16 сентября пришлось дать в Министерство культуры РСФСР т. Ханукову А.С. следующую телеграмму:

"Представитель охраны памятников архитектуры Каргополя препятствует работе экспедиции и вывозу в Москву реставрации произведений живописи из памятников. Требуется телеграфное распоряжение архитектуры и культуры области. Помощников". Никакого распоряжения из Архангельска в Каргополь в связи с посланной в Москву телеграммой не последовало. Снова продолжались препятствия Кореновой. Только благодаря обращению к зав. Отделом Агитации и Пропаганды Каргопольского Райкома тов. Попову Ч.В. оказавшему большую поддержку Экспедиции, удалось продолжить работу по обследованию памятников по намеченным маршрутам. Однако вывоз икон в Москву, приведенных с мест в музей и упакованных в ящики, не был разрешен зав. Отделом культуры Каргопольского райисполкома тов. Крутковой М.А. под влиянием агитации Кореновой, которая в данном случае выставляла себя истинным патриотом и защитником интересов г. Каргополя /, из которого, по ее мнению, москвичи безвозвратно, без согласования с органами архитектуры, "незаконно" увозят наиболее ценные произведения искусства, хотя последние доведены до катастрофического состояния вследствие отсутствия должной охраны и заботливого к ним отношения.

Ограниченность средств и времени не дали возможности на месте добиться разрешения вывоза вещей.

Только после приезда в Москву, в результате энергичных мер и получения дополнительных средств, удалось послать в г. Каргополь представителя Мастерской тов. Струкова М.И., снабдив его

соответствующими дополнительными полномочиями, полученными из Министерства культуры РСФСР на вывоз в Москву собранных произведений искусства.

Таким образом, после большой канители, имевшей место в результате плохо поставленного в Архангельской области дела охраны памятников и полной неразберихи - в чем в введении оно находится /в органах Госстроя или же Управления культуры/, вещи, обнаруженные Экспедицией, подверглись плохому хранению в сыром помещении, после двух месяцев нудных и лишних хлопот, наконец прибыли в Москву.

Подобное, из рук вон плохое состояние дела охраны ценнейших памятников, находящихся в значительном количестве в Архангельской области, вызывает самые серьезные опасения, т.к. они в полном смысле слова брошены на произвол судьбы и никак не охраняются.

В целях надлежащей охраны памятников и имеющихся в них произведений искусства, необходимо серьезное вмешательство в это дело Министерства культуры.

Почему Онежской Экспедицией был намечен маршрут обследования памятников Каргопольского района Архангельской области?

(задачи Экспедиции и условия ее осуществления)

В истории древнерусского искусства большой интерес представляет выяснение малоисследованного вопроса о так называемых "северных письмах".

О произведениях живописи этого круга мы почти ничего не знаем. До сих пор искусствоведам были известны лишь четыре замечательных "праздничных" иконы последней четверти 15 века, считавшиеся подлинными шедеврами русского искусства. Это две иконы хранящиеся в Государственной Третьяковской галерее ("Снятие со креста" и "Положение во гроб" и две иконы "Тайная вечеря" и "Усекновение главы Иоанна Предтечи", хранящиеся в Киевском Музее русского искусства. Указанные иконы недавно воспроизведены в большом красочном альбоме журнала "ЮНЕСКО".

Происхождение этих икон, по словесным преданиям, связывалось с гор. Каргополом Архангельской области. Однако насколько это верно, точно не было известно - нужны были основательные подтверждения. Состояние данного вопроса было аналогично белому пятну на географической карте.

Другие произведения живописи лишь по близости своих характерных особенностей к указанным четырем иконам считались принадлежащими к этому кругу памятников.

По словам М.В. Алпатова "в иконах "северных писем", происходящих из таких мест, где скрещивались влияния Москвы и Новгорода, бросаются в глаза яркость красок, резкость контуров, обобщенность силуэтов". Он говорит, что "самые искусные новгородские мастера XV века не в состоянии были подняться до высоты того эпического чувства, которое проявилось в указанных произведениях".

Экспедицией, благодаря обнаруженным памятникам живописи, подтверждена действительная принадлежность четырех указанных произведений не только к гор. Каргополю, но и, точно, к

каргопольскому собору, существовавшему в 15 и первой половине 18 веков (до постройки современного собора).

Одновременно с указанным вопросом стоял также вопрос об отыскании памятников живописи близких к работам прославленного мастера замечательных фресок Трапунтова монастыря - Дионисия, так как этот монастырь находился если не в сравнительной близости, то на пути водной Онежской магистрали, соединяющей Москву с Севером.

Найденный в церкви села Волосово Приозерского района небольшой стройный "чинок" с изображением 9 деисусных фигур, обрамленных красочной орнаментально-декоративной рамкой, а также и некоторые другие иконы, при взгляде на них заставляют вспомнить знакомые черты дионисиевской манеры. Это была первая проблема большого научного значения, поставленная Онежской экспедицией.

Вторым, не менее важным вопросом, был сбор памятников живописи 16-го и в особенности 17 веков, в которых продолжались древние традиции местных мастеров, отражавших, в отличие от московских придворных изографов Оружейной Палаты и строгановских мастеров, народные художественные вкусы, их любовь к более красочной палитре, к тонким переживаниям светлых, ярких, радостных праздничных тонов. Ряд найденных памятников из числа частично привезенных в Москву, позволяет считать удачными поиски, произведенные Экспедицией в этой области.

Третьим вопросом, представляющим также большой исторический и художественный интерес, следует считать поиски изображений иконографического характера, в которых запечатлены портретные черты местных, мало известных в центральных областях страны, святых (Александра Ошевенского, Пахомия Кенского и др.).

К этому надо добавить, что наличие связи гор. Каргополя с Никонорским крестным монастырем, осуществляемой по реке Онеге, ставило перед Экспедицией вопрос о необходимости поисков "парсуניים изображений" 17 века царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и др. лиц.

В данной области Экспедицией был обнаружен ряд ценных, весьма редких, произведений живописи на полотне, 17 века, требующих реставрации.

Имеющиеся в архивных источниках известия об олонецких резчиках, выдвигали на очередь вопрос о поисках памятников резьбы и скульптуры.

Экспедицией были обнаружены резные фигуры святых и декоративная резьба 16-18 веков, представляющие большую художественную ценность.

В области декоративного искусства в Северном крае и, в частности, в памятниках, расположенных по реке Онеге, озеру Лача и др. местам, можно было предположить наличие произведений, выполненных из олова и слюды.

Иллюстрацией данной, мало освещенной, темы древнерусского декоративного искусства, служат найденные Экспедицией произведения 17 века (выносные фонари, слюдяные оконницы, царские двери, иконы и др. предметы).

Шестой темой, заслуживающей большого внимания, являлся вопрос о розыске предметов бытовой обстановки, игравших немаловажную роль в вопросе установления характера древнерусского интерьера, составляющего внутреннее убранство памятников, столь красочно оформленных разнообразными художественными предметами и мебелью.

На изучение этого вопроса Экспедицией было обращено особое внимание. В результате поисков был сфотографирован ряд интересных и малоизвестных предметов быта.

Наконец последний (?) вопрос, стоявший перед Экспедицией, заключался в регистрации и фотофиксации ценнейших и еще неизвестных памятников архитектуры и их оригинальных деталей.

Таковы интереснейшие в научном отношении и еще не решенные, а частично малоразработанные, искусствоведческие проблемы, осуществление которых намечалось Онежской Экспедицией. Однако следует отметить, что организация Экспедиции, несмотря на важность этого дела, чуть было не сорвалась из-за отсутствия необходимых средств (в особенности безлюдного фонда в размере 1000 рублей), а также при наличии многих других препятствий, скучное перечисление которых, заняло бы много времени.

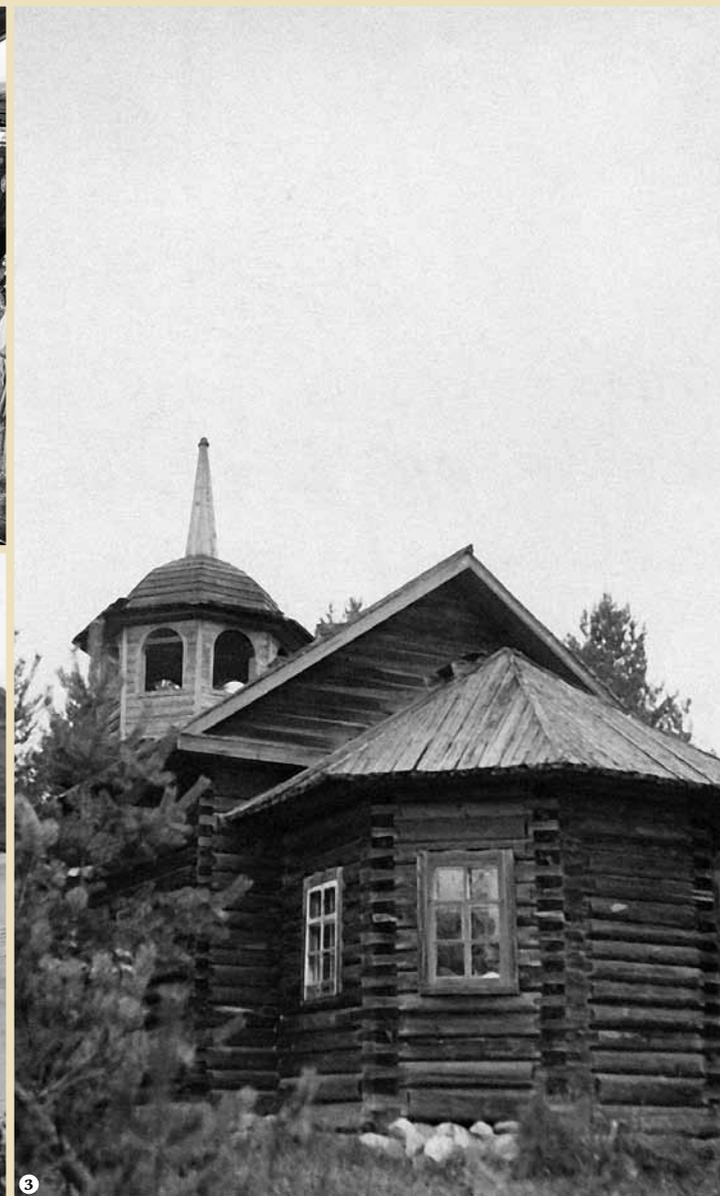
Привезенные в Каргопольский краеведческий музей, а также вывезенные в Москву художественно ценные произведения (в количестве 61) окупили средства, затраченные Министерством культуры на реализацию этого важнейшего мероприятия. На привезенных произведениях Государственной Центральной Художественно-Реставрационной Мастерской начаты реставрационные работы.

Руководитель Онежской Экспедиции
Шолохов

1 Внутренний вид часовни около с. Лядины Архангельской области. Фото Н.Н. Померанцева. 1958 г.

2 Дорога к Макарьевской пустыни Каргопольского района. Д. Масельга. Фото Н.Н. Померанцева. Первая Онежская экспедиция ГЦХРМ 1958 г.

3 Юго-восточный фасад церкви XVIII в. (1871 г. – М.М.) на Хиж-горе (Каргопольский район, Архангельская область). Фото Н.Н. Померанцева.

Первая Онежская экспедиция ГЦХРМ 1958 г.
4 Вид с колокольни церкви XVIII в. (1871 г. – М.М.) На Хиж-горе на 32 озера. Фото

Н.Н. Померанцева. Первая Онежская экспедиция ГЦХРМ 1958 г.
5 Лекшмозеро Каргопольского района Архангельской области –

Макарянская пустынь. Фото Н.Н. Померанцева. Первая Онежская экспедиция ГЦХРМ 1958 г.
6 Макарьевская-предтечевская

По следам старых фотографий

(Иконы из Свято-Троицкой церкви
Хергозерского прихода в коллекции музейного
фонда Кенозерского национального парка)

Марина Мелютина,
заместитель директора по научной работе
Национального парка «Кенозерский»

По следам старых фотографий

(Иконы из Свято-Троицкой церкви Хергозерского прихода в коллекции музейного фонда Кенозерского национального парка)

1

В разное историческое время на небольшой по площади территории Кенозерья (понятие «Кенозерье» рассматривается как название территории Кенозерского национального парка, представляющее собой единое целое по природно-географическим, культурным и социальным признакам) располагались четыре монастырские обители: Макарьевская Хергозерская пустынь (XVII в.), Кирилло-Челмогорская пустынь (XIV в.), Пахомиева Спасо-Преображенская Кенская пустынь (XV в.), Аглимозерская пустынь (XVII в.).

Религиозным центром и достопримечательным местом на протяжении многих столетий и вплоть до первой половины XX в. являлась Макарьевская Хергозерская мужская пустынь, расположенная в 80 верстах к северо-западу от Каргополя. Монастырь был основан в память преп. Макария Желтоводского и Унженского, устроителя Свято-Троицкого Макарьево-Желтоводского монастыря на левом берегу Волги (1435). После разорения монастыря монголо-татарами (1439) Макарий основал в костромских землях на реке Унже новую обитель. Прожив долгую жизнь в монашестве, святой скончался в 1444 г.¹ В память о монахе и путешественнике преп. Макарии иноками Сергием и Логгином в 1630-е гг. основан Макарьевский монастырь на озере Херго. Устройство обители в честь святого, возможно странствовавшего по Русскому Северу, – событие редкое. Исследователи пока не пришли к определенному мнению о причине создания монастыря и точном происхождении иноков, основавших его. Примечательно, что о возникновении Макарьевской Хергозерской пустыни сохранились устные

рассказы местных жителей: «Еще у нас есть почитаемый один – это святой Макарий Унженский. Он нижегородского монастыря монах, и считается, что он был проходом здесь, шел на Соловки... ему эти места понравились, и по его настоянию был основан здесь монастырь» (А.В. Попова, с. Лекшмозеро²), «На берегу икона преподобного Макария явилась... Где икону чудотворную нашли, стали церковь рубить» (О.В. Ушакова, д. Морщихинская³).

Макарьевский монастырь как святыня пользовался известностью на достаточно обширной территории. Это определялось прежде всего тем, что здесь находилась чудотворная икона преп. Макария Желтоводского и Унженского, которая необычайно почиталась в Каргополье. О чудесах ее было написано произведение «Сказание о преславных чудесах чудотворного образа преподобного и богоносного отца нашего Макария Желтоводского и Унженского чудотворца, в Каргопольских пределах, в Хергозерской пустыни обретающегося»⁴. Несмотря на уединенное местонахождение, отделенное от сельских поселений, расположенных на берегах крупных водоемов Кенозера и Лекшмозера труднодоступными заболоченными водоразделами, к Хергозерской пустыни из всех окружающих ее приходов были проложены тропинки. Дороги связывали обитель с Ошевенским, Кирилло-Челмогорским и Кенским монастырями, д. Кучепалда, Лядины, Морщихинская, Масельга, Думино, Видягино, Спицыно, Вильно и Порженское.

Духовно-религиозным центром пустынь оставалась и после упразднения (1764) и преобразования в Хергозерский приход Каргопольского уезда Олонец-

кой губернии. Пространственную целостность сакрального ландшафта сохраняли приписные «церкви во имя Святого Великомученика Георгия при деревне Федоровской и во имя Святого Пророка Илии при деревне Думино»⁵. К приходу были приписаны д. Окатовская, Федоровская и село Турово, составляющие Порженское, а также д. Думино, Ожегово и Ольсievская (Курмино, Херново, Наволок)⁶.

Служение Макарию продолжалось вплоть до середины XX в. «Память кенозеров хранит имя последнего подвижника Макария в уже послевоенные годы – “Филюшки с Почозера”, который ходил служить за дьякона, принимал “заветы”⁷. Филюшка (Ликотов Филипп Антонович. – М. М.) ходил к дальнему Макарию, в Ошевенск, седьмого-то августа там Макарий ведь есть, дак клали люди завет на этот праздник. Филюшка собирает все, да и перед праздником унесет все заветы. Ак давали ему тоже, рассчитывались, давали на дорогу тогда не деньги, а хлеб» (Т.Г. Гусева, д. Усть-Поча)⁸.

Монастырское наследие в настоящее время – это «утраченная обитель», территория, где сохранилась в руинированном состоянии лишь Свято-Троицкая церковь XIX в. Однако нам представляются необычайно важными выявление, систематизация и введение в научный оборот памятников, исторической информации об архитектурном облике и внутреннем убранстве храмов, а также предметов, связанных с обителью.

Воссоздание исторического и архитектурного образа Макарьевского монастыря и Хергозерского прихода возможно сегодня на основе письменных, литературных и изобразительных источников.

Письменные источники свидетельствуют: «Лета 1653 освящена церковь Живоначальная Троицы в Хергозерской пустыни по благословению преосвященного митрополита Макария Новгородского. Того же году освящен придел Преподобного отца нашего Макария Желтоводского и Унженского Чудотворца... Через пять лет после построения Троицкого храма уже воздвигнут другой, также деревянный, двухпрестольный храм во имя Введения Пресвятой Богородицы с приделом Святого Николая Чудотворца, который был освящен в 1658 году. Спустя еще два года построен третий храм во имя Трех Святителей Московских»⁹. «В 1769 году, согласно документам, в Макарьевском монастыре располагались только две деревянные церкви: Троицкая с приделом Макария Желтоводского и Введенская с нижним приделом Николая Чудотворца и двумя верхними приделами: в честь московских святителей Петра, Алексея и Ионы и в честь Александра Свирского»¹⁰. «В 1782 году на месте сгоревшей церкви, выстроенной в 1658 году, был построен теплый каменный храм Введения Богородицы»¹¹. «В 1857 году деревянный Троицкий храм сгорел “со всею утварью и иконами”, и вместо него в 1860 году была начата постройка каменного храма»¹².

На рубеже XIX–XX вв. комплекс строений Макарьевской пустыни окружала деревянная стена с башнями, которая подходила к берегам Хергозера. В центре архитектурного ансамбля располагался «пятиглавый каменный собор во имя Святой Животворящей Троицы, построенный в 1865–1872 годах и освященный 25 июля 1872 года»¹³. Храм был трехпрестольным: главный престол освящен во имя Св. Живо-

2

3

1 Богослужение, посвященное памяти преп. Макария Желтоводского и Унженского в Свято-Троицкой церкви Макарьевского монастыря. 2006. Личный архив Н.Я. Ушакова

2 Хергозерский приход (бывший

Макарьевский монастырь). Свято-Троицкая церковь (1872). 2000–2007. Фотографии GeoPhoto

3 Интерьер Свято-Троицкой церкви (1872). 2000–2007. Фотографии GeoPhoto

1

2

1 Свято-Троицкая церковь (1872). Введенская церковь (1782). Фотография Н.Н. Померанцева. 1958

2 Иконостас притвора Свято-Троицкой церкви. Фотография Н.Н. Померанцева. 1958

творящей Троицы, престол на правой стороне – во имя свв. мчч. кнн. Бориса и Глеба, левый престол – во имя преп. Макария Желтоводского и Унженского. В храм вели три входа: с западной, южной и северной сторон. Вблизи южного входа храма отдельно была поставлена каменная восьмиугольная колокольня, высотой не более 8 сажен. Рядом с ней располагался каменный пятиглавый теплый храм во имя Введения во храм Божьей Матери с приделом по левой стороне во имя свт. Николая Чудотворца, построенный в 1782–1790 гг. «*обещанием усердствующих благодетелей и по сборным книгам, выданным от начальства*»¹⁴. Южнее храмов, под большим деревянным навесом, обнесенном перилами, находился деревянный крест. Внутри ограды монастыря были построены «*холодные чуланы*», которые за плату сдавались паломникам. За монастырской оградой располагались дома священников и псаломщика. Далее, у самого начала мыса на росстани труфановской и ошевенской дорог, стояла «*часовня во имя Честного Животворящего Креста Господня, богослужение в которой совершалось 14 сентября*»¹⁵.

Каменные храмы, память о святом месте сохранялись на этой территории и в послевоенное время. По воспоминаниям жительницы д. Морщихинская З.Я. Нефедовой, только зимой 1965 г. в связи с организацией лесозаготовительных работ и укрупнением хозяйств насильно стали выселять местных жителей из д. Макарьевская¹⁶. В это время начали разбирать на кирпичи Введенскую церковь XVIII в.

Судьба распорядилась так, что нам представилась уникальная возможность увидеть фотографии двух храмов,

интерьера и иконостасов Свято-Троицкой церкви Хергозерского погоста. В отделе научно-реставрационной документации ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря хранятся фотографии Онежских экспедиций Н.Н. Померанцева – крупного теоретика и практика музейного дела, реставратора и исследователя памятников древнерусского искусства¹⁷. Фотофиксация «Макария» была сделана Н.Н. Померанцевым во время Первой Онежской экспедиции по выявлению, охране и собиранию произведений древнерусского искусства в 1958 г. Сохранились экспедиционные записи Н.Н. Померанцева о дороге в «Макарий» из д. Морщихинская через д. Думино: «*Лошадь, на которой мы ездили в Макарьев, оказалась, была запряженной в замечательную резную ярко раскрашенную дугу-красавицу, которой до сих пор пользуются в колхозе*»¹⁸. Участники экспедиции под руководством Н.Н. Померанцева – Н.А. Крошечкин, Г.Н. Кузнецов, И.Н. Петров – вывезли наиболее ранние памятники из Свято-Троицкой церкви: северную дверь «*Мария Египетская, Праведник Зосима, с клеймами жития*» (XVII в.) и икону выносную «*Богоматерь Знамение, избранные святые*» (конец XVII – начало XVIII в.), которые хранятся сегодня в собрании ГМО «Художественная культура Русского Севера»¹⁹. В отделе научно-реставрационной документации ВХНРЦ содержится копия документа о передаче этих памятников местными жителями Я.В. Ушаковым и Л.И. Федотовой художникам-реставраторам²⁰. Иконы более позднего времени участники экспедиции оставили в храме.

В середине 1960-х гг. значительная часть икон из иконостаса Свято-Тро-

ицкого собора, вероятно, по предложению Н.Н. Померанцева, была перевезена в церковь Свв. апп. Петра и Павла в д. Морщихинская. «*Перевоз икон по поручению председателя колхоза “Волна” А.В. Попова осуществляли М.А. Виноградова и А.М. Шуйгин*» (И.А. Пономарев, д. Морщихинская). В рабочих записях Н.Н. Померанцева в списках людей, с которыми он общался, отмечен А.В. Попов. Позднее, в конце 1970-х гг., сотрудники Каргопольского музея-заповедника переправили иконы из д. Морщихинская в Каргополь. Вероятно, информация о происхождении памятников к этому времени была утрачена, и коллекция икон XIX в. поступила в музей с надписью «*Лекимозеро*» на обороте. Предположение доктора искусствоведения Т.М. Кольцовой о принадлежности памятников к Свято-Троицкой церкви Хергозерского прихода подтвердилось благодаря выявленной ею уникальной фотографии Н.Н. Померанцева.

В 1995 г. из Каргопольского музея-заповедника в коллекцию музейного фонда Кенозерского национального парка поступили 25 икон, происходившие из Свято-Троицкого храма Хергозерского прихода²¹. На основе экспедиционной фотосъемки мы имеем возможность реконструировать иконостас Свято-Троицкой церкви и определить местоположение в нем икон из коллекции музейного фонда Кенозерского национального парка.

По свидетельству историка и краеведа К.А. Докучаева-Баскова, «*иконостас Троицкой церкви был создан в 1872 году к моменту освящения храма*»²². Композиция иконостаса не соответствует классической структуре. По свидетель-

ству Т.М. Кольцовой, «*в XIX веке вполне допускались нарушения традиционного порядка рядов иконостаса*»²³.

Иконостасный комплекс объединял три престола: главный – во имя Св. Животворящей Троицы, левый престол – во имя преп. Макария Желтоводского и Унженского, правый – во имя свв. мчч. кнн. Бориса и Глеба. Алтарная преграда имела трехъярусную конструкцию с декорированными тумбами в основании и украшалась многочисленными резными накладными деталями. Иконы первого и второго ярусов объединялись по вертикали и разъединялись по горизонтали колонками. Местный ряд каждого из трех престолов объединялся в единую иконостасную конструкцию. По составу икон иконостасы престолов были самостоятельными, исключение составлял единый праздничный ряд. Проем Царских врат имел углубленную арочную форму. Створки врат украшала пропильная плоскорельефная резьба, в орнамент включались шесть круглых живописных клейм, где согласно канону помещались композиция Благовещения и изображения четырех евангелистов – Иоанна, Матфея, Марка, Луки. Упомянутые живописные клейма отсутствуют на фотографии: вероятно, они не сохранились. В состав каждого ряда главного престола иконостаса входили 14 икон.

Согласно канону храмовая икона «Преп. Макарий Желтоводский и Унженский», расположенная в местном ряду алтарной преграды, помещалась справа от Царских врат. На фотографии Н.Н. Померанцева в данном месте зафиксирована живописная рама с утраченным средником. Важно было выяснить, предстает ли перед нами на фотографии знаменитая чудотвор-

3

3 Иконостас главного престола Свято-Троицкой церкви (1872). Фотография Н.Н. Померанцева. 1958

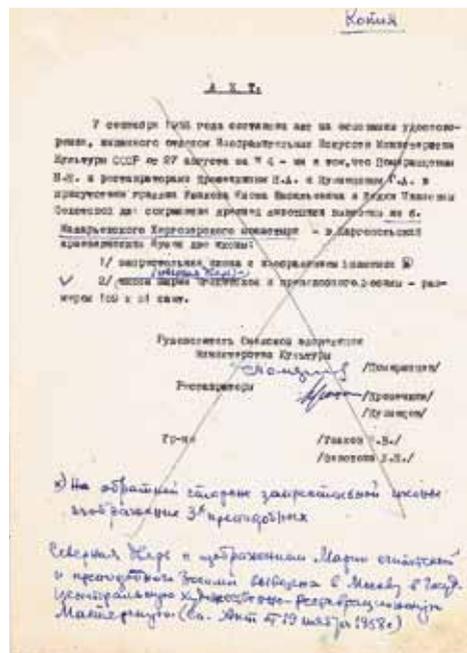
ная святыня обители или другая икона, посвященная преп. Макарию. В 1910 г., по свидетельству священника Хергозерского прихода А.И. Кипреева, подробно описавшего реликвию, чудотворная икона с образом преп. Макария находилась в другом храме обители – Введенском. По фотофиксации понятно, что в Макарьевском приделе Троицкого храма располагалась другая житийная икона с образом преп. Макария. Это утверждение можно аргументировать и тем, что при сопоставлении размеры сохранившейся иконы «Архангел Михаил», расположенной в одном ряду с иконой преп. Макария, разнятся (высота иконы «Архангел Михаил» составляет 120 см, высота чудотворной иконы, по описанию А.И. Кипреева, – 98 см). В заключение своего текста А.И. Кипреев пишет: «Точно такая же икона (копия), но только позднего времени и в одинаковой ризе... находится в другом храме в честь Пресвятыя Троицы»²⁴. К сожалению, местонахождение как чудотворной иконы, располагавшейся во Введенской церкви, так и иконы из Свято-Троицкого храма неизвестно.

На основании изобразительных источников удалось определить, что иконостасная конструкция Свято-Троицкого храма, состоящая из трех престолов, имела тридцать девять икон. Двадцать

две иконы, входившие в состав главного иконостаса храма, находятся на хранении в музейном фонде Кенозерского национального парка. Три иконы из коллекции музейного фонда Парка помещались, вероятно, в иконостасе притвора. По фотографии Н.Н. Померанцева можно определить, что икона «Троица» располагалась в нижнем ряду иконостаса. Иконы с образом Спасителя и «Введение во храм Пресвятой Богородицы» находились, вероятно, там же. Все они в 1995 г. были укреплены и законсервированы художником-реставратором А.П. Мурашовым.

Представленные в статье редкие произведения поздней иконописи, документальные фотографии Н.Н. Померанцева и письменные источники являются ценной историко-культурной информацией. В единстве эти материалы выступают в качестве значимой и созидательной силы в изучении, сохранении и интерпретации монастырского наследия Кенозерья.

● Акт о вывозе из бывшего Макарьевского Хергозерского монастыря в Каргопольский краеведческий музей двух икон. 19 ноября 1958 г. Копия

1–2 Спас Нерукотворный. XVII в. Из Макарьевского монастыря. 1958. До и после реставрации. 1958.

3–4 Мария Египетская, Прав. Зосима

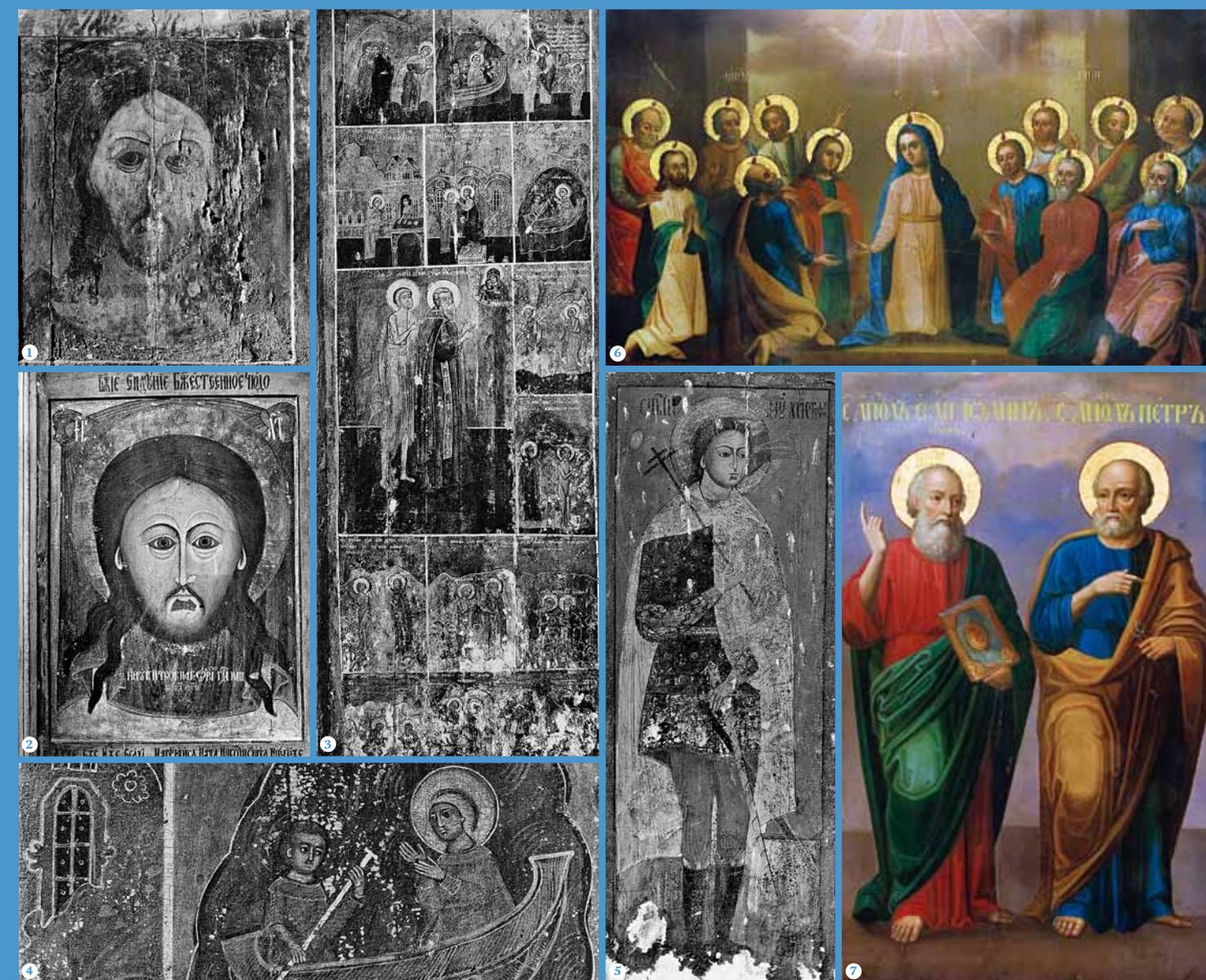
с клеймами жития. Конец XVII в. Из Свято-Троицкой церкви. 1958. Общий вид и фрагмент

5 Св. Христофор. XVII в. Из Свято-Троицкой церкви

6 Сошествие Святого Духа на апостолов. А.Д. Шагин (?). Последняя треть XIX в. Из Свято-Троицкой церкви. КНП. КП 241

7 Свв. апп. Иоанн и Петр.

А.Д. Шагин (?). Последняя треть XIX в. Из Свято-Троицкой церкви. КНП. КП 221

Приложение I

Информация к фотографии иконостаса главного престола Н.Н. Померанцева

Иконостасный комплекс главного престола, придела свв. мчч. кнн. Бориса и Глеба, придела преп. Макария Желтоводского и Унженского Свято-Троицкой церкви Хергозерского прихода.

Выделены иконы из коллекции музейного фонда Кенозерского национального парка

I. Местный ряд:

Царские врата: Благовещение, 4 евангелиста – Иоанн, Матфей, Марк, Лука.

1. *Апостол Стефан*; 2. *Богоматерь*; 3. *Вседержитель*; 4. Преп. Макарий Желтоводский и Унженский; 5. Покров Богоматери; 6. *Архангел Михаил*; 7. *Богоматерь*; 8. *Вседержитель*; 9. Троица; 10. Неизвестная икона; 11. *Св. Лаврентий*; 12. *Богоматерь*; 13. *Вседержитель*; 14. *Свв. мчч. кнн. Борис и Глеб*.

II. Праздничный ряд:

1. *Рождество Пресвятой Богородицы*; 2–3. Неизвестная икона; 4. Рождество Христово; 5. Сретение Господне; 6. *Богоявление*; 7. *Преображение Господне*; 8. Неизвестная икона; 9. *Вознесение Господне*; 10. Успение Пресвятой Богородицы; 11–13. Неизвестные иконы; 14. Воскресение Христово.

III. Деисусный ряд:

1. *Апостол Филипп*; 2. Иисус Христос; 3. *Апостол Варфоломей*; 4. *Апостолы Андрей Первозванный и Марк*; 5. *Апостолы Петр и Иоанн Богослов*; 6. Спаситель – «Царь-Царем», с предстоящими; 7. *Апостолы Павел и Матфей*; 8. *Апостолы Лука и Симон*; 9. *Апостол Иаков Зеведеев*; 10. Новозаветная Троица; 11. *Апостолы Иуда, Фома, Иаков*.

Приложение II

«Геометрический специальный план Хергозерской пустыни. 1889 года Сентября 20 дня. Копия сия выдана из Межевой Канцелярии, Олонецкой Духовной Консistorии, вследствие отношения (?) ее от 15 апреля 1888 за № 1824. Следующая, за которую по таким деньги уплачены

Геометрический специальный план Каргопольского уезда в лекшмозерской волости, состоящей внутри бывшей Хергозерской церковной земли упраздненной Хергозерской пустыни церкви Живоначальная Троицы с приделом преподобного Макария Чудотворца, которая во владении состояла означенной церкви священной церковнослужителей. Межевание произведено в 1773 году июля 21-го дня Землемером Прапорщиком Билюшиным, а внутри того владения, обмежеванного одною окружною от всех смежных владельцев межею, по нынешней мере по исчислению земли состоит: пашни тридцать восемь десятин две тысячи сажень, сеного покосу семь десятин тысяча девятьсот четыре сажени, лесу дровяного по суходолу сто две десятины триста шестьдесят две сажени, лесу дровяного по болоту шесть десятин тысяча сажень, под поселениями, огородами, гуменниками и конопляниками церковнослужителей одна десятинна пятьсот сажень под церквами и кладбищем шестьсот сажень, под проселочными дорогами две десятины тысяча пятьсот сажень, под озерами Хергозером и Келейным и Малым Хергозером сто двадцать четыре десятины тысяча пятьсот сажень, под речкой Чаженгой и ручьями тысяча шестьсот сажень. А всего во всей окружной меже двести восемьдесят четыре десятины тысяча триста шестьдесят шесть квадратных сажень.

Описание смежных земель от А до А земля того же уезда и волости бывшей оной же пустыни, а ныне состоит в Казенном ведомстве, которая отдается из оброку от Каргопольского Казначейства Александровского монастыря Игумену Евгению с братию.

На подлинном плане в рукоприкладстве писано так: Межевал Землемер Прапорщик Никита Билюшин. При сем межевании были и подписуются: К сему плану упраздненной Хергозерской пустыни Священник Егор Федоров руку приложил. К сему плану означенной Хергозерской пустыни пономарь Стефан Евдокимов руку приложил. К сему плану Заседатель Михайло Кирилов Усачев руку приложил. К сему плану Кенозерской волости церкви Успения Пресвятой Богородицы дяк Федор Лаврентьев вместо понятых сторонних людей, коих имена писаны в межевой книге плана сего, по их прошению руку приложил.

На подлинном плане сделана следующая надпись: Вследствие известия 3-й экспедиции от 31-го Января 1886 года за № 23 сделана сия надпись в том, что выведенные на плане красными чернилами разницы в румбах и мере линий, оказавшихся при поверке окружной межи сей дачи Определением Межевой Канцелярии 16-го Января 1886 года утверждены».

Примечания

- Голубинский Е.Е.* История канонизации святых русской церкви. М., 1903. С. 123.
- Мороз А.Б.* Сакральная география Каргополя // Святые и святыни северорусских земель Каргополь, 2002. С. 100.
- Научный архив КНП, программа «Паспортизация деревень», д. Макарьевская.
- Докучаев-Басков К.А.* Сказание о чудесах в Каргопольской Хергозерской пустыни от иконы преп. Макария Унженского и Желтоводского // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 3, отдел 4. С. 1–34.
- Мелехова Г.Н., Носов Н.Н.* Традиционный уклад Лекшмозерья. Ч. 2. М., 1994. С. 167; ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 445. Л. 2.
- ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 446. Л. 2–12 об.
- Ведерникова Н.М.* Фольклор как способ отражения культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия/сост. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, Н.М. Ведерникова и др. М.; СПб., 2004. С. 291, 292.
- Научный архив КНП, программа «Паспортизация деревень», д. Филиповская.
- Докучаев-Басков К.А.* Подвижники и монастыри Крайнего Севера. Хергозерская Макарьевская пустынь // Христианское чтение. 1890. № 11/12. С. 793.
- Пигин А.В.* Материалы к истории Макарьевской Хергозерской пустыни в Каргопольском уезде // Кенозерские чтения. Архангельск, 2003. С. 270.
- Докучаев-Басков К.А.* Указ. соч. С. 813, 814.
- Там же.
- Докучаев-Басков К.А.* Указ. соч. С. 814; ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 444. Л. 1.
- ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 444. Л. 1.
- ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 445. Л. 2 об.
- Научный архив КНП, программа «Паспортизация деревень», д. Макарьевская.
- Крылова Л.Н.* Личный архив Н.Н. Померанцева в ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря // Древнерус-

ское искусство. Исследования и реставрация: сб. науч. тр./ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. М., 2001. С. 23. Автор искренне благодарен Л.Н. Крыловой за помощь в исследовательской работе.

18. Архив ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Ф. 2 Н.Н. Померанцева. Д. 3 вр.

19. Северные письма. Собрание Архангельского музея изобразительных искусств: каталог/сост. О.Н. Вешнякова, Т.М. Кольцова. Архангельск, 1999. С. 102, 93 (кат. № 193).

20. Архив ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Ф. 2 Н.Н. Померанцева. Д. 3 вр.

21. КНП. КП 218–242.

22. *Докучаев-Басков К.А.* Указ. соч. С. 814.

23. *Кольцова Т.М.* Иконы Северного Поонежья. М., 2006. С. 125.

24. *Кипреев А.И.* Чудотворная икона преподобного отца нашего Макария Унженского и Желтоводского чудотворца, находящаяся в Хергозерском приходе Каргопольского уезда // ОЕВ. 1910. № 33. С. 687–689.

Живопись Кенозерья

Татьяна Кольцова,
доктор искусствоведения, заведующая отделом
древнерусского искусства ГМО «Художественная
культура Русского Севера»

Живопись Кенозерья

Земли вокруг многочисленных больших и малых озер Кенозерья, а также вдоль реки Кены, впадающей в широкую северную водную магистраль – реку Онегу, были заселены издревле. Известен древний речной путь на Север новгородских переселенцев XII–XV вв.¹, который во многом определил хозяйственные и культурные связи в данном регионе, а также самобытность искусства Кенозерья. Неудивительно, что под влиянием новгородской живописи написана красной фонной икона «Богородица с Младенцем и пророк Илия» конца XV в., происходящая из часовни д. Бухалово на Кенозере (собрание ГМО «Художественная культура Русского Севера») и восходящая к периоду становления традиций северной иконописи. Сегодня эта территория сохраняет преимущественно живописные произведения Нового времени, конца XVII – начала XX в. В эту эпоху русская средневековая эстетика уступает место иной концепции религиозного искусства, которое, подчиняясь эволюции стилей, становится открытым новым технологиям и иконографиям, обогащается элементами светской культуры.

Кенозерье уже во второй половине XIX в. привлекло внимание русских ученых, путешественников, писателей². К описанию быта и культуры населения, проживавшего в районе Кенозера, обращались многие исследователи, особенно во второй половине XX в.³ Благодаря этим работам данная территория была введена в русскую науку.

Архивные и изобразительные материалы – важный источник по истории культуры Кенозерья. Среди них стоит выделить описи церквей и часовен XVIII – XIX вв., хранящиеся в фондах

ГААО и ЦГА Карелии, в РГИА. Ценнейшими, а подчас единственными документальными свидетельствами об интерьерах утраченных храмов являются отчеты музейных экспедиций⁴.

Начиная с 1960-х гг., Кенозерье было обследовано несколькими историко-этнографическими и собирательскими экспедициями⁵. В результате музей страны пополнились уникальными памятниками. Произведения живописи XV–XIX вв., вывезенные из Кенозерья, хранятся в ГМО «Художественная культура Русского Севера», Каргопольском музее-заповеднике, Музее им. Андрея Рублева, а также частных собраниях. Кенозерский национальный парк и в наши дни сохраняет значительный комплекс произведений искусства.

В бассейне реки Онеги и на Кенозере уже в XV–XVI вв. работали иконописцы, в том числе из числа местных крестьян. Искусство живописи было востребовано в этом крае, поэтому иконопись поступательно развивалась здесь до начала XX в. Кроме того, в Олонецкой губернии в XVIII–XIX вв. расцвело творчество художников-старообрядцев, сложившееся под влиянием знаменитой Выговской пустыни. В результате этого в эпоху Нового времени Кенозерье оказалось на «перекрестке» художественных традиций официальной и старообрядческой Церквей. Кроме того, необходимо учесть, что в XIX в. на Север буквально хлынул поток икон, созданных в иконописных селах Владимирской губернии, которые поступали сюда через многочисленные торжки и ярмарки. В результате иконописное наследие Кенозерья представляет собой весьма разнообразную картину.

Большинство сохранившихся произведений живописи восходит к Новому времени. Наиболее полно художники смогли реализовать себя в оформлении деревянных церквей и часовен. Художественное решение внутреннего убранства кенозерских храмов формировалось на основе синтеза искусств: архитектуры, пластики, живописи, декоративно-прикладного искусства. Полностью сохранившихся интерьеров нет, поскольку большинство из них было разрушено. Наиболее целно дошло до нас убранство часовен в д. Зехново, Семеновская и Поромское. Кенозерскому национальному парку удалось законсервировать и сохранить в своей музейной коллекции значительную часть иконостасов, вывезенных из часовен д. Горбачиха, Тамбич-Лахта, Рыжково, Минино, а также из каменной Свято-Троицкой церкви Хергозерского прихода.

Ядром интерьера любой Кенозерской часовни является двухъярусный или трехъярусный иконостас. Тябловая форма сохранилась здесь как исключение (в д. Майлахта). В большинстве своем это очень простые каркасные конструкции, иногда с заворотами на северную и южную стены, и, как правило, многоцветные. Например, двухъярусный иконостас часовни Св. Климента в д. Тарасово раскрашен масляной краской в три цвета: зеленый, красный и белый. Рамы для икон имеют незамысловатые резные профили. Аналогично оформлена домашняя мебель кенозеров (шкаф-заборка жилого дома в д. Рыжково), что явно свидетельствует об участии местных плотников в украшении храмовых интерьеров.

Кенозерские часовенные иконостасы в большинстве своем были традицион-

ными по структуре: состояли из местного и деисусного рядов. Иногда встречались отклонения от общепринятой иконографической программы. К примеру, в часовне д. Рыжково иконы деисусного чина находились в составе как второго, так и третьего рядов. А третий ряд иконостаса часовни в д. Семеновская сугубо индивидуален: он состоит из серии небольших пядничных икон: свт. Николая, избранных святых, Деисуса и Богородицы нескольких иконографических типов.

Особенностью структуры иконостасов было включение образов северных подвижников благочестия, особо почитавшихся в Кенозерье: преп. Макария Желтоводского и Унженского (в часовнях Качиковой горы и д. Рыжково), Пахомия Кенского и Никодима Кожозерского (в часовнях Поромского и Семеновской). Однако наиболее часто встречались иконы с изображением Соловецких чудотворцев препп. Зосимы и Савватия (иконостасы в д. Тамбич-Лахта, Горбачиха), что можно объяснить большой популярностью этих святых как в среде официального Православия, так и у старообрядцев.

Жители Кенозерья всегда стремились к украшению своих деревенских храмов. Живопись была одним из наиболее доступных художественных средств, она позволяла разнообразить однородную цветовую палитру деревянных стен. Так возникла идея расписывать архитектурные детали и целые конструкции. Уже с конца XVII и вплоть до начала XX столетия в деревянных храмах Русского Севера с успехом возводили и расписывали потолки в форме «неба». В Кенозерье сохранились 15 комплексов «небес» конца XVIII – начала XX в., некоторые из них дошли до нас фрагментарно.

● Внутренний вид часовни Федоровской в д. Пилюгино на реке Кене Приозерного района Архангельской области. Вторая Онежская экспедиция Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской им. акад. И.Э. Грабаря. Фотография Н.Н. Померанцева 1962 г.

1

2

3

4

1-2 Часовня
Николая Чудотворца.
Д. Вершинино
3-4 Часовня
Параскевы Пятницы.
Д. Тыршкино
5-6 Часовня
Рождества

Богоматери.
Д. Тамбич-Лахта
7-8 Часовня
Введения Богоматери
во храм. Д. Рыжково

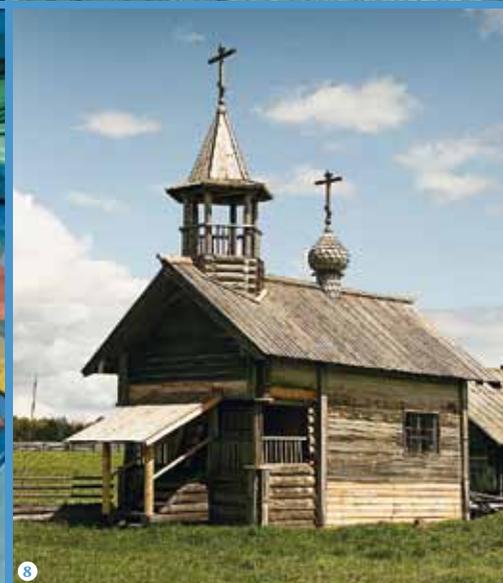
5

6

7

8

1

2

1 «Архангел Уриил» Часовня Преп. Пахомия Кенского. Д. Карпово. Ф.З. Иок. Последняя треть XIX в.

2 «Распятие, с предстоящими». Часовня Георгиевской церкви. Д. Порженское. П.Г. Максимов. Середина XIX в.

«Небо» – это конструкция потолочно-го перекрытия, имеющая форму пологой усеченной пирамиды, радиальные грани которой возвышаются к центральному кольцу. Конструкция является сборной и включает жесткий каркас и накладные грани. Такие потолки состоят в основном из восьми, двенадцати или шестнадцати радиальных граней. Происхождение этой формы можно связать с появлением на Севере в XVII в. новых типов деревянных храмов, с увеличением их объемов, а также с желанием создать подобие купола в подражание каменным церквям. Ближайшие аналогии живописным программам «неба» можно найти в купольных росписях каменных храмов. Купол христианского храма является символом неба, и согласно христианским догматам в верхних частях храма изображались только те сцены, которые происходили на небе или были связаны с ним. Северным провинциальным искусством программы росписей каменных куполов были не просто восприняты для подражания – их переработали и дополнили применительно к деревянным храмам.

Живопись зримо разрушает плоскость потолка деревянного храма и визуально увеличивает его внутреннее пространство. Каркас конструкции «неба» напоминает солнце с расходящимися лучами. Преобладающий фон небесных композиций – голубой, а на балках каркаса иногда писали звезды, имитируя реальное небо. Голубой фон активно участвует в образно-эмоциональном строе каждой «небесной» композиции.

На «небесах» деревянных часовен и церквей Русского Севера изображали Христа, Богородицу, ангелов, апостолов, пророков и других святых. Иконографиче-

ские программы хоть и разнообразны, но сводятся к нескольким основным вариантам: «Божественная литургия», «Небесное воинство», «небеса» с изображением архангелов, апостолов и их варианты. В отдельных регионах Севера были свои предпочтения: в частности, в Поонежье и Кенозерье распространен тип «небес» с изображением архангелов, евангелистов и композиции «Распятие».

Фигурам семи архангелов («Небесному воинству»): Михаилу, Гавриилу, Рафаилу, Уриилу, Селафиилу, Вархиилу и Иегудиилу в этой композиции отводится ведущее место на радиальных гранях. Они изображаются с характерными атрибутами, признаками их иерархического служения: Михаил – с мечом и пальмовой ветвью; Гавриил – с фонарем, книгой или цветочной ветвью лилии; Рафаил – с алавастром мира или со своим спутником Товией; Иегудиил – с царским венцом; Уриил – с огненным мечом и т.д. Исходным материалом для данной иконографии «небес» послужили стенописи каменных храмов, где фигуры архангелов часто размещались в куполах и между окнами барабана, а также гравюры и иллюстрированные печатные издания.

В состав радиальных граней включали композицию «Распятие». Ее писали обязательно на той грани, которая направлена к иконостасу и строго к востоку. Если «небесная» композиция достигала двенадцати радиальных граней, то ее дополняли фигуры евангелистов. Их изображения следует искать именно на тех четырех гранях, которые направлены к углам перекрываемого объема. Таким образом, евангелисты в системе декорации «небес» занимают положение, сходное парусам каменных храмов.

Второй иконографический тип росписей, характерный для Кенозерья, – «небеса» с изображением апостолов. Целые апостольские ряды написаны в часовне д. Рыжково и церкви в Порженском. Святые выстроены в строгом порядке, соответствующем деисусному чину иконостаса. Они изображены на «небе» в небольших ракурсах, благодаря чему создается иллюзия движения. Шествие святых начинается от граней, направленных к западу, и, разворачиваясь по кругу, направлено к восточной стене. Вся композиция объединена единым ритмом, общими пропорциями и повторяющимся рисунком фигур и складок.

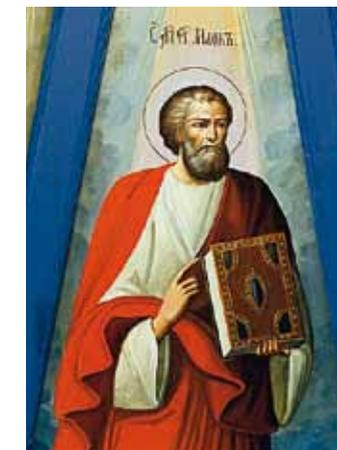
Среди «небес» Кенозерья встречаются уникальные иконографические программы. На шестнадцати гранях потолка часовни в д. Немята под фигурами апостолов и святителей написаны сюжеты из жизни Христа и Богородицы. Создается впечатление, что два ряда иконостаса (праздничный и деисусный) плавно переместились на «небо». Однако это не исключало присутствие деисусного чина и в иконостасе того же храма.

Уникальной особенностью кенозерских «небес» является включение в иконографическую канву изображений святых покровителей часовни или церкви и их заказчиков. Это вызвано особым почитанием каждой деревней своего праздника, соименного названию местного храма. Так, на «небе» часовни в д. Минино появился образ вмч. Георгия Победоносца, в часовне Трех святителей в д. Немята – образы святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста и Иоанна Богослова, а в часовне Рождества Иоанна Предтечи в д. Рыжково – одноименная композиция. Все перечисленные образы были повторены

и в иконостасах соответствующих часовен. В стенописях куполов каменных храмов неизвестны параллели этому необычному явлению. Такая «привязанность» к конкретным сюжетам и святым свойственна замкнутым территориям, где праздник местного храма ассоциировался с праздником села и был необычайно популярен.

Изображение на «небесах» духовных покровителей местных крестьян или заказчиков храмов – это, пожалуй, самая специфическая и удивительная деталь кенозерских росписей. Так, в системе росписи «неба» часовни в д. Тамбич-Лахта появились образы свт. Андрея Критского и вмч. Феодора Стратилата. Долго оставался загадкой дважды изображенный на «небесах» церкви Почезерского погоста преп. Иоанн Лествичник. Грань с его изображением есть и в алтаре, и в основной части храма. Последние архивные находки⁶ позволили выяснить, что в 1880-е гг. устройтеlem новой церкви Происхождения Честных древ Креста Господня стал «торгующий почезерский крестьянин» Иван Красков, святым покровителем которого, вероятно, и был преп. Иоанн Лествичник. А вот кому из местных крестьянок покровительствовали вмчц. Дарья и Екатерина, изображенные на радиальных гранях того же храма, пока остается неизвестным.

Кто украшал живописью храмы Кенозерья? Однозначно на этот вопрос ответить нельзя. В собрании Кенозерского национального парка хранятся иконы разного времени, начиная с конца XVII в. («Воскресение – Сошествие во ад», «Апостолы Павел и Иоанн Богослов» из д. Зехново). В XVIII – XIX вв. ряд заказов на живописные работы

3

4

3 «Св. апостол евангелист Марк». Часовня Введения Богородицы во храм. Д. Рыжково. Конец XIX – начало XX в.

4 «Св. апостол евангелист Лука» (фрагмент);

«Св. апостол Филипп». Часовня Введения Богородицы во храм. Д. Рыжково. Конец XIX – начало XX в.

в Кенозерье выполнили олонецкие мастера, работавшие в живописных традициях Выговской старообрядческой пустыни. К их творчеству можно отнести «небеса» в часовне д. Зехново и алтаре Порженского погоста, деисусный чин иконостасов в д. Семеновская и Зехново, иконостас в д. Рыжково. Все перечисленные произведения написаны «под старину»: в технике темперной живописи на основе древних иконописных образцов. Этой же линии в искусстве придерживался онежский иконописец Павел Максимов⁷, создавший в середине XIX в. «небо» четверика Георгиевской церкви в д. Порженское.

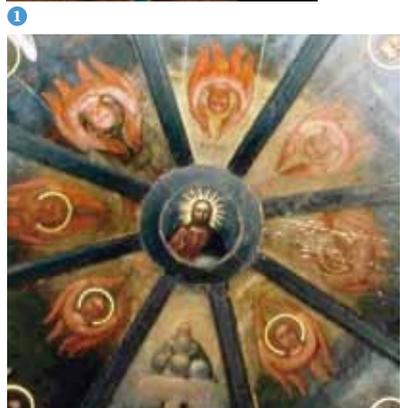
После репрессий в период царствования Николая I ужесточился контроль над иконописцами, которых обязали получать соответствующие разрешения, «дабы их образы были непредвзятельны». Приходскому духовенству вменялось в обязанность тщательное наблюдение за торговлей иконами. Согласно Уложению о наказаниях писать иконы имели право только цеховые мастера с одобрения начальства, в противном случае они подвергались суду⁸. В этих сложных условиях жители Кенозерья предпочли иметь дело с иконописцами, придерживавшимися официальной линии в иконописи.

Значительную часть кенозерского наследия составляют памятники поздней академической живописи. По официальному мнению Церкви, они наиболее соответствовали понятию высокого искусства. Святой Синод во второй половине XIX в. признал «весьма полезным посредничество Императорской Академии художеств»⁹ в создании произведений церковной живописи. Поскольку жители Кенозерья часто

уходили на заработки в соседние области и Санкт-Петербург, они, заботясь о «благолепии» своих храмов, имели широкие возможности привлечь художников из других регионов. «Небо» в д. Тырышкино написал в первой трети XIX в. иконописец Владимирской губернии Стефан Кознов¹⁰. Художник длительное время работал на Севере, заключая договоры со многими приходами Архангельской губернии. Он обладал хорошим профессиональным рисунком, основанным на знании академических образцов.

В конце XIX – начале XX в. очередным поколением художников академического направления были созданы «небеса» в д. Немята, Тамбич-Лахта и Рыжково, иконостас в д. Минино. Эта группа «небес» и икон имеет ряд общих черт и иконографических особенностей. Выскажем предположение, что они созданы артелью иконописцев Катинных¹¹, которые были крестьянами Вологодской губернии. Отец семейства Дмитрий Капитонович Катин в 1874 г. открыл иконописную и живописную мастерскую в Архангельске. Позже с ним работали два сына: Иван и Константин. Известно, что последний из них обучался в Академии художеств, но рано умер. Иван Дмитриевич был широко известен своими иконописными работами на Севере, неоднократно отмечавшимися как художественные произведения «греческого» письма.

В конце XIX в. в храмах Кенозерья активно работал местный иконописец из с. Конево Пудожского уезда Федор Захаров Иок (родился в 1864). В 2008 г. во время демонтажа «неба» в часовне пос. Усть-Поча сотрудником кенозерского парка М. Гусевой на одной

1 «Святитель Андрей Критский и великомученик Феодор Стратилат». Часовня Рождества Богородицы. Д. Тамбич-Лахта. Последняя четверть XIX в.

2 Центральная часть «неба» часовни Св. Параскевы Пятницы. Д. Тырышкино. С.Н. Кознов. Первая треть XIX в.

1 Часовня Трех святителей. Д. Немята. Конец XVIII в.

2 «Небо» часовни. Конец XIX в.

3 Угловая грань

4 «Апостол Симон»,

«Преображение»

5 «Василий Великий», «Уверение Фомы»

❶ «Евангелист Марк». Фрагмент. Часовня Рождества Богородицы. Д. Тамбич-Лакта. Последняя четверть XIX в.
 ❷ «Евангелист Иоанн Богослов». Часовня

Рождества Богородицы. Д. Тамбич-Лакта. Последняя четверть XIX в.
 ❸ «Введение Богоматери во храм». Часовня Введения

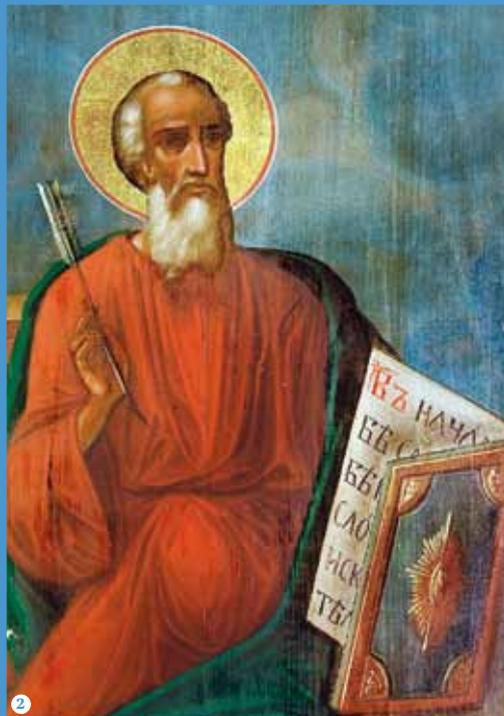
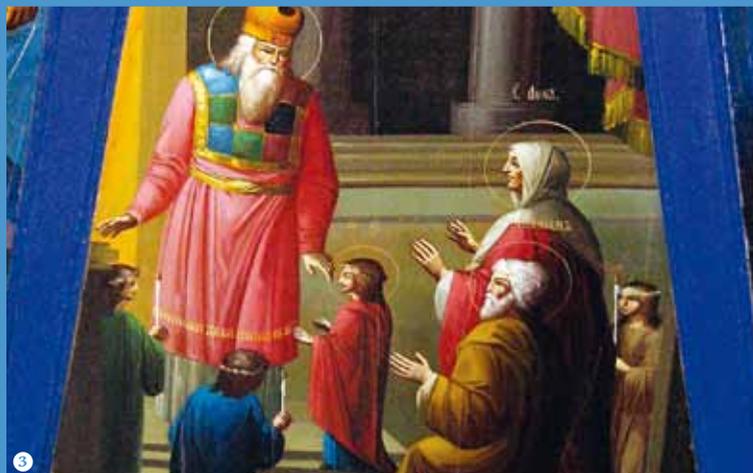
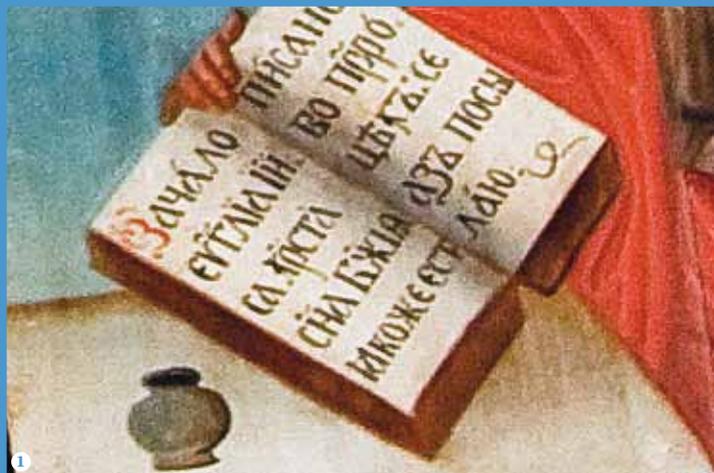
Богоматери во храм. Д. Рыжково. Конец XIX – начало XX в.
 ❹ «Евангелист Лука». Фрагмент. Часовня Св. Параскевы Пятницы. Д. Тырышкино.

С.Н. Кознов. Первая треть XIX в.
 ❺ «Серафим». Часовня Введения Богоматери во храм. Д. Рыжково. Конец XIX – начало XX в.

❻ «Распятие». Часовня Рождества Богородицы. Д. Тамбич-Лакта. Последняя четверть XIX в.
 ❼ «Ангел трубящий». Часовня Рождества

Богородицы. Д. Тамбич-Лакта. Последняя треть XIX в.
 ❽ «Архангел Михаил и евангелист Иоанн Богослов». Георгиевская церковь.

Д. Порженское. П.Г. Максимов. Середина XIX в.

1

2

1 «Великомученик Георгий Победоносец». Часовня Казанской Богоматери. Д. Минино. Ф.З. Иок. Конец XIX в.

2 «Распятие». Часовня Николая Чудотворца. Д. Вершинино. Ф.З. Иок. Последняя треть XIX в.

из граней была обнаружена надпись: «ПИСАНЫ СИИ НЕБЕСА В 1881 ГОДУ ЖИВОПИСЦОМ ФЕДОРОМ ЗАХАРОВЫМ ИОКОМ, УРОЖЕНЦОМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБ. КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА МИШКОВСКОЙ ВОЛОСТИ ДЕРЕВНИ БОЛЬШОЕ КОНЕВО ОТ РОДУ 17 ЛЕТ МАСТЕ». На «небе» изображены фигуры архангелов и евангелистов. В центральном круге – Новозаветная Троица. На восточной грани вместо традиционного Распятия – свт. Николай, которому посвящена часовня. Необычным является решение заказчиков вынести на расписной свод не только фигуру святого, но и сюжеты из его жития. Житийный цикл состоит из семнадцати композиций, изображенных в прямоугольных клеймах в нижней части граней. На фоне высоких образцов искусства творчество Федора Иока выглядит недостаточно профессиональным.

Не всегда художнику удаются рисунок и органичные пропорции фигур. Однако всем его образам присуща притягательная наивность. Для живописи Иока характерно сочетание архаики и классики, профессионализма и незамысловатого ремесла. Федор Захаров Иок проявил себя как деревенский иконописец-самородок. Немало часовен Кенозерья было украшено созданными им «небесами» и иконами: в часовнях д. Вершинино, Карпово, Минино и в церкви с. Бережная Дуброва.

Реставрация «небес» – дело трудоемкое, требующее применения новых технологий. Особую сложность представляет то, что «небеса» всегда хранились в условиях неотапливаемого храма. Часть росписей выполнена темперой, большинство – в технике масляной живописи. Деревянная основа многих

граней значительно повреждена, иногда со следами гниения. Живопись находится под слоем потемневшей олифы и загрязнений, встречаются поздние записи. Первыми приобрели опыт реставрации «небес» Кенозерья учащиеся Санкт-Петербургского художественного училища им. Н.К. Рериха, которые в 1989–1992 гг. под руководством И.В. Ярыгиной укрепили ряд памятников и завершили полную реставрацию ансамбля часовни Трех святителей в д. Немята и иконостаса в д. Семеновская. Следом за ними эстафету подхватили реставраторы Архангельского филиала ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря, которые восстановили «небеса» часовен в д. Зехново и Вершинино, а также Порженского и Почезерского погостов. В 2008–2009 гг. в ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря отреставрировано «небо» из Никольской часовни в пос. Усть-Поча.

Группа кенозерских «небес» – одна из самых представительных. Она объединяет пятнадцать комплексов XVIII – начала XX в., происходящих из деревянных церквей и часовен. В Кенозерье на протяжении столетий работали прекрасные мастера-декораторы, создавшие уникальные образцы монументальных росписей. Крестьянская иконопись, утвердившаяся благодаря особому укладу жизни и специфическим социальным условиям, существовала здесь параллельно с творчеством мастеров, привлеченных из крупных посадов и городов Севера и Центральной России. Основными заказчиками в Кенозерье были крестьяне. В соответствии со своими представлениями и средствами они и сформировали свой особый художественный мир часовни.

Примечания

1. Данилова Л.В. Очерки по истории землеведения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 291.
2. Суслев В.В. Путевые записки о Севере России и Норвегии // Зодчий. 1889; Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909; Кузнецов В.К. Кустарные промыслы крестьян Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Т. I. Петрозаводск, 1902; Докучаев-Басков К.А. Путевые заметки // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 2; Ильин М.А. Крестьянская изба Кенозера // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. IV. 1928.
3. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982; Гунн Г.П. Каргополье – Онега. М., 1989; Он же. Каргопольский озерный край. М., 1964; Смирнова Э.С. По берегам Онежского озера. Л., 1969; Кольцова Т.М. «Небо» и его росписи в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993; Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура. Архангельск, 2005.
4. Архив АОМИИ. Ф. 3-Н. Д. 1. Выписки из отчета ГЦХРМ об экспедиции под руководством Н.Н. Померанцева, 1958 г.; Д. 16. Смирнова Э.С. Отчет об экспедиции Государственного Русского музея по обследованию и учету произведений древнерусского искусства на территории Архангельской области, 1962; Брюсова В.Г. Отчет о поездке в Архангельскую область, 1964; Д. 297. Миткевич М.В., Соломина В.П., Фокин Е.И. Отчет экспедиции АОМИИ в Плесецкий район, 1972; Кольцова Т.М., Мурашов А.П. Отчет о командировке в Плесецкий район, 1987; Архив СГИАПМЗ. Кольцова Т.М. Отчет о командировке в район Кенозера, 1981; Архив ВХНРЦ. Ф. 2 Н.Н. Померанцева.

5. Экспедиции ГРМ (Э.С. Смирнова, 1962), ЦМиАР (И.А. Кочетков, 1971), ГЦХРМ (Н.Н. Померанцев, Н.А. Крошечкин, Г.Н. Кузнецов, И.Н. Петров, 1958), ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря (С.Ф. Вигасина, М.Ф. Луговской, А.Н. Селезнева, 2008), СГИАПМЗ (Т.М. Кольцова, Т.В. Шилова, 1981, 1985), АОМИИ (О.Н. Вешнякова, Г.А. Григорьева, Т.М. Кольцова, М.В. Миткевич, А.П. Мурашов, В.П. Соломина, Е.И. Фокин, 1972, 1985, 1987) и другие. Последняя экспедиция, организованная в 2008 г. КНП (М.Н. Мелютин) совместно с ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря (С.Ф. Вигасина, А.Н. Селезнева, М.Ф. Луговской), позволила зафиксировать состояние сохранности живописи памятников, хранящихся в часовнях Кенозерья, и проанализировать современную ситуацию.
6. Архив КНП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Почозерский погост. Научно-проектная документация. Историческая справка (автор – Е.Б. Заручевская). Т. 1. Архангельск, 2001.
7. Кольцова Т.М. Иконы Северного Поонежья. М., 2005. С. 82–87.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
9. Церковные ведомости. 1880. № 18.
10. Кольцова Т.М. Северные иконописцы. Опыт библиографического словаря. Архангельск, 1998. С. 148–151.
11. Она же. Семейные фотографии Катинных // Генеалогия на Русском Севере: связь с общественными науками: материалы Международной научной конференции. Архангельск, 10–11 сентября 2008 г./отв. ред. Л.Д. Попова. Архангельск, 2009. С. 125–134.

Реставрация расписного
«неба» работы Федора
Захарова Иока из часовни
Николая Чудотворца
в пос. Усть-Поча

Марина Скутте,
художник-реставратор высшей квалификационной
категории ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря

Реставрация расписного «неба» работы Федора Захарова Иока из часовни Николая Чудотворца в пос. Усть-Поча

Комплекс расписное «небо» из собрания Национального парка «Кенозерский» поступил на реставрацию в ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря в апреле 2009 г. Он состоит из 12 радиальных граней с изображениями архангелов, евангелистов и сцен жития свт. Николая Мирликийского, 4 угловых граней с изображениями серафимов и центральной иконы (медальона) с изображением Св. Троицы Новозаветной.

После визуального обследования комплекса стало ясно, что предварительно необходимо провести его тотальную обработку от плесени, поразившей все экспонаты. Иконы подвергли антисептической обработке, а затем разместили в помещениях отдела древнерусской темперной живописи.

Перед началом реставрационных работ были проведены необходимые химические исследования покровного слоя, красочных слоев и грунта¹. По результатам анализа удалось выявить все технологические особенности подготовки досок к работе, определить состав связующего живописи и грунта, а также уточнить цветовую палитру художника.

Состояние сохранности комплекса при поступлении на реставрацию можно охарактеризовать как аварийное. Особенно это касалось деревянной основы нескольких граней и двух парусов. Вероятно, именно они в течение длительного времени находились в том месте, где протекала крыша часовни. Вода стекала по тыльной стороне икон, задерживаясь на выступающих частях шпонок, а затем накапливалась в месте нижней опоры и крепления досок к горизонтальным тяблам. В результате постоянного воздействия воды древесина в этих местах разрушалась

настолько, что на отдельных участках превратилась в труху. Конструктивная целостность щитов всех икон также оказалась нарушенной вследствие постоянного нахождения «неба» во влажном помещении: полусгнившие шпонки уже не могли удерживать доски между собой, и они постепенно расходились по склейке на отдельные составляющие. Таким образом, самая кропотливая и многодельная фаза полной реставрации этих экспонатов пришлась как раз на укрепление разрушенной древесины и восстановление основы.

Следует отметить, что при подборе досок для изготовления основы «неба» использована не самая качественная древесина хвойной породы с многочисленными сучками, иногда с сердцевинной. Заметим, что такой материал опытные столяры, как правило, отбраковывали. На тыльной стороне строганых, местами тесаных досок видны характерные следы обработки рубанком и топором. Щиты 12 радиальных граней имеют трапециевидную форму, количество досок, составляющих каждый, варьируется от пяти до семи. Изначально доски были хорошо прифугованы и склеены между собой, а внутри скреплены деревянными шкантами. С тыльной стороны щитов врезаны по две встречные сквозные шпонки, которые сохранились не на всех иконах. Со временем многие доски растрескались, некоторые их части стали подвижными и удерживались только на одной сохранившейся шпонке либо позднее вовсе были прикреплены металлическими гвоздями. Самыми ветхими по состоянию сохранности оказались две из четырех угловых треугольных граней. Они развалились на части еще задолго до наших дней и были

скреплены между собой на скорую руку обычными досками, прибитыми железными гвоздями.

Верхние и нижние края на некоторых иконах имеют выступающие доски, и это свидетельствует о том, что их не выровняли изначально. Толщина досок также не везде одинакова.

Кроме участков с обширной деструкцией древесины, возникшей под воздействием сырости, на тыльных сторонах досок виднелись многочисленные отщепы и сколы дерева, отверстия от выпавших сучков и летные отверстия от жуков-точильщиков. Коробление досок оказалось весьма незначительным.

Если учитывать размеры икон, то отсутствие паволоки вполне объяснимо. Но если сравнивать кенозерское «небо» с «небесами» более раннего периода, происходящими, к примеру, из Обоньки на территории современной Карелии, где с XVII в. существовали мастерские монументальной живописи и была сильна традиция расписных «небес», то стоит заметить, что ранние мастера подготавливали основу под будущую роспись гораздо тщательнее: почти все доски имеют частичную паволоку и более плотный левкас (незагрунтованными оставляли заходящие за тябла участки по периметру граней).

Грунт по результатам химических исследований представляет собой очень тонкий слой желтоватого цвета, состоящий из небольшого количества мела и пигмента (охры желтой), смешанных с белковым клеем с добавлением масла. Толщина эмульсионного грунта настолько мизерна, что использование термина «грунт» в данном случае носит условный характер. Этот слой следовало бы назвать проклейкой с добавлением мела и пигмента. Конечно, такой

слой не способен перекрыть все неровности доски, поэтому под живописью легко читается грубоватая фактура плохо обработанной инструментом древесины с разошедшимися и выступающими над поверхностью сучками. Но кроме эстетических просчетов, качество грунта повлияло на сохранность живописи: связующее из красочного слоя почти полностью втянулось в доску, ослабив тем самым связь в колерах.

При перетирании красок в качестве связующего художник также использовал смесь масла и белкового клея, что позволяет классифицировать технику живописи как «смешанная техника». Палитра художника ограничивалась самым простым набором: железный сурик (оттенки коричневого варьируются в зависимости от количества добавленных белил), охра, берлинская лазурь, желтый и зеленый пигменты, сажа и свинцовые белила, которые из экономических соображений разбавлены мелом. Поэтому общий колорит всего комплекса выглядит довольно сдержанно. Скромные возможности молодого деревенского художника в данном случае сыграли положительную роль в художественном строе столь монументального цикла: небольшое количество неярких цветов гораздо легче гармонизировать между собой (тем более живописцу неопытному, каким, очевидно, являлся автор этих потолочных росписей). Для золочения нимбов использовано не золото, но более дешевый материал – «двойник». Верхний слой золота местами утрачен, а нижележащее серебро на этих участках выглядит темными пятнами. Можно предположить, что росписи некогда подвергались небольшой «косметической» реставрации, а именно промы-

ванию слабым щелоком, результатом чего и явилось размывание золочения и последующее окисление оголенного серебра. Красочный слой также имеет характерные следы «промывки» в виде потертостей.

Живопись покрыта тонкой помутневшей лаковой пленкой, местами разложившейся и побелевшей, что является также следствием воздействия неблагоприятного микроклимата.

Расширенный реставрационный совет выработал основные методические рекомендации, утвердив план и последовательность реставрационных процессов. Особое внимание было уделено выбору материала для укрепления основы, поскольку именно сильнейшая деструкция древесины стала основной проблемой реставрации этого комплекса в целом. Решили использовать разработанный в Дзержинском НИИ полимеров и исследованный в ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря состав под названием *ВХВД-65* (водная дисперсия сополимеров винилхлорида и винил-иденхлорида). Этот материал отвечает всем требованиям современной консервации памятников и неоднократно применялся в музейной реставрации. Дисперсия имеет отличную проникающую способность в самую глубину структуры дерева, не создает пленку, восстанавливая при этом прочность древесных волокон².

На начальном этапе реставрации укреплялись аварийные участки с шелушениями живописного слоя. Масштабное и трудоемкое укрепление требовалось на гранях и парусах с фоном, корпусно выкрашенных голубым цветом. В плотном слое краски, положенном на тонкую проклейку (грунт),

со временем образовался рельефный жесткий кракелюр с приподнятыми краями, и его было необходимо тщательно уложить. После этого с живописи удалили поверхностные загрязнения в виде копоти и пыли, наплывы смолы вокруг сучков основы, птичий помет, а также подтеки синей и зеленой масляной краски по периметру досок, появившиеся, вероятно, во время небрежного поновления тябел.

Первоначальное покрытие живописи, тонкое и помутневшее, также удалили. Состав для смывки поверхностных наслоений для каждого колера подбирался отдельно: некоторые цвета (к примеру, использованные без добавления белил) имели очень слабую структуру. Это можно объяснить тем, что связующее красочного слоя на некоторых слабо проклеенных участках ушло в древесину, ослабив тем самым связь между частицами пигмента.

После полного раскрытия живописи и укрепления красочного слоя с грунтом иконы были повернуты тыльной стороной кверху, и начался процесс укрепления руинированной древесины. Многократные пропитки проводились до полного насыщения разрушенных участков, притом соблюдались определенные временные интервалы, позволяющие составу стабилизироваться, доскам просохнуть, а реставратору контролировать состояние укрепляемых участков. Этой же дисперсией пропитали рыхлую древесину верхних и нижних торцов всех икон. После того как дерево приобрело утраченную прочность, стало возможным проведение работ по переборке каждого щита. Были выбиты первоначальные сохранившиеся шпонки,

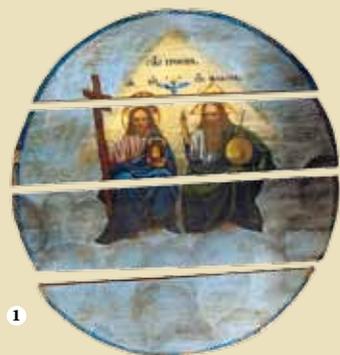
отделены те части основы, которые полностью разошлись по стыку. Места склейки зачистили, после чего доски скрепили между собой врезными деревянными шкантами и плотно пригнали друг к другу без использования клея. Доски решили не склеивать наглухо, чтобы у них оставалась возможность слегка двигаться относительно друг друга, не образуя дополнительных напряжений: предполагается, что после реставрации они будут помещены в привычную для себя среду, где нет возможности поддерживать постоянный температурно-влажностный режим. Для восстановления конструктивной прочности изготовили новые шпонки взамен утраченных, а также сделали дорезки из выдержанной древесины на тех иконах, где древесина имела значительные утраты и красочный слой едва удерживался на тончайшем истлевшем верхнем слое дерева. Новые дополнения смонтировали на деревянные шканты, промежутки между авторской и новой древесиной заполнили доделочной массой с опилками. Таким образом восстановлена первоначальная форма граней, а также несущая опорная функция нижнего края основы.

Следующим этапом реставрационных мероприятий стала зачистка утрат красочного слоя и подведение нового левкаса с последующей легкой шлифовкой. При этом следовало иметь в виду то обстоятельство, что реставрационный левкас должен повторить неровную авторскую фактуру, иначе тонировки будут заметны. После этого провели тонирование всех потертостей и утрат первоначальной живописи. Поверхность икон покрыли лаком.

Таким образом, отход автора кенозерского «неба» от принятых ранее технологических приемов указывает не только и не столько на неопытность мастера, а скорее на общую тенденцию упрощения процесса живописи, переход на универсальную масляную технику письма как приемлемую для различных видов основы (будь то холст, доска или штукатурка), вследствие чего постепенно утрачивались старые традиции церковного искусства в целом.

Примечания

1. Исследования проведены ведущим научным сотрудником отдела физико-химических методов исследований ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря к. х. н. Е.А. Хайбуллиной.
2. *Сумакова И.С., Юрченко В.В.* Применение синтетических латексов для укрепления деревянной скульптуры // Древнерусское искусство: исследования и реставрация: сб. науч. тр./ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. М., 1985. С. 128–133.

1 Кат. 8. В процессе переборки основы
2 Замковое кольцо до реставрации
3 Кат. 12. Щит иконы в процессе переборки основы
4 Фрагменты щита иконы в разобранном виде с первоначальными деревянными креплениями (шкантами)
5 Фрагмент щита иконы в процессе врезки дополнительных креплений (шкантов)

7 Кат. 16. Фрагмент разрушенной древесины в процессе укрепления

9 Кат. 17. Фрагмент разрушенной древесины в процессе укрепления

6 Кат. 15. До реставрации
7 Кат. 16. Фрагмент разрушенной древесины в процессе укрепления
8 Общий вид тыльной стороны после укрепления основы, восполнения крупных утрат древесины новыми дорезками
9 Кат. 17. Фрагмент разрушенной древесины в процессе укрепления
10 Фрагмент разрушенной древесины в процессе укрепления

11 Кат. 19. Фрагмент рунированной древесины в процессе укрепления
12 Фрагмент нижней части иконы после восполнения значительных утрат основы при помощи дорезков из новой древесины, смонтированных на дополнительные шканты
13 Фрагмент верхней части иконы в процессе удаления поверхностных загрязнений и затеков краски
14 Фрагмент нижней части иконы в процессе укрепления основы

11 Кат. 19. Фрагмент рунированной древесины в процессе укрепления
12 Фрагмент нижней части иконы после восполнения значительных утрат основы при помощи дорезков из новой древесины, смонтированных на дополнительные шканты
13 Фрагмент верхней части иконы в процессе удаления поверхностных загрязнений и затеков краски
14 Фрагмент нижней части иконы в процессе укрепления основы

15 Кат. 22. Общий вид лицевой стороны до реставрации
16 Общий вид тыльной стороны до реставрации

17 Щит иконы после восполнения утраченных частей древесины новыми дорезками. Доски скреплены между собой новой шпонкой

18 Кат. 24. Общий вид лицевой стороны до реставрации
19 Общий вид тыльной стороны до реставрации

«Небо» из часовни Николая
Чудотворца в пос. Усть-Поча.
Мастер Федор Захаров Иок.
188г.
Общий вид до реставрации

Общий вид
после реставрации

Каталог

Пояснения к каталогу

Каталог состоит из разделов I. «Небеса» Кенозерья; II. Кенозерское иконописное наследие; III. Художественный мир часовни.

В пределах каждого раздела экспонаты представлены по хронологии создания. Нумерация принята единая, сквозная.

Каждое каталожное описание содержит:

- 1) название;
- 2) время создания;
- 3) место создания, имя мастера;
- 4) сведения о происхождении;
- 5) принадлежность музею, инвентарный номер или номер КП;
- 6) указание материала и техники изготовления, характеристики доски, размеры (в см);
- 7) сведения о реставрации памятника (с указанием названия организации, в которой реставрировался памятник, имени реставратора, времени проведения реставрационных работ).

I. «Небеса» Кенозерья

1–3. «Небо»

Конец XVIII в. (с чинками середины XIX в.) Олонецкая губерния. Старообрядческая иконописная артель

Происхождение: из Георгиевской церкви д. Порженское.

КНП. № 2910079002 (в алтаре храма) Дерево; левкас, смешанная техника (темпера, масло)

328 × 342 (размер алтаря «в свету»).

Сохранившаяся часть восьмигранного «неба» состоит из шести радиальных граней. На выставке представлены три радиальные грани.

1. Радиальная грань «Вседержитель»

146 × 116.

До реставрации

После реставрации

2. Радиальная грань «Архангел Михаил»

148 × 113.

До реставрации

После реставрации

3. Радиальная грань «Архангел Гавриил»

143 × 117

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад И.Э. Грабаря. О.Г. Жаренова, Т.Ю. Турыгина, А.В. Чекин. 2007–2008.

До реставрации

После реставрации

4–7. «Небо»

Последняя треть XIX в.

Федор Захаров Иок, иконописец Мишковской волости Каргопольского уезда (род. 12. 09. 1864)

Происхождение: из часовни Казанской богоматери д. Минино КНП. № 2900480000

Дерево (сосна); клеевой грунт, масло, позолота на нимбах 332 × 335 («в свету»).

4. Центральная икона (медальон) «Вседержитель»

Д 48.

5. Радиальная грань «Великомученик Георгий»

152,5 × 56.

6. Радиальная грань «Богоматерь»

148 × 22.

7. Радиальная грань «Архангел Гавриил»

159 × 56,5.

Консервация: СПХУ им. Н.К. Рериха. Учащиеся под руководством И.В. Ярыгиной. 1992.

8–24. «Небо»

1881

Федор Захаров Иок, иконописец Мишковской волости Каргопольского уезда (род. 12. 09. 1864)

Происхождение: из часовни Николая Чудотворца пос. Усть-Поча

КНП

Дерево (сосна); клеевой грунт, масло, позолота на нимбах

440 × 509 («в свету»)

Комплекс состоит из центральной иконы, двенадцати радиальных трапециевидных граней и четырех угловых треугольных граней. На радиальных гранях в нижней части в прямоугольных клеймах изображен житийный цикл святителя Николая.

8. Центральная икона (медальон) «Троица Новозаветная»

Д 114

№ 2900491000/17; ВХНРЦ КП 5943/Т-4514

Реставратор С.А. Субочев.

9. Радиальная грань «Святитель Николай», «Перенесение мощей св. Николая Чудотворца из Мирликских в Бар грат»

Инвар. № 2900491000/5; ВХНРЦ КП 5931/Т-4502

259,5 × 133,4

Реставратор Л.А. Миронова.

10. Радиальная грань «Евангелист Иоанн», «Св. Николай Чуд [отворец] исцели у жены руку сухую», «Учение в грамоте св. Николая Чуд [отворца]»

Инвар. № 2900491000/4; ВХНРЦ КП 5932/Т-4503

255,5 × 135

Реставратор Т.М. Мосунова.

11. Радиальная грань «Архангел Гавриил», «Поставление во епископы св. Николая Чудо [творца]»

Инвар. № 2900491000/3; ВХНРЦ КП 5933/Т-4504

228,5 × 132

Реставратор М.А. Скутте.

12. Радиальная грань «Архангел Уриил», «Обнищавшему мужу подади злато в окно св. Николай Чуд [отворец]»

Инвар. № 2900491000/2; ВХНРЦ КП 5934/Т-4505

230 × 133,5

Реставратор Г.В. Цируль.

13. Радиальная грань «Евангелист Лука», «Св. Николай Чудо [творец] изгна беса из древа», «Св. Николай Чудо [творец] избави Петра из темницы»

Инвар. № 2900491000/1; ВХНРЦ КП 5935/Т-4506

252 × 132

Реставратор И.Н. Тяпкина.

14. Радиальная грань «Архангел Иегудиил», «Погребение св. Николая Чу [дотворца]», «Св. Николай Чудо [творец] избави трех мужей от потопления»

Инвар. № 2900491000/12; ВХНРЦ КП 5936/Т-4507

255 × 134,5

Реставратор Л.А. Миронова.

15. Радиальная грань «Архангел Варахиил», «Св. Николай Чуд [отворец] избави Димитрия от потопа», «Св. Николай Чуд [отворец] избави Агрикова сына от сарацын»

Инвар. № 2900491000/11; ВХНРЦ КП 5937/Т-4508

251,5 × 130,5

Реставратор М.В. Наумова.

16. Радиальная грань «Евангелист Марк», «Св. Николай Чуд [отворец] избави трех

воевод от темницы», «Св. Николай избави Христофора от пресечения»

Инвар. № 2900491000/10; ВХНРЦ КП 5938/Т-4509

256 × 133

Реставратор Е.В. Рыжакова.

17. Радиальная грань «Архангел Селафиил», «Св. Николай Чуд [отворец] явися к ц[а]рю Мартиниану во сне»

Инвар. № 2900491000/9; ВХНРЦ КП 5939/Т-4510

220,5 × 126

Реставратор Р.Л. Носов.

18. Радиальная грань «Архангел Рафаил с Товией», «Поставление во дьякона св. Николая Чудо [творца]»

Инвар. № 2900491000/8; ВХНРЦ КП 5940/Т-4511

217,5 × 127,5

Реставратор Т.А. Милова.

19. Радиальная грань «Евангелист Матфей», «Рождение св. Николая Чудо [творца]», «Крещение св. Николая Чудо [творца]»

Инвар. № 2900491000/7; ВХНРЦ КП 5941/Т-4512

247,5 × 128,5

Реставратор А.И. Смирнов.

20. Радиальная грань «Архангел Михаил»

Инвар. № 2900491000/6; ВХНРЦ КП 5942/Т-4513

248 × 128,5

Реставратор И.Н. Тяпкина.

21. Угловая грань «Серафим»

Инвар. № 2900491000/13; ВХНРЦ КП 5944/Т-4515

121 × 68,8

Реставратор В.В. Занозин.

22. Угловая грань «Серафим»

Инвар. № 2900491000/14; ВХНРЦ КП 5945/Т-4516

115,5 × 61

Реставраторы Ф.Д. Царегородцев и В.В. Занозин.

23. Угловая грань «Серафим»

Инв. № 2900491000/15; ВХНРЦ КП 5946/Т-4517
121 × 62,2
Реставраторы Ф.Д. Царегородцев и В.В. Занозин.

24. Угловая грань «Серафим»

Инв. № 2900491000/16; ВХНРЦ КП 5947/Т-4518
118,2 × 61,5
Реставратор В.В. Занозин
Реставрация: ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря.
Реставраторы отдела древнерусской темперной живописи. Работа с деревянной основой проведена Е.И. Бучило и С.А. Субочевым. 2008–2009.

25–27. «Небо»

Последняя треть XIX в.
Федор Захаров Иок, иконописец Мишковской волости Каргопольского уезда (род. 12. 09. 1864)
Происхождение: из часовни Пахомия Кенского д. Карпово
КНП. № 2900477000
Дерево (сосна); клеевой грунт, масло, позолота на нимбах
296 × 352 («в свету»)
Комплекс состоит из восьми радиальных граней с изображением архангелов и Распятия, центрального медальона и четырех угловых граней. На выставке представлены три грани.

25. Радиальная грань «Распятие, с предстоящими Богородицею и апостолом Иоанном Богословом»
200,5 × 132.

26. Радиальная грань «Архангел Гавриил»
180 × 133.

27. Радиальная грань «Архангел Михаил»
201 × 126
Консервация: СПХУ им. Н.К. Рериха. Учащиеся под руководством И.В. Ярыгиной. 1992.

28–36. «Небо»

Конец XIX в.
Центральная Россия
Происхождение: из часовни Трех святителей д. Немята
КНП. № 2900481000
Дерево; паволока, смешанная техника (темпера, масло), позолота
493 × 505 («в свету»)
Комплекс состоит из центрального медальона, шестнадцати радиальных трапециевидных граней и трех угловых треугольных граней. На выставке «небо» представлено фрагментарно.

28. Центральный медальон «Вседержитель»
Д 82.

До реставрации

После реставрации

29. Радиальная грань «Апостол Симон», «Преображение»
323 × 113.

30. Радиальная грань «Апостол евангелист Марк», «Успение Богородицы»
281 × 105.

31. Радиальная грань «Апостол Варфоломей», «Введение Богородицы во храм»
330 × 105.

32. Радиальная грань «Апостол Фома», «Рождество Богородицы»
317,5 × 100,5.

33. Радиальная грань «Григорий Богослов», «Воздвижение креста»
325 × 109.

34. Радиальная грань «Василий Великий», «Уверение Фомы»
285 × 105.

35. Радиальная грань «Иоанн Златоуст», «Благовещение»
355 × 97.

36. Радиальная грань «Апостол Филипп», «Рождество Христово»
321 × 103
Реставрация: ЛХУ им. В.А. Серова. Учащиеся под руководством И.В. Ярыгиной. 1990.

II. Кенозерское иконописное наследие

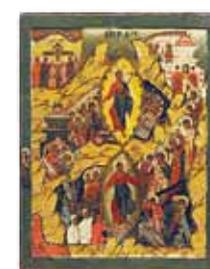
37. Воскресение Христово – Сошествие во ад
Последняя треть XVII в.

Русский Север. Поонежье
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Иоанна Богослова д. Зехново
КНП. КП 1
Доска сосновая из двух частей, с двумя сквозными шпонками и ковчегом; паволока, левкас, темпера, позолота
95 × 73
Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. И.В. Ходырева. 2006–2008.

До реставрации

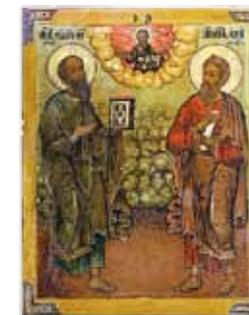

После реставрации

38. Апостол Андрей Первозванный и евангелист Иоанн Богослов
Последняя треть XVII в.
Русский Север. Поонежье

Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Иоанна Богослова д. Зехново
КНП. КП 2; ВХНРЦ КП 3888
Дерево; паволока, левкас, темпера
94 × 74
Реставрация: ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. И.В. Кузнецова.
2006–2007.

39. Иоанн Предтеча – ангел пустыни
Конец XVIII – начало XIX в.

Олонецкая губерния. Мастер-старообрядец
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Иоанна Богослова д. Зехново
КНП. КП 4
Дерево; паволока, левкас, темпера, позолота
94 × 71
Реставрация: СПХУ им. Н.К. Рериха. Учащиеся под руководством И.В. Ярыгиной. 1992.

40–46. Деисусный чин

Конец XVIII – начало XIX в.
Олонецкая губерния. Мастер-старообрядец
Происхождение: из иконостаса часовни Иоанна Богослова д. Зехново
Дерево; левкас, темпера, позолота.

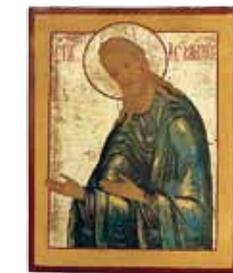
40. Богоматерь
Национальный парк «Кенозерский». КП 6
45 × 34.

41. Вседержитель
Национальный парк «Кенозерский». КП 5
46 × 33.

42. Иоанн Предтеча
Национальный парк «Кенозерский». КП 7
45 × 34.

43. Архангел Гавриил
Национальный парк «Кенозерский». КП 11
46 × 33.

44. Апостол Павел

КНП. КП 8
46 × 33.

45. Апостол Андрей Первозванный

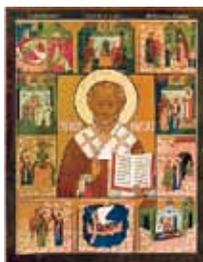
Национальный парк «Кенозерский». КП 9
46 × 34.

46. Апостол Симон Зилот

КНП. КП 10
46 × 34
Реставрация: СПХУ им. Н.К. Рериха. Учащиеся С.В. Никищенков, И.Б. Пермяков, О.В. Дубасова под руководством И.В. Ярыгиной. 1992.

47. Святитель Николай, в житии

Вторая половина XIX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Рождества Богородицы д. Тамбич-Лахта. Национальный парк «Кенозерский». КП 299
Дерево; паволока, левкас, темпера
92 × 72,5
Реставрация: ГМО «Художественная культура Русского Севера». А.П. Мурашов. 2004.

48. Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие, с монастырем

Вторая половина XIX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Рождества Богородицы д. Тамбич-Лахта
КНП. КП 300
Дерево; паволока, левкас, темпера
92 × 72,5
Реставрация: ГМО «Художественная культура Русского Севера». А.П. Мурашов. 2004.

49–54. Деисусный чин

Вторая половина XIX в.
Происхождение: из иконостаса часовни Рождества Богородицы д. Тамбич-Лахта
Доски цельные, с двумя торцовыми и двумя встречными шпонками; левкас, темпера, позолота.

49. Апостолы Павел и Матфей

КНП. КП 297
39,9 × 32,4.

50. Апостолы Варфоломей и Иаков

КНП. КП 298
39,7 × 32,8.

51. Апостолы Лука и Филипп

Национальный парк «Кенозерский». КП 295
38,5 × 32,4.

52. Апостол Петр и евангелист Иоанн Богослов

КНП. КП 293
40,5 × 32,2.

53. Апостолы Андрей Первозванный и Симон Зилот

КНП. КП 294
39,8 × 32,2.

54. Евангелист Марк и апостол Фома

КНП. КП 296
40 × 32,8
Консервация: ГМО «Художественная культура Русского Севера». А.П. Мурашов. 2004.

55. Архангел Михаил – воевода

Вторая половина XIX в.
Центральная Россия

Происхождение: из часовни Св. Анастасии д. Косицино
КНП. КП 35
Дерево; левкас, смешанная техника (темпера, масло)
47 × 37,5 × 1,6
Консервация: СПХУ им. Н.К. Рериха. Учащиеся под руководством И.В. Ярыгиной. 1992.

56. Архистратиг Михаил, с избранными святыми

Вторая половина XIX в.
Центральная Россия
Происхождение: из часовни Св. Анастасии д. Косицино
КНП. КП 41
Доска из трех частей, с двумя сквозными шпонками; левкас, смешанная техника (темпера, масло)
47 × 38 × 2,5
Консервация: СПХУ им. Н.К. Рериха. Учащиеся под руководством И.В. Ярыгиной. 1992.

57. Пророк Илия

Конец XIX – начало XX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса из часовни Георгия Победоносца д. Минино
КНП. КП 305/1
Доска из семи частей, с двумя сквозными врезными шпонками; левкас, масляная живопись, позолота
94 × 61,5.

58. Богородица Казанская

Конец XIX – начало XX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Георгия Победоносца д. Минино
КНП. КП 305/2
Доска из шести частей, с двумя сквозными врезными шпонками; левкас, масляная живопись, позолота
94 × 61.

59. Чудо Георгия о змие

Конец XIX – начало XX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Георгия Победоносца д. Минино
КНП. КП 305/3
Доска из семи частей, с двумя сквозными врезными шпонками; левкас, масляная живопись, позолота
94 × 61,5.

60. Богородица Киево-Владимирская

Конец XIX – начало XX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Георгия Победоносца д. Минино
КНП. КП 305/4
Дерево; левкас, масляная живопись, позолота
94 × 61.

61. Воскресение Христово

Конец XIX – начало XX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Георгия Победоносца д. Минино.
КНП. КП 305/5
Дерево; левкас, масляная живопись, позолота
94 × 61.

62. Вседержитель

Конец XIX – начало XX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Георгия Победоносца д. Минино.
КНП. КП 305/6
Доска из шести частей, с двумя сквозными врезными шпонками; левкас, масляная живопись, позолота
94 × 61.

63. Иоанн Предтеча

Конец XIX – начало XX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Георгия Победоносца д. Минино
КНП. КП 305/7
Дерево; левкас, масляная живопись, позолота
94 × 64.

64. Святитель Николай Чудотворец

Конец XIX – начало XX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Георгия Победоносца д. Минино
КНП. КП 305/8
Доска из шести частей, с двумя сквозными врезными шпонками; паволока, левкас, масляная живопись, позолота
93 × 61,5.

65. Иоанн и Прокопий Устюжские

Конец XIX – начало XX в.
КНП. КП 305/9
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Георгия Победоносца д. Минино.
Доска из шести частей, с двумя сквозными врезными шпонками; левкас, масляная живопись, позолота
94 × 61.

66–74. Деисусный чин

Конец XIX – начало XX в.
Происхождение: из местного ряда иконостаса часовни Георгия Победоносца д. Минино

Доски (Кат. 67–74) с двумя сквозными шпонками; левкас, масляная живопись, позолота 42 × 62.

66. Вседержитель
Доска из семи частей
КНП. КП 305/14.

67. Иоанн Предтеча и архангел Гавриил
КНП. КП 305/15.

68. Апостол Павел и евангелист Иоанн Богослов
КНП. КП 305/16.

69. Апостол Иаков и евангелист Лука
КНП. КП 305/17.

70. Апостолы Фома и Варфоломей
КНП. КП 305/18.

71. Богоматерь и архангел Михаил
КНП. КП 305/13.

72. Апостол Петр и евангелист Матфей
КНП. КП 305/12.

73. Евангелист Марк и апостол Андрей Первозванный
КНП. КП 305/11.

74. Апостолы Филипп и Симон
КНП. КП 305/10
Консервация: ГМО «Художественная культура Русского Севера». А.П. Мурашов. 2006.

75–77. Деисусный чин

Последняя треть XIX в.
Иконописец Ассикрит Давыдович Шамин.
Вельский уезд Вологодской губернии (?)
Происхождение: из Свято-Троицкой церкви Хергозерского прихода
Дерево; масло.

75. Вседержитель
КНП. КП 231
110 × 50.

76. Архангел Михаил
КНП. КП 237
120 × 65,5.

77. Апостолы Павел и Матфей
КНП. КП 220
119 × 88

Консервация: ГМО «Художественная культура Русского Севера». А.П. Мурашов. 2006.

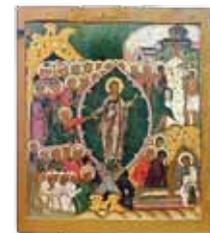
78–79. Праздничный чин

Последняя треть XIX в.
Иконописец Ассикрит Давыдович Шамин.
Вельский уезд Вологодской губернии (?)
Происхождение: из Свято-Троицкой церкви Хергозерского прихода
Дерево; масло.

78. Сошествие Святого Духа на апостолов
КНП. КП 241
54 × 85.

79. Преображение
КНП. КП 239
53,5 × 64,5
Консервация: ГМО «Художественная культура Русского Севера». А.П. Мурашов. 1995.

80. Воскресение Христово
Конец XVII – начало XVIII в.
Каргопольский краеведческий музей.
Инв. № 2167/47; ВХНРЦ КП 2754
Дерево; левкас, темпера
111 × 95
Реставрация: ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря.
И.Н. Тяпкина. Руководитель Л.А. Миронова.
2009.

81. Флор и Лавр (Чудо Архангела Михаила о Флоре и Лавре, с житием святых в клеймах)
XVII в.
Каргопольский краеведческий музей.
Инв. № 2130; ВХНРЦ КП 2611
Дерево; левкас, темпера
92 × 75

Реставрация: ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря.
Т.В. Гончарова. 2009.

III. Художественный мир часовни

82. Крест поклонный
XVIII в.
Русский Север
Происхождение: из часовни Кирика и Улиты д. Филиповская
КНП. КП 626
Дерево; резьба
214 × 174 × 12
Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. А.В. Чекин (укрепление). 2006.

83. Образок нагрудный «Богоматерь Одигитрия, со святыми Николаем и Власием»
Конец XV – начало XVI в.
Происхождение: из Никольской часовни д. Бухалово
КНП. КП 161
Медь; литье
5,5 × 5,5.

84. Складень четырехстворчатый «Дванадцатые праздники»
XVIII в. Поморское литье
Происхождение: из д. Шишкино
КНП. КП 75
Сплав меди, эмаль цветная; литье
10 × 16,5.

85. Крест «Распятие»
XIX в. Центральная Россия
Происхождение: из часовни Георгия Победоносца д. Минино
КНП. КП 307
Сплав меди; литье
15 × 9.

86. Киот для икон
Последняя треть XVIII в.
Олонечская губерния. Пудожский и Каргопольский уезды
Происхождение: из часовни Ильи Пророка д. Свиное
КНП. КП 137
Дерево; темпера; резьба по дереву, столярная работа, роспись
111,5 × 86,3
Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Т.Ю. Турыгина.
2007–2008.

До реставрации

После реставрации

87. Геометрический план Аглимозерской пустыни
1783

Происхождение: поступил от А.П. Ваулинского из д. Морщихинская в 1995
КНП. КП 246, КП 247
Бумага, ткань, чернила; рукопись, акварель
На двух листах: 31 × 65; 31 × 65
Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. М.А. Соколова. 2009.

До реставрации

После реставрации

До реставрации

После реставрации

88. Кацея

XVIII в. (с правками XIX в.)

Происхождение: из Никольской часовни

д. Бухалово

КНП. КП 263

Медный сплав; литье, просечка

13 × 29 × 10

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. А.В. Карпов. 2006.

89. Крест

XIX в.

Олонецкая губерния

Происхождение: из Никольской часовни д. Бухалово

КНП. КП 153

Дерево; резьба, раскраска

20,6 × 9,6 × 2,1

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Т.Ю. Турыгина и А.В. Чекин. 2006.

90. Херувим

XIX в.

Происхождение: из часовни Казанской Богоматери д. Минино

КНП. КП 643

Дерево, темпера, сусальное золото; резьба,

роспись, позолота

21,5 × 28,2 × 11,2

Реставрация: СПХУ им. Н.К. Рериха. Учащиеся под руководством И.В. Ярыгиной. 1992–2005.

91. Тарель для сбора пожертвований

Конец XIX – начало XX в.

Олонецкая губерния. Пудожский уезд

Происхождение: из часовни Св. Афанасия Многомилостливого д. Тарасово

КНП. КП 117

Дерево (кап); резьба, токарная работа

14 × 6,5 × 1,5.

92. Чаша водосвятная

Конец XIX в. Центральная Россия

Происхождение: из часовни Георгия Победоносца д. Минино

КНП. КП 306

Сплав меди; выколотка, штамповка, гравировка

47,1 × 39 × 26,4.

93. Полотенце

XIX в. Олонецкая губерния

Происхождение: из часовни Иоанна Предтечи д. Горбачиха

КНП. КП 48

Льняное полотно, ситец, хлопчатобумажные и шерстяные нити; шитье, вышивка, вязание крючком

243 × 39

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Г.А. Григорьева. 1992.

94. Полотенце

Конец XIX – начало XX в.

Олонецкая губерния

Происхождение: из часовни Георгия Победоносца д. Минино

КНП. КП 85

Льняное полотно, ситец, хлопчатобумажные нити; ручное ткачество, вязание крючком

212 × 33,5

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Г.А. Григорьева. 1992.

95. Полотенце

Конец XIX – начало XX в.

Олонецкая губерния

Происхождение: из часовни Рождества Богоматери д. Тамбич-Лахта

КНП. КП 86

Льняное полотно, кумач, шелк, хлопчатобумажная ткань, хлопчатобумажные нити; ручное ткачество, вязание крючком

209 × 28

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Г.А. Григорьева. 1992.

96. Полотенце

Конец XIX – начало XX в.

Олонецкая губерния

Происхождение: из часовни Георгия Победоносца д. Минино

КНП. КП 83

Льняное полотно, кумач, миткаль, хлопчатобумажные нити; шитье, вышивка тамбурным швом

125 × 33

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Г.А. Григорьева. 1992.

97. Полотенце

Конец XIX – начало XX в.

Олонецкая губерния

Происхождение: из часовни Георгия Победоносца д. Минино

КНП. КП 77

Льняное полотно, кумач, шерстяная ткань, хлопчатобумажные и шерстяные нити; ручное ткачество, шитье, вязание крючком, вышивка тамбурным швом

211 × 36,5

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Г.А. Григорьева. 1992.

98. Полотенце

Конец XIX – начало XX в.

Олонецкая губерния

Происхождение: из часовни Георгия Победоносца д. Минино

КНП. КП 53

Хлопчатобумажное полотно, кумач, хлопчатобумажные нити; шитье, вязание крючком, вышивка тамбурным швом

201 × 30

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Г.А. Григорьева. 1993.

99. Полотенце

Конец XIX – начало XX в.

Олонецкая губерния

Происхождение: из часовни Георгия Победоносца д. Минино

КНП. КП 81

Льняное полотно, кумач, хлопчатобумажные нити, хлопчатобумажное кружево; шитье, вышивка тамбурным швом

240 × 33

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Г.А. Григорьева. 1992.

100. Полотенце

Конец XIX – начало XX в.

Олонецкая губерния

Происхождение: из часовни Казанской Богоматери д. Минино

КНП. КП 51

Льняное полотно, кумач, хлопчатобумажные нити; шитье, вязание крючком, вышивка перевитью по выдернутому полотну

228 × 36,5

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Г.А. Григорьева. 1992.

101. Полотенце

Начало XX в.

Олонецкая губерния

Происхождение: из часовни Георгия Победоносца д. Минино

КНП. КП 78

Холст, кумач, хлопчатобумажное кружево, хлопчатобумажные и шерстяные нити; ручное ткачество, шитье, вышивка тамбурным швом

208 × 33,5

Реставрация: Архангельский филиал ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря. Г.А. Григорьева. 1992.

102. Златоуст

1904

Москва

КНП. КП 290

Бумага, дерево, кожа, металл; рукопись, печать, тиснение переплета

35,5 × 23 × 8.

Список принятых сокращений

АОМНИИ

Архангельский областной музей изобразительных искусств

АФ

Архангельский филиал

ВХНРЦ

Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря

ГААО

Государственный архив Архангельской области

ГАИМК

Государственная академия материальной культуры

ГИМ

Государственный Исторический музей

ГМО

Государственное музейное объединение

ГНИМА

Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева

ГЦХРМ

Государственная центральная художественно-реставрационная мастерская

ИИМК РАН

Институт истории материальной культуры Российской Академии наук

ИМЛ РАН

Институт мировой литературы Российской Академии наук

Каргопольский музей-заповедник

Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

КНП

ФГУ «Национальный парк «Кенозерский»»

ЛХУ

Ленинградское художественное училище им. В.А. Серова

МГУ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МК РФ

Министерство культуры Российской Федерации

НИИТИАГ РААСН

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук

ОЕВ

Олонецкие епархиальные ведомости

ПетрГУ

Петрозаводский государственный университет

РАНИОН

Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РАХ

Российская Академия художеств

РГИА

Российский государственный исторический архив

СГИАПМЗ

Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник

СПХУ

Санкт-Петербургское художественное училище им. Н.К. Рериха

ЦГА Карелии

Центральный государственный архив Республики Карелия

ЦМиАР

Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева

ЦС ВООПиК

Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

ЧОИДР

Чтения Общества истории и древностей российских